Абордажная команда Белвела

Игорь Хоров

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Крики чаек, соленые брызги в лицо, ветер, развевающий волосы, и оживленный фэнтезийный мир за бортом: прибрежные города, острова и сокровища, морские чудовища и демоны, алхимические гильдии, колдуны и чернокнижники, королевские агенты, военные армады, торговые суда и пиратские бароны. Усаживайтесь поудобнее, мы поднимаем паруса и отчаливаем! Это история восхождения капитана: от бродяги до славного морского волка. Главное для капитана — команда. Эта история о ней — Пиратской команде Фрэнсиса Эвери, человека, у которого есть секрет — внутри него поселился демон, наделяющий огромной силой. Но вскоре возникает вопрос: а кто на самом деле капитан на этом корабле? Человек или демон?

- Игорь Хоров
  - Часть 1. Форт Бланкальер
    - Глава 1. Ледяные оковы
    - Глава 2. Сэр Хауэлл и сэр Дайтоб
    - Глава 3. Демон морозного течения
    - Глава 4. Алхимик Панагам
    - Глава 5. Дрейф
    - Глава 6. Оливье Шарм
    - Глава 7. Тщательная подготовка к штурму
    - Глава 8. Комендант форта Бланкальер
    - Глава 9. Первое дело команды Эвери
    - Глава 10. Грэм Блэксмит
    - Глава 11. Побег
    - Глава 12. Клятва на крови
    - Глава 13. Махинации сэра Хауэлла
  - Часть 2. Алхимики Порт-Стена
    - Глава 14. Абордаж
    - Глава 15. Черное колдовство
    - Глава 16. Лавка алхимика
    - Глава 17. Воля капитана Эвери
    - Глава 18. Алхимики берутся за дело
    - Глава 19. Мастерство Панагама
    - Глава 20. Эликсир Белвела
    - Глава 21. Новый экипаж пиратского флейта
    - Глава 21. Новый экипаж пиратского флейта
    - Глава 22. Фрэнсис на улицах Порт-Стена
    - Глава 23. Единственный в мире пират-наемник
  - Часть 3. Сокровища капитана Райса

- Глава 24. В море!
- Глава 25. Курс на дьявольский остров
- Глава 26. Призрак капитана Райса
- Глава 27. Высадка на остров
- Глава 28. Змеиный царь
- Глава 29. Статуэтка
- Глава 30. Проклятые сокровища
- Глава 31. Старые враги
- Глава 32. Пираты в ловушке
- Глава 33. Возвращение на флейт
- Глава 34. Демон под черным флагом

Игорь Хоров
Абордажная команда Белвела

Часть 1. Форт Бланкальер

Глава 1. Ледяные оковы

Над черной водой нависли глыбы льда. Южный ветер, непривычный к снегу, неуверенно взял его в руки, закрутил в вихре, пробуя на вкус, и мириады снежинок, вспорхнув с вершины айсберга, приземлились на темную гладь моря, мгновенно растворяясь в ней. Наступил полный штиль.

Старый бриг, потрепанный стихией и бесконечными абордажами, застыл на воде. Днище облепили ракушки, паруса давно порвались. Черный пиратский флаг с черепом и костями заиндевел, бессильно повис, угрюмо опустив голову. На носу корабля, закутавшись в штормовку, стояла темноволосая девушка. Ее звали Роберта. От мороза щеки играли румянцем, а глаза слезились. Она пристально всматривалась вдаль. Роберта вдохнула студеный воздух, взглядом ища выход из ледяного лабиринта, но тёмное грозовое небо над головой не сулило надежды, хотя сырой холод, еще вчера пробиравший до костей, теперь отступил.

Вот уже четыре дня как бриг не может выбраться из ловушки. За одну ночь лютый мороз заковал свои жертвы, черная магия опутала сетью мрачных айсбергов. Корабль не был оснащен для подобной погоды, а у команды, и без того потрепанной после встречи с военным галеоном, не было теплой одежды. Первые дни они сутками напролет топили печку и кутались в одеяла, ковры и парусину, а потом в один момент вьюга утихла, и когда моряки выбрались на верхнюю палубу, то сугробы на ней уже таяли. Корабль слегка покачивался на воде, но окружающие его айсберги, вызванные темной магией, были неподвластны солнечным лучам. С тех пор минуло еще два дня.

Прямо по курсу Роберта заметила маленькую лодку, невесть откуда взявшуюся. Приглядевшись, увидела лежащего в ней человека. Рукоять рапиры будто сама скользнула в руку. Роберта, бросив на лодку еще один взгляд, быстро направилась на ют. Заметался язычок судового колокола.

На палубу, ежась от холода, с абордажными саблями в руках угрюмо вышли шестеро мужчин в штормовках. Первым показался Жюжель, окинул пустую палубу недовольным взглядом. Следом вышел Карнаух, присвистнул:

— Мертвеца принесло.

Якоб, пират с длинной густой бородой, на всякий случай начал заряжать пистолет:

— В таких местах и покойники ходят, — сказал он,

оглядываясь по сторонам.

Карнаух с гиканьем бросил веревку, крюк зацепился за борт, и пират потянул лодку на себя. Она пошла легко, с разгона ударилась о корпус брига.

— Замерз, еще бы, — высморкавшись, сказал Карнаух.

— Тащи наверх, — приказала Роберта.

— Не слышу, — пират подставил другое ухо, — чего?

Роберта не ответила, только кивнула на двух разбойников, которые уже полезли в лодку, подняли бесчувственное тело за посиневшие руки. Перегнувшись через фальшборт, Карнаух схватил человека за грязную рубаху, давно превратившуюся в лохмотья, и потянул вверх. Ткань лопнула, и тело с глухим ударом упало на дно лодки, чуть не опрокинув ее. Обнажился израненный торс, показалась измочаленная кожа, окрашенная в самые разные оттенки: от желтого до ярко-красного. Пираты грубо выругались на Карнауха, но тот не услышал, раздраженно крикнул:

— Да выкиньте вы этот труп!

— Живой еще, — крикнули ему в ответ, но Карнаух снова ничего не понял, подумал только, что ругаются на него и с чувством протянул:

— Ну, уроды!..

Крепкие пальцы пирата ухватили тело под мышки, резко вытянули на борт. Карнаух проверил пульс, коснувшись шеи:

— Так он живой! Отродясь такого не видел.

— Перевязать бы, — неуверенно сказал Якоб из-за спины Роберты, — жалко, доктора порешили.

— Стойте-стойте, — заговорил Жюжель, — чего надумали-то? Вы не моряки, если не слышали такие рассказы! Это посланник самого дьявола, не иначе! Поможем — и он утащит нас на дно!

— Дьявол?! — Якоб заткнул пистолет за пояс, — оглянись кругом, дьявол уже поймал нас! А парень этот… тоже, верно, попал в ловушку.

— Заткнись! — рявкнул Жюжель, — это уловка, он погубит нас!

— Оставим на борту, — решила Роберта.

— Капитан, — Жюжель прокашлялся. — Дьявол поймал нас, теперь не отпустит. А это — его слуга. Не человек, а демон. Неужели не слышала такие истории? Он всех убьет, а нескольких, кто приглянется, заберет на дно, навеки служить морскому дьяволу!

Наступила тишина. Пираты с подозрением разглядывали раненого. У него не было ни одной глубокой раны, только кровоподтеки, порванная кожа, сбитые пальцы. В подранных

лохмотьях угадывалась одежда, которую носят заключенные любой королевской тюрьмы.

— Оставим беднягу, — решила Роберта.

— Капитан!.. — Жюжеля затрясло от ярости.

— Он жертва, как и мы. Отнесите в каюту, обработайте раны! Все мы в одной ловушке.

Якоб кивнул другому пирату, Вильяму, они подняли тело и потащили вниз. Остальные последовали за ними, и только Роберта осталась на верхней палубе, задумчиво разглядывая клинок рапиры, покрывшийся инеем. Кутаясь в штормовку, она растерла нос и щеки, отчего они еще больше покраснели.

Пираты спустились в каюту, и, кряхтя, бросили тело в угол.

— Тяжелый, как сундук с золотом, — сказал Якоб.

— А когда мы последний раз видели сундук с золотом? — проворчал Жюжель. — Будь проклят тот день, когда моя нога ступила на эту посудину! Три месяца впустую! Все вокруг да около, а теперь вот влипли по-настоящему. А чего еще было ждать?

— Говори, что на уме-то? — Карнаух присел рядом.

— Ясно как день! Пора менять капитана!..

— Ох, Жюжель, не вовремя ты, недели бы две назад, — с досадой проговорил Якоб.

— Заткнись! — рявкнул Жюжель. — Время самое то! Еще немного — и мы покойники.

Карнаух нахмурил лоб, сосредоточенно вслушиваясь, но ничего не разобрал и на всякий случай процедил:

— Ну, уроды!..

Жюжель вскинулся, чтобы ответить, но его прервал звон рынды. Пираты, схватив сабли, рванули на палубу. Там, под пронзительным ветром, следуя взглядом за наконечником рапиры Роберты, они увидели, что по льду к ним приближается человеческая фигура. Пираты всматривались, но силуэт был слишком далеко. Роберта молча передала подзорную трубу Якобу. Пальцы сжали корпус, разбойник подставил глаз, испуганно вскрикнул. Жюжель вырвал у него трубу и посмотрел сам.

— Морской дьявол желает нашей смерти, — прошептал он.

Фигура дошла до края льдины, до судна оставалось метров двадцать, и теперь легко можно было разглядеть, что это и не человек вовсе, а пожелтевший скелет, в грязном разорванном тряпье, крепко сжимающий ржавый меч. За спиной он тащил порванный штандарт, на котором угадывалась символика Короны. Под такими знаменами идет в бой кавалерия монарха

Теадора Третьего.

Роберта сбросила с себя штормовку. Пиратка оказалась в шелковой белой рубашке и серой короткой куртке. На ногах — чёрные штаны с лентами у колен и невысокие сапоги.

Скелет взмыл в воздух, от чудовищного толчка лед треснул под ногами. В прыжке свистнула ржавая сабля. Мертвец с такой силой приземлился на палубу, что корабль вздрогнул и накренился.

Роберта схватила пистолет, щелкнул курок, и пуля снесла скелету пару ребер, разлетевшихся трухлявой крошкой. Мертвец пошатнулся, запнулся о канаты, но тут же неведомая сила бросила его вперед. Он рванул к Роберте, вскинул ржавый меч, мелькнуло затупившееся лезвие. Будто в танце сапоги пиратки отсчитали три шага вбок, и она коротким выпадом проткнула череп, который тут же разлетелся вдребезги, словно глиняный. Скелет не успел упасть — с лихими выкриками пираты ринулись на него, клинки с глухим хрустом кромсали кости и пронзительно звенели, нечаянно встречаясь друг с другом. Обломки костей брызгами разлетались в стороны, и скоро скелет обратился в бесформенную кучу.

— Дьявольщина! — крикнул Жюжель, — сколько лет плаваю, а такое впервые!

— Мало плаваешь, — Карнаух высморкался, пальцы обтер об штаны, — видал я мертвяков. Кажутся страшными, а на деле — плюнь, и рассыпятся.

— Штандарт-то королевский, — Якоб в омерзении пнул кости, — и так спасу от них нет, еще и после смерти лезут!

Раздался треск, корабль накренился от сильного удара. С льдины на палубу прыгнуло еще два скелета.

— Ну, иди сюда! — рявкнул Якоб, ударил себя в грудь.

Скелеты неуклюже замерли, а он бросился на них, но не рассчитал силы. Первый с легкостью отбил удар, а второй загнал в грудь Якоба ржавый клинок по самую рукоять.

— Все вместе — атакуем! — крикнула Роберта, и пираты пошли в наступление. Кости застучали по палубе: первый скелет не устоял под шквалом сабельных ударов. Второй скользнул вбок, одним рывком оказался за спиной Роберты, свистнуло лезвие, уже обагренное кровью человека. Роберта увернулась и нанесла удар в пустую грудь.

Костлявые пальцы с чудовищной силой сдавили клинок, и скелет вырвал оружие из рук пиратки. Она ахнула, отступила на шаг. Сзади налетели разбойники, спину мертвеца раздробили сабли, он даже не успел повернуться к ним. Костяная рука с рапирой брякнула о палубу, рядом упал и меч.

Пираты, отдышавшись, брезгливо выкинули останки за борт. Роберта, заворачиваясь в штормовку и подбирая оружие, кивнула на Якоба, который мертвыми глазами смотрел на небо.

— Похоронить надо бы.

— По заслугам получил, гаденыш, — ядовито сказал Жюжель, презрительно рассматривая труп.

— Да, жалко, — не расслышав, кивнул Карнаух, — дельный был малый.

Пираты подняли Якоба и перекинули за борт. Тело шлепнулось о воду.

К вечеру команда собралась в кают-компании, согреваясь ромом. С наступлением темноты вернулся мороз, и они вновь затопили печку. Роберта присела к найденному в лодке человеку, разглядывая его.

— Ран стало как будто бы меньше, — проговорила она.

— На нём и не было ран, — уверенно сказал Вильям, — только кровоподтёки, я такого никогда не видел. Что с ним делали? Пытали?

Роберта покачала головой:

— Поглядите внимательно. Лицо было изуродовано, а теперь хорошо видны все черты.

— Я говорил! — вмешался Жюжель, — это посланник морского дьявола! Всё, как я рассказывал!

— Хватит, — отмахнулась Роберта.

— Капитан! Мы требуем выкинуть демона за борт, пока не поздно! — почти крикнул Жюжель, плохо сдерживая гнев.

Роберта встала:

— Я решила, что он останется. Кто не согласен, может бросить мне вызов прямо сейчас! А нет, так подчиняйтесь капитанской воле!

Жюжель зло посмотрел на неё, но сел на место и глотнул рома:

— Давайте, лечите на свою погибель.

Поскольку на судне не было врача, раны обработали торопливо и неумело. Выставив часового, решили поспать хоть немного. Рядом с раненым присел Жюжель, зарядив пистолет. Шли часы, но пират не смыкал глаз. Когда все уснули, незнакомец впервые пошевелился. От неожиданности Жюжель едва не выстрелил. Он осторожно подошёл и пригляделся.

— Воды, — слабо проговорил раненый.

— Чёрта с два тебе, а не воды, — прошипел пират и вдруг почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит.

— Отойди, — холодно сказала Роберта.

Пират вздрогнул, а потом медленно повернулся к ней, как бы невзначай демонстрируя заряженный пистолет. Роберта не шелохнулась. Выдержав паузу, Жюжель посторонился:

— Как скажешь, капитан.

Роберта присела к раненому и приложила ко рту его бутылку грога. Тот в полузабытье жадно слизывал влагу с губ.

— Кто же ты такой? — еле слышно спросила пиратка.

На ее удивление, он разодрал губы, сросшиеся от запекшейся крови, и что-то прошептал. Язык не слушался, звуки выходили шипящими. Роберта наклонилась ниже.

— Кто ты? — повторила она чуть громче.

Ей показалось, что он улыбнулся, а потом выговорил тихо:

— Фрэнсис Эвери, — после этих слов губы скривила судорога, и он впал в забытье, голова бессильно склонилась набок.

Всю ночь Роберта не отходила от раненого, косясь в сторону Жюжеля, который насмешливо улыбался, не снимая пальца с курка.

Утро пираты встретили изможденными, будто не спали, а всю ночь таскали ящики с контрабандой. Огонь в печи потух, но с рассветом солнце вновь разогнало колдовской мороз.

— Так и помрем, — сказал Карнаух, делая последний глоток рома и откидывая пустую бутылку.

— Не всё потеряно, — мрачно проговорил Жюжель, кивая в сторону раненого, — выкинем его. И тогда морской дьявол отпустит нас!

— Но капитан…

— Врублю картечью — и нет ее!

В каюту зашла Роберта. Жюжель нетвердо поднялся со стула, положил ладонь на эфес сабли.

— Завела нас в ловушку, стерва! — крикнул он, — обрекла на смерть! Чем платить думаешь?

Роберта поняла, что сейчас будет бунт. Карнаух уже вытащил из-за пояса кинжал, Вильям сжал рукоять шпаги.

— Не моя вина, — ответила Роберта, плавно вытаскивая из-за пояса пистолет, — накрыло за одну ночь, никто бы не успел уйти.

— Плевать! — крикнул Жюжель, — а до этого? Три месяца ходили по краю! Грэм, конечно, хороший капитан был, но не пускать же три месяца коту под хвост!

— Верно! — поддержал его Вильям.

— Сделайте меня капитаном! — Жюжель повернулся к пиратам, — выкинем демона за борт и выйдем отсюда! Не станем

терять время: наберем большую команду, разбогатеем. Разрази меня гром, если будет не так!

— Жюжель — новый капитан! — гаркнул Карнаух.

— В таком случае, прошу на палубу! — Роберта быстро вышла, опасаясь стычки в закрытом помещении, где у нее не было шансов. Пираты, несмотря на ее сомнения, чтили кодекс, и собирались решить вопрос как подобает воинам моря.

Поднялись наверх: там светило солнце, но ледяные глыбы всё так же равнодушно обступали судно со всех сторон.

— Давайте, ребята, кто со мной!? — выкрикнул Жюжель и отошёл к левому борту, — идите сюда!

Роберта отошла в другую сторону, а четверо оставшихся пиратов без колебаний примкнули к Жюжелю.

— Прости, Роберта Блэксмит, но капитана из тебя не вышло, — проговорил Карнаух, — жалею, что пошел за тобой. Вот Грэм был капитан, это да!

— Ну а теперь, отложи рапиру, — сказал Жюжель.

— Да чёрта с два! — хмыкнула Роберта, со злостью скидывая штормовку.

— Ха, тебе же хуже! Берите её, ребята! — крикнул Жюжель, — за все мне ответишь!

Пираты медленно, с опаской, надвигались на Роберту, внимательно наблюдая за острым наконечником рапиры.

Со стороны льдов, над черной водой разнесся протяжный вой. Все как один обернулись. По сугробам, загребая снег, брел полусгнивший труп. Из мяса сквозь изодранное тряпье торчали обломки костей. На щеках свисала бледно-желтая кожа, в одной глазнице — пустота, в другой — око с бельмом. На левой руке была срублена кисть, в правой мертвец держал тесак.

Монстр присел и молча прыгнул. Тень скользнула над водой, ступни с облезшей кожей глухо ударились о палубу. Челюсть клацнула — чуть не вылетела. По всему кораблю тотчас распространилась ужасная вонь. Незримая сила бросила мертвеца вперёд, он сбил двух разбойников, всадил тесак одному в сердце, другой попытался отползти, но получил удар спину. Вильям кинулся на помощь, проткнул зомби шпагой, из раны брызнул гной. Сбоку появился Карнаух, с бешеным взглядом размахнулся саблей, но получил страшный удар в живот, левая рука мертвеца с торчащими острыми костями была не хуже оружия. Карнаух вскрикнул и осел, глотая воздух.

Монстр прыгнул на Вильяма и повалил, жёлтые кривые зубы впились в глотку. Со звериной яростью мертвец вырвал кадык. Пират захрипел так громко, что его наверняка услышали даже в аду.

Оставшиеся разбойники, крепче стиснув рукоятки сабель, бросились в бой и нанесли несколько точных ударов. Мертвец не чувствовал боли, только рвался вперед, еще сильнее нанизывая себя на лезвия. Когда пиратам показалось, что победа у них руках, зомби с лютой силой прыгнул вверх и приземлился у другого борта, рядом с Робертой. Та отшатнулась, а он рассмеялся, и было слышно, как хлюпает в лёгких.

У мачты, скорчившись, лежал Карнаух, его била дрожь. Мертвец вдруг рванул к нему, но на пути встал Жюжель, его сабля, сделав полуоборот, глубоко вошла в плечо монстра. Мертвец, хрипя и воя, совершенно обезумивший, бросился назад, на Роберту, ударом руки выбил рапиру. Гнилые зубы впились ей в руку. Она закричала, кровь отхлынула от лица. Мелькнула сабля, и голова монстра покатилась по палубе, а гнилое тело повалилось рядом. Наконец воцарилась тишина.

Жюжель, единственный оставшийся на ногах, сплюнул и презрительно посмотрел на Роберту.

— И что с тобой делать? — спросил он, тяжело дыша, — теперь даже коснуться противно. Теперь ты станешь таким же мертвецом.

Роберта не сдержалась, слезы покатились по щекам. Она стиснула раненую руку, а Жюжель подошёл и ткнул ей саблей в бок.

— Придётся избавиться от тебя.

Дрожа всем телом, пиратка поднялась на ноги.

— Как я тебя ненавидел, но теперь даже жалко. Ничего не поделаешь. Полезай за борт, ледяная вода быстро убьёт.

Роберта всхлипнула и помотала головой.

— Лезь! Или я порублю тебя на куски и багром выкину за борт!

Жюжель ткнул саблей в плечо.

— Клянусь, это лучше, чем стать мертвяком! — крикнул он, — ещё секунда, и я зарублю тебя!

Он взмахнул саблей, но взгляд упал на лежащую под ногами голову мертвеца. Неизвестно, увидел ли Жюжель что-то или это было только предчувствие, но пират обернулся вовремя — на него шел обезглавленный труп. Жюжель в ярости бросился вперед, всадил саблю прямо в сердце, но мертвец, будто и не заметив раны, ухватил его за глотку и швырнул о палубу. Не успел пират встать, превозмогая боль, как монстр обрубком левой руки нанес удар в солнечное сплетение. Жюжель захлебнулся кровью, а глаза стали как стеклянные. Мертвец отбросил его и теперь медленно надвигался на оцепеневшую от ужаса Роберту.

— Стой, труп, — сказал кто-то сорванным голосом, с трудом

выговаривая слова.

Роберта подняла голову: на верхнюю палубу вышел Фрэнсис Эвери. Он неловко переставлял ноги, будто заново учился ходить, коротко и часто дышал. Мертвец развернулся и бросился на него. Рука чудовища сделала взмах, обрушила на человека всю свою мощь. Фрэнсис Эвери, пошатнувшись, перехватил её и сломал о колено. Мертвец взревел, а Фрэнсис, морщась от боли, проворно поднял монстра над головой и перекинул за борт. Раздался всплеск и вслед за ним страшные вопли, которые стихли, только когда ледяная вода наполнила легкие мертвеца.

— Холодно-то как, — сказал Фрэнсис, садясь на бочку.

Несмотря на ужасные кровоподтеки, распухшее лицо и разбитые губы, он выглядел полным сил. От удивления Роберта позабыла о слезах, но всё так же крепко сжимала искусанную руку. Из-под пальцев сочилась кровь, впитываясь в ткань рубашки. В наступившей тишине стало слышно, как скулит Карнаух, ногтями скребет по палубе. Роберта перевела взгляд на него: он прерывисто дышал, ухватившись рукой за живот, на лбу выступили крупные капли пота.

Глава 2. Сэр Хауэлл и сэр Дайтоб

В капитанской каюте трехмачтовой военной каравеллы за столом, заваленным бумагами и картами, сидело двое мужчин. Первый из них — капитан корабля сэр Дайтоб, на королевской службе состоящий в звании капитан-командора. Он был одет в зеленоватый мундир: махровые эполеты, позолоченные пуговицы, воротник, застегнутый по самое горло. Дайтобу было за сорок, его грубое лицо с густыми бровями смягчал простодушный взгляд. Рядом с капитаном находился канцлер Его Величества сэр Хауэлл в светло-сером мундире, с золотыми знаками отличия на рукаве. Он держался отстраненно, но хитрые глаза подмечали каждую, даже самую мелкую, деталь.

Просторная каюта обставлена была со вкусом. На палубе лежали ковры, на стенах висели картины, и на холстах словно оживали морские побоища прошлого, пороховой дым вился к небу, а пушки блестели на солнце.

Вошел солдат, здоровый малый с длинными руками, которому до смерти надоел непрекращающийся уже четыре часа допрос.

— Остался последний — юнга. Прикажете пускать, капитан?

Дайтоб рассеяно кивнул в ответ, и спустя минуту на входе в каюту остановился в нерешительности мальчик лет десяти со взъерошенными волосами цвета дегтя. Солдат слегка подтолкнул его в спину. Юнга прошлепал босыми ногами по роскошному ковру, с любопытством разглядывая оружие на стенах, атласы и громадный компас на столе.

— Присаживайся, — мягко сказал канцлер Хауэлл.

Юнга сел на стул в центре каюты.

— Итак, рассказывай все, что видел.

— Я ничего не видел, сэр, — ответил мальчик.

— Вот как, — Хауэлл принялся набивать трубку. — Вспоминай всё, что случилось в день, когда вас потопили.

— Я был на пушечной палубе и ничего не видел, сэр.

— А знаешь ли ты, что случилось на самом деле? — канцлер заглянул мальчику в глаза. Тот отвел взгляд.

— Говорят, это сделал один человек. Но мне не верится, — ответил юнга.

— А что же, по-твоему, было?

— Не знаю, сэр.

Канцлер закурил.

— А тот человек, о котором говорят, ты его видел?

— Да, сэр.

— Насколько сильным он выглядел?

Юнга на секунду нахмурился:

— Совсем слабым.

Дайтоб кивнул солдату, чтобы тот проводил мальчика.

С минуту помолчали.

— Итак, сэр Хауэлл, что вы думаете?

— Не знаю, что и сказать, сэр Дайтоб. Давайте пойдем по второму кругу. Позовите боцмана, пожалуйста.

Хауэлл чувствовал, что дело куда сложнее, чем казалось изначально. И вопрос даже не в том, что король лично поручил вести расследование, хотя и это говорит о многом.

Спустя минуту, пуская колечко дыма, Хауэлл наблюдал, как в каюту входит боцман: плотный мужчина в мундире, застегнутом так туго, что даже пуговицы трещали.

— Рассказывайте все по порядку, — сказал Дайтоб и принялся раскладывать на столе бумаги.

— Я ж ведь говорил, чего еще то, — пожал плечами боцман, покачиваясь на слишком узком для него стуле.

— Ещё раз, как можно подробнее. При каких обстоятельствах погиб ваш капитан?

— Пленник порвал его в клочья. Страшная картина, сэр.

— Расскажите подробней.

— Как было, так и говорю. Прямо голыми руками разорвал надвое. Капитан, конечно, успел выстрелить. Но бестолку.

— Промазал? — уточнил Хауэлл.

— Что вы, сэр. Я же рассказывал. Прямое попадание, как и ожидалось от нашего капитана!

— В чем же тогда дело?

— Это был не человек, сэр. Его тело прочнее стали!

— Канонир сказал, что дал по нему пушечный залп. Это правда?

— Сущая правда, сэр, — кивнул боцман. — Вы уж извините, во рту пересохло, не могли бы плеснуть мне рома?

Хауэлл отложил трубку, источавшую дурманящий аромат, и неспешно налил полный стакан. Боцман выпрямился, быстро облизал губы. Канцлер передал ему ром, тот выпил залпом и охотно продолжил:

— Прямое попадание! Ядро жахнуло ему в живот, и ничего! Это не человек, говорю вам!

— А кто же, простите? — поинтересовался Дайтоб.

— Дьявол, сэр!

— Хорошо, скажите ещё раз, для протокола, из-за чего потонуло судно.

— Этот черт сорвал грот-мачту! — боцман, подавшись вперед,

поставил пустой стакан на стол.

— Как это?

— Голыми руками, сэр.

— Невозможно.

— В том то и дело. Зафиксируйте там у себя, в протоколе! Пишите: голыми руками сорвал грот-мачту и пробил ею корпус судна, прекрасного фрегата «Теадор Третий».

— Так и запишем, — заверил Хауэлл. — Что ж, это все, что мы хотели узнать.

— Отлично, сэр. Позвольте ещё стаканчик?

— Вы свободны, выпейте что-нибудь на свежем воздухе.

— Благодарю, сэр, — пробурчал боцман, не сводя глаз с бутылки.

Сэр Хауэлл снова взялся за трубку, не спеша затянулся:

— Кто дальше?

— Штурман «Теадора», — сверившись со списками, ответил Дайтоб.

— Он не скажет ничего полезного. Позовите лучше солдата, который сражался с этим дьяволом — Фрэнсисом Эвери, — попросил Хауэлл.

Вскоре в каюту вошел солдат. Может быть, из-за перевязанной руки, может, из-за чего-то другого, но вид у него был растрепанный. Глаза нервно прыгали от лица к лицу, от предмета к предмету. Он неловко опустился на стул.

— Вы видели пленника до того, как сразились с ним? — спросил Дайтоб.

— Да, сэр, — живо заговорил солдат, будто только и ждал этого вопроса, — он был слаб, как любой пленник, которого перевозят на судах подобного рода. Понимаете, условия не располагают…

— Вижу, вы человек образованный, — заметил Хауэлл.

— Да, сэр. Окончил королевскую академию с отличием.

— Отчего же стали простым моряком?

— Я из старинного рода морских рыцарей, — солдат поправил повязку на руке, — у нас до сих пор над камином висит родовой герб. Семья хочет, чтобы я служил в королевском флоте и получил хотя бы один знак отличия.

— И получите, — пообещал Дайтоб, — вы проявили себя героем. Я лично отправлю ходатайство в Королевское геральдическое общество с просьбой внести в ваш герб дополнительный знак за отвагу в бою.

— Спасибо, сэр! — воскликнул солдат.

— Прекрасно, — заговорил Хауэлл, — а теперь рассказывайте.

— Да, сэр. Я услышал ужасный грохот. Потом увидел, что пленник пробил подволок, порвал на себе цепи и вылез на верхнюю палубу. Тут-то я с ним и встретился. Он был страшен, как морской змей! Клянусь, я ударил его саблей дважды! Остались две царапины, не больше. Ну а потом началось…

— Подробнее, пожалуйста.

— Конечно, сэр. Он ударил меня, но я сумел парировать, потому и остался жив. Он чудовищно силён! Лично я думаю, что в него вселился бес!

— Не отвлекайтесь.

— Прошу прощения. Так вот, я увидел, что наш капитан выстрелил в него. Этому дьяволу, кажется, было больно. Он взбесился, подбежал к капитану и разорвал надвое… руками! Кости трещали так, что уши заложило. Тут же на демона бросился весь экипаж. Кричали как сумасшедшие. По демону дали хороший залп. Его отшвырнуло, но он встал как ни в чем не бывало. Потом начали палить из мушкетов, как минимум сотня выстрелов — и все в цель! А толку? Пули отскакивали! Вот тут он по-настоящему взбесился. Крушил все на пути! Вырвал грот-мачту! Пробил корпус, и мы пошли ко дну, а сам он выбросил шлюпку на воду и уплыл.

— А дальше? Вы видели, что было потом?

— Да, сэр. Не успел он далеко отойти, как попал в ловушку. Морской дьявол забрал его к себе! Из пучины у нас на глазах поднялись ледяные скалы — если б не это, мы его схватили бы, парень уже был при смерти. Жутко выглядел, весь в крови. Налетела снежная буря, стало темно, как ночью! А «Теадор Третий» треснул пополам и пошел ко дну. Никогда не забуду этой картины: под нами бурлит вода, а над головами воет метель. А спустя каких-то минут десять и горы льда, и вьюга, все ушло за горизонт… Мы барахтались в теплой воде, а с неба еще не упали последние снежинки, представляете?

— Спасибо, на этом всё, — кивнул Дайтоб.

— Спасибо и вам, сэр! Теперь я смогу, наконец, вернуться домой! При всем уважении, море — не моя стихия. С вашей помощью мой герб пополнится на один знак, и я покину флот. Доброго вам здоровья, сэр Дайтоб и сэр Хауэлл, — солдат поклонился и вышел.

Хлопнула дверь.

— Нам следует уточнить ещё один аспект, — сказал Хауэлл, — на корабле найдется приличный демонолог?

— Разумеется. Велите позвать?

— Если это возможно.

— Почему нет? — Дайтоб передал пожелание солдату и

спустя минут пять в каюту вошел высокий молодой человек, в черной форме, чуть блестящей, будто кожаной. Хауэлл видел подобное одеяние у придворных колдунов.

— Королевский демонолог Густав Клиффер к вашим услугам, — представился он.

— Проходите, присаживайтесь, — пригласил его Хауэлл. — Густав, два дня назад произошел некий инцидент. С корабля «Теадор Третий» сбежал пленник, в одночасье получивший громадную силу. Он потопил корабль и попытался скрыться на шлюпке. Его настигло и поглотило морозное течение. Нас интересует несколько вопросов. Первое: в истории демонологии бывали подобные случаи?

— Если вы говорите о морозном течении, то, разумеется, бывали. А если о человеке, ставшим вдруг очень сильным, то не было, — отвечал демонолог, растягивая слова.

— Хорошо, Густав, тогда следующий вопрос. Мог ли этот человек быть морским дьяволом?

— Нет, сэр, — демонолог положил руки на колено, — морской дьявол — опаснейшее существо на свете, и не стало бы размениваться по таким мелочам. Кроме того, ни разу не было описано, чтобы оно принимало человеческое обличие.

— Запишите это, сэр Дайтоб, — попросил канцлер и задумчиво уставился на Густава. Тот ожидал следующего вопроса с видом, будто еще сотню лет может просидеть вот так, и это не станет его тяготить.

— А могло ли случиться, что в этого человека вселился бес? — спросил Хауэлл.

— Нет, сэр, — ответил Густав, — эти твари не могут сделать сильнее, даже если поймать их.

— Тогда расскажите нам про морозное течение.

— Обычный случай, сэр. Демон морозного течения, также известный как гласерман, ходит по морям и губит корабли и целые флотилии. Обитает на небольшой глубине, создавая вокруг себя в радиусе ста и более метров холодную полусферу. Ему не составляет труда превратить теплую морскую воду в лёд. Попавшись в ловушку, моряки быстро погибают от холода и становятся его слугами. После смерти он управляет ими, будто куклами в театре.

— Какова вероятность, что пленник и есть гласерман? — спросил Дайтоб.

— Нулевая, сэр. Гласерман никогда не покидает своего убежища, которое находится в двух-трех метрах ниже поверхности воды.

— Возможно ли убить гласермана, если обладать огромной

силой?

— Уже более двухсот лет ни у кого не получалось это сделать. В последний раз такое чудовище убил славный король Теадор Первый.

— Вот как, — Хауэлл задумался. — Спасибо, Густав, вы свободны.

Демонолог вышел, и в каюте воцарилась тишина. Хауэлл разочарованно посмотрел на потухшую трубку.

— Никогда не вел более запутанное дело! — воскликнул Дайтоб, отодвигая бумаги в сторону.

— И то правда. Скажите, когда мы прибудем в порт Вестфолла, если сменим курс сейчас же?

— Завтра к утру, я полагаю.

— Замечательно. На суше мне предстоит встретиться с некоторыми людьми и уточнить несколько моментов. Сэр Дайтоб, если вы согласитесь, то я буду просить королевский двор назначить вас моим компаньоном.

Глава 3. Демон морозного течения

На верхней палубе старого брига сидела Роберта, внимательно рассматривая повязку на плече, под которой заживала промытая рана. Рядом появился Фрэнсис, вытирая окровавленные руки о грязные лохмотья, едва напоминающие одежду.

— Перемотал ему пузо, жить будет.

С момента боя с мертвецом прошло более получаса, а Роберта так и не пришла в себя. Фрэнсису пришлось самому отнести стонущего Карнауха в каюту и наложить повязку.

— Я точно не стану зомби? — в который раз переспросила Роберта.

— Нет, — ответил Фрэнсис. — Идем же, пришло время выбираться изо льда.

Фрэнсис, натянув поверх лохмотьев не только куртку, но и штаны, снятые с погибшего Вильяма, прошёлся по палубе, выбирая саблю. Не расставаясь с рапирой, за ним отрешенно шла Роберта.

— Надо похоронить их в море, — сказала Роберта, ежась.

— Пиратский обычай?

— Так повелось.

— Раз уж я собрался стать пиратом… буду следовать традициям, — и Фрэнсис принялся выкидывать тела за борт.

— Как это — собрался стать пиратом?

— Я подумываю собрать команду и прославиться от моря до моря. Кстати, приглашаю и тебя, хотя, конечно, ты слишком слабая.

— Вот еще!

— Ха! Испугалась укуса мертвеца! Я даже ребенком знал, что это не опасно.

— Что же за детство у тебя было…

Фрэнсис предал последнее тело морю.

— Ну, идем. У нас нет времени, — сказал он и спрыгнул в лодку.

Роберта подошла ближе, но сходить не решалась.

— Ты… точно человек?

— А кто же, по-твоему?

— Ты дьявол!

Фрэнсис рассмеялся и протянул ей руку:

— Нет, я пират. Начиная с этого дня.

Роберта оглянулась на залитую кровью палубу, и, не обратив внимания на протянутую руку, спрыгнула в шлюпку. Фрэнсис

взял весло, и лодка отчалила.

— Отсюда нет выхода. Куда мы плывём? — спросила Роберта.

— Из ловушки действительно нет выхода, поэтому единственный шанс — это убить гласермана.

— Кого?

— Гласерман — демон морозного течения.

Их обступали ледяные скалы. Фрэнсис быстро греб, лодка скользила по черной глади воды.

— И как победить демона? Мы и с мертвецами едва управились.

— Роберта, успокойся. Недавно я бы сказал то же самое и первым ударился в панику. Но сейчас я готов свернуть ему шею!

— У него есть шея?

— Не знаю, об этом не слыхал. Главное — найти логово.

Фрэнсис греб, не сбавляя темпа. Роберт разглядывала своего спутника. Тело его как будто состояло из камня или стали. И видно было, что силы в нем непомерно. «Кто же он такой?» — подумала Роберта.

— Так что ты решила? — спросил Фрэнсис.

— А?

— Вступай ко мне в команду.

— Я сама капитан!

— Могу ошибаться, но, по-моему, единственный твой соратник сейчас валяется чуть живой. Присоединяйся ко мне и не пожалеешь, — пообещал Фрэнсис.

— Это глупо: у тебя нет ни команды, ни корабля.

— Вот упрямая. Ну ладно, все равно вступишь.

— Ни за что!

— Ха, посмотрим, — Фрэнсис подгреб к льдине. — Мне кажется, где-то тут. Логово гласермана находится ровно посередине ледника. Раньше я слышал много баек от моего друга-демонолога. Есть надежда, что про гласермана он рассказал правду, а не выдумал для интересности.

Лодка причалила к льдине, Фрэнсис спрыгнул. За ним сошла Роберта.

— Стой, ты куда? — окликнула она, видя, как он энергично зашагал вперед, — нужно затащить лодку, иначе уплывёт.

— Ах вот оно что… Я недавно в море и многие вещи забываю.

— А ещё хочешь стать капитаном! За тобой в жизни никто не пойдёт!

— Ну, это мы ещё посмотрим! Я ведь уже сказал тебе, что собираюсь прославиться как пират, — Фрэнсис безо всяких усилий затащил лодку на льдину. — Идём быстрее, я замерз.

Они зашагали, осматриваясь по сторонам. Снег слегка

подтаял и покрылся ледяной коркой, яркие солнечные лучи, отражаясь от нее, заставляли жмуриться.

— Смотри! — воскликнула Роберта, — там!

Фрэнсис прищурился:

— А что, похоже.

Они приблизились к небольшой оледенелой яме, напоминающей пересохший колодец.

— Эй, выходи! — крикнул Фрэнсис, наклонившись над ходом вниз.

Из ямы со свистом вылетел кортик, мелькнув перед глазами. Фрэнсис отпрянул, осознав, что ещё немного, и клинок угодил бы ему прямо в лицо.

— Ага! Значит, нашли что искали! — крикнул Фрэнсис. — А ну, выходи, есть о чем потолковать!

Под светлым льдом блеснуло что-то серое. Спустя мгновение, словно пробка из бутылки, из колодца вылетел скелет, поднявшись на десяток метров. Тяжелая булава в костяной руке увлекла вниз, и мертвец рухнул. По льду побежала паутинка, а скелет, не выдержав приземления, развалился на части. С хрустом оторвалась нога, с бряканьем отлетел череп.

Из колодца донесся шум, спустя секунду показались седые волосы, потом полусгнившие руки, и на свет вылез горбатый зомби с кортиком в руках. А следом за ним еще один скелет с булавой, который ринулся в атаку первым — прямо на Роберту. Фрэнсис выхватил саблю и бросился на зомби, который с ревом размахивал проржавевшим лезвием. Роберта еле успевала уклоняться и шаг за шагом отступала. Фрэнсис молниеносным движением выбил из руки зомби кортик, вместе с ним отлетели гнилые пальцы. Лезвие сабли распороло мертвеца надвое — вымерзшие внутренности выпали на лед. Фрэнсис в два шага оказался рядом с Робертой, и сабля обрушилась на череп скелета. Мертвец разлетелся по косточкам — настолько сильным был удар. Роберта, тяжело дыша, опустилась на лёд, ухватившись за раненую руку. Фрэнсис опустил саблю.

Солнце все так же припекало. Спустя минуту, отдышавшись, Роберта подошла к ледяному колодцу.

— Он там, — сказал Фрэнсис, вглядываясь в темноту.

— Не пролезть.

— Эй, ты! Иди сюда! — Фрэнсис что было сил ударил по ледяному колодцу. Пошли трещины.

Фрэнсис ухмыльнулся и, под удивленным взглядом Роберты, достал булаву среди груды костей, оставшихся от скелета. Будто удар грома пронесся над водой: Фрэнсис ударил первый раз, а потом принялся без остановки молотить по льду. Такой дикой

силы Роберта не видела никогда. Даже пушечный выстрел не был таким мощным. Кусочки льда, играя на солнце, разлетались в стороны от каждого удара. С пронзительным скрипом колодец дрогнул, и Фрэнсис с Робертой вместе с ледяным потолком провалились вниз, будто в волчью яму.

Метрах в двух над головой зиял проем, откуда лился свет, разгонявший полумрак ледяной пещеры. Справа расположился низкий проход. Фрэнсис решительно направился туда, вытащив из-под осколков льда булаву. Роберта, переведя дух, поспешила за ним.

Далеко идти не пришлось. Шагов через пятнадцать они вошли в новую пещеру, поменьше первой. И там, на ледяном постаменте увидели маленькое существо, размером с младенца, худое и волосатое. Демон внимательно смотрел на них паучьими глазами. Их было восемь, и напоминали они черные бусинки.

— Ну, готовься, — сквозь зубы процедил Фрэнсис.

— Далеко зашли, — вкрадчиво произнес гласерман тоненьким, на удивление приятным голоском.

Роберта перехватила рапиру, Фрэнсис сделал шаг вперед, крепко сжимая булаву. Гласерман засмеялся и хлопнул в ладоши. Лёд под ногами Роберты и Фрэнсиса мгновенно растаял, и они ухнули в воду.

— Я до тебя доберусь! — крикнул Фрэнсис, вынырнув на поверхность.

Гласерман ещё раз хлопнул в ладоши, и в ту же секунду вода обратилась в лед. Роберта оказалась вмерзшей по самые плечи, а Фрэнсис по пояс, правая рука его оказалась во льду, зато левая двигалась свободно.

— Пусти меня, и я сверну тебе шею! — взревел Фрэнсис.

Гласерман довольно рассмеялся.

— Попались-попались! — пропел он, — на этом ваша удача закончилась!

— Моя удача всегда при мне! — крикнул Фрэнсис, пытаясь высвободиться. Рвался, но тщетно, ледяная хватка была сильнее.

— Человек-человек, ты очень глупый! — гласерман снова залился смехом, — у меня есть приятель — демон удачи. Однажды он оценил мое везение, и сказал, что я очень неплох. Ты знаешь арифметику?

— Я знаю, — сказала Роберта, сдувая с лица мокрые волосы.

— Чего ты разговариваешь с этим чудовищем? — буркнул Фрэнсис.

— Хорошо, — решительно кивнул гласерман, пропустив оскорбление мимо ушей, — если представить, что высшая удача, какая только возможна, равна десяти, то удача обычного человека

равняется четырем. А мой показатель — шесть! Даже для демона это очень много!

— Пустяки, — проворчал Фрэнсис, — я везучий и без твоей арифметики.

— Глупый-глупый человек! Ты вздумал спорить с демоном удачи? Сомневаешься, что мой показатель: шесть из десяти?

— Так значит у меня восемь или девять! А может все десять! Выпусти, и поглядим, на сколько тебя хватит.

Гласерман помрачнел, пошевелил длинными волосатыми ушами, неуклюже торчащими на лысой голове.

— Почему не веришь моему слову? Ты просто человек, один из тысяч! Почему считаешь, что можешь говорить с демоном в таком тоне?

Фрэнсис хмыкнул и замолчал, безмолвствовала и Роберта.

— Хорошо, я докажу тебе, — бросив испытующий взор на пленников, сказал гласерман, — мы с тобой кинем кости, и если ты выиграешь, я отпущу вас. Проиграешь — казню.

С этими словами гласерман зачерпнул ладонью снег, и тот мгновенно обратился в воду, что засочилась между пальцами. Восемь глаз моргнули, рука взлетела вверх, и демон метнул жидкость: капли на лету соединились и затвердели, перед Фрэнсисом брякнуло два кубика — самых обычных игральных кости, только изо льда. На верхних гранях читались цифры: четыре и четыре.

— Восемь, — подсчитал гласерман, — твоя очередь.

Фрэнсис свободной рукой поднял кости, глубоко вздохнул. Роберта затаила дыхание.

— Все равно без удачи мне не стать пиратом, — сказал Фрэнсис, — так что если погибну тут, невелика потеря!

Кубики застучали по ледяной поверхности. Фрэнсис и Роберта с замиранием сердца следили, как мелькают грани. Одна кость замерла: три. Гласерман усмехнулся. Остановилась и вторая: шесть.

— Девять! — ликующе воскликнула Роберта, — демон, ты проиграл!

Гласерман недоуменно моргнул.

— Проиграл?.. — он не сразу понял произошедшее. — Хм. Тогда я просто убью вас, и никто не узнает моего позора.

— Ты обещал отпустить нас! — крикнула Роберта.

— Но я же не думал, что проиграю! Извините… — гласерман потер ладони, и лед плотнее сжался, стремясь раздавить пленников.

— Ну, гад! — крикнул Фрэнсис и свободной рукой ухватился за навершие булавы, торчащее на поверхности. Он сильно дернул,

рукоять сломалось, а тяжелый стальной шар с шипами лег в руку.

Фрэнсис размахнулся, изо всех сил метнул его в гласермана. Навершие свистнуло в воздухе и припечатало демона к ледяному постаменту, хрустнули кости. Веки чудовища сомкнулись, язык вывалился наружу, а волосатое тельце так и не шелохнулось. Лед вокруг начал стремительно таять, со стен сорвались водные потоки.

— Смотри, не утони! — было последним, что успел крикнуть Фрэнсис, пока его не захлестнула волна.

Роберту тянули водовороты, мимо проносились ледяные глыбы, и если б хоть раз они угодили в нее — тотчас отправили бы в мир иной. Наконец она вынырнула. Льда как не бывало. Светило солнце, от горизонта до горизонта раскинулось море, а ветерок лениво играл волнами, теплая вода нежило тело. Вдалеке Роберта увидела свой корабль, а рядом — Фрэнсиса, который что-то радостно кричал, но она ничего не слышала — вода заложила уши.

Глава 4. Алхимик Панагам

За просторным столом красного дерева, на бархатном стуле сидел сэр Хауэлл, канцлер Его Величества. Прибыв накануне в Вестфолл, шумный портовый город, он был радушно принят мэром, который предоставил ему двухэтажный особняк в качестве штаб-квартиры на время расследования.

Солнечные лучи с любопытством заглядывали в кабинет, где Хауэлл распечатал только что доставленный конверт из желтой бумаги. В нем оказалось пространное письмо от сэра Дайтоба, в котором тот выражал восторг по поводу официального назначения его компаньоном канцлера. Хауэлл пробежал глазами эту часть и внимательно остановился на той, где Дайтоб докладывал о том, что узнал в городе Хомар, где и началась вся эта история:

«Фрэнсис Эвери и Дин Лайлойд числа третьего месяца шестого напали на славный город с целью его уничтожения. В доме номер четыре по улице Процветания, принадлежавшем Эвери, грянул взрыв, отчего случился пожар, быстро потушенный силами полицейской инспекции и горожан. При обыске в доме Дина Лайлойда была обнаружена запрещенная литература по демонологии, за что тот был немедленно приговорен к заточению в тюрьме-форте Бланкальер. А Фрэнсис Эвери был посажен на корабль смертников за сквернословие в сторону нашего почитаемого Короля и Короны».

Хауэлл, убирая письмо в конверт, уже решил, что немедленно отправится в форт Бланкальер и допросит сообщника Эвери.

В дверь вошел лакей и объявил, что приема ожидает первый мастер гильдии алхимиков, сэр Панагам.

— Пригласи его, — сказал Хауэлл, убирая протокол.

Кое-как протиснувшись в дверной проем, низкий и толстый алхимик кивнул Хауэллу и без приглашения плюхнулся на стул. Несмотря на огромный вес посетителя, лицо его не было заплывшим, напротив, казалось вырезанным из дерева.

— Ну? — недовольно проворчал он.

— Сэр Панагам? — уточнил Хауэлл, рассматривая грязный фартук посетителя.

— Он самый. Ближе к делу.

— Я знаю, что вы курируете специальный проект Королевской гильдии алхимиков…

— Курирую, ха! Как же! Я один все делаю, от этих разгильдяев помощи не дождешься. Да и слава богам: мои коллеги настолько бездарны, что от их помощи будет только

вред!

— Я понимаю, — кивнул Хауэлл.

— Что вы можете понимать? Что вы знаете об алхимии?! Это высшее искусство в мире! — Панагам стукнул пухлым кулаком по столу, вызвав этим удивленный взгляд канцлера. — Алхимия — занятие не для лентяев и не для олухов, вроде тех, что протирают штаны у меня в гильдии! Скажу вам по секрету, я бы уже давно ушел оттуда, если б они не уникальные ингредиенты, которые мне предоставляют.

Панагам понизил голос:

— Я говорю о том, что считается запрещенным к продаже. Вы должны понимать.

— Конечно, сэр. Дело в том, что я наслышан о вашем проекте, это действительно нечто невероятное…

— Разумеется, — важно кивнул алхимик.

— Только подумать: создание эликсира, наделяющего силой, какой нет и у сотни! А, может быть, и тысячи! Это поразительно, и у меня возникает лишь один вопрос: насколько проект близок к завершению?

— Всем интересен лишь результат, и никто не задумывается о том, насколько сложным может быть процесс, — пожаловался Панагам.

— Я не смогу вообразить даже десятой доли всех тягот, сопровождающих вашу работу! — воскликнул Хауэлл.

— Так и есть. Клянусь, вы понимаете, о чем говорите, сэр!

— Поведайте же мне, как полнейшему дилетанту в алхимии, когда эликсир будет готов?

— День.

— Всего день?! — Хауэлл вскочил из-за стола.

— Или неделя. Может быть, месяц. А, скорее всего, год или два. Или десять лет.

Хауэлл, помрачнев, сел обратно.

— Этого никто не знает! — Панагам рассвирепел и снова ударил кулаком по столу, — это алхимия! Величайшее искусство, раздвигающее границы мироздания!

— А как же колдовство? — вяло поинтересовался Хауэлл.

— Что такое колдовство? Блажь! Эти недотепы ни на что неспособны. В них нету изящества, гармонии, мечты!

— Предположим. И все же, скажите мне напрямую: проект готов или нет?

— Нет, конечно! — рявкнул Панагам. — Сидел бы я тут, если б изобрел величайший эликсир в мире!

Хауэлл немного помолчал, обдумывая сказанное, потом заговорил:

— Может ли успех эксперимента ознаменовать взрыв?

— Взрыв!? — взревел Панагам, будто только и ждал этого вопроса, — жизнь настоящего алхимика состоит из них! Я взлетал на воздух двадцать семь раз! У меня сгорело восемь лабораторий, тринадцать раз мне перестраивали печь! Да что там говорить, нет профессии опаснее алхимика!

— Вот как… Сэр Панагам, тогда ещё один вопрос: как вы полагаете, мог ли кто-то сделать открытие подобного эликсира раньше вас?

— Простите за откровенность, сэр, но вы совсем глупый? — раздраженно поинтересовался Панагам, — если б кто-то создал этот эликсир, об этом немедля узнал бы весь мир! И на каждом углу выкрикивали бы имя изобретателя! Советую вам впредь никогда более не говорить об алхимии, особенно со знающими людьми, дабы не позориться!

— Спасибо. На этом, пожалуй, все. Желаю удачи в ваших исследованиях.

— Прощайте, сэр, — сказал алхимик, поднимаясь со стула. — И вот ещё что. Вы, должно быть, часто бываете при дворе. Намекните там, что надо повысить финансирование Вестфолльского отделения гильдии алхимиков.

— Сделаю все, что будет в моих силах, — пообещал Хауэлл.

Панагам кивнул и протиснулся в дверной проем. Канцлер ещё долго слышал его недовольное ворчание: сначала алхимик отчитал лакея, потом поссорился с кем-то на улице. В распахнутое окно донеслось, как Панагам накричал на извозчика, затем поругался с полицейским инспектором, несущим дежурство. Наконец, ворчание скрылось за углом. Тяжело вздохнув, сэр Хауэлл развернул утреннюю газету.

Глава 5. Дрейф

По голубому небу плыли белые облака. Налетевший ветер легонько потрепал порванные паруса, но задерживаться не стал и отправился дальше странствовать по морям. Роберта грелась на верхней палубе, Фрэнсис сидел на бочке и чистил пистолет. С тех пор, как они вернулись на бриг, прошли сутки. Карнаух постепенно отходил от ранения, но оставался бледен, а голос был слаб. Осмотрев корабль, Роберта признала, что он сильно пострадал после ледяного плена, и продолжить плавание не выйдет.

— Не хочу умереть вот так, — слабо проговорила она.

— Да все нормально. Скоро проплывет мимо корабль и заберет нас.

— Откуда тебе знать?

— Знаю, и все тут.

Роберта покачала головой:

— Мы даже не знаем, куда нас занесло… А ведь когда-то я была знаменитой… — отрешенно проговорила она.

— Ты? — не поверил Фрэнсис.

— Ну да.

— Постой, неужели ты… та самая Роберта?

— Да, да, — безучастно проговорила она.

— Ух ты! — Фрэнсис поднялся на ноги, — теперь я точно беру тебя в команду! Кто бы мог подумать!

— Я уже говорила, что мне это не нужно. Хотя у тебя и команды нет никакой.

— Потом ведь пожалеешь.

— У меня есть цель, так что нам не по пути.

— Куда же ты собралась?

— Фрэнсис, не будем об этом. Дай хоть умереть спокойно!

— Значит, ты не та самая Роберта. Она ходила на абордаж бок о бок с кровавым капитаном Грэмом и не уступала ему в отваге! Они потопили несколько десятков кораблей, пока на их поимку не отправили целый флот. Я слышал, когда их зажали на выходе из бухты, Роберта сбежала, бросила Грэма. Его поймали и тут же расстреляли, прямо на месте, — Фрэнсис поднял глаза и увидел перед собой бледную как смерть Роберту со сжатыми кулаками.

— Ещё слово, и я убью тебя! — воскликнула она сорвавшимся голосом.

Отвернувшись, она отошла на пару шагов в сторону, вперила взгляд в палубу.

— Ты и правда бросила капитана Грэма? — Фрэнсис дочистил пистолет и теперь засыпал порох, — беру свои слова назад, не хочу видеть тебя в команде. Мне нужны люди, которые пойдут со мной до конца.

— Я вернусь за ним! — крикнула Роберта, не оборачиваясь, — вот увидишь, вернусь!

— На тот свет?

— Грэм сидит в форте Бланкальер! Я вытащу его! — прокричала Роберта и сбежала по трапу, ведущего с верхней палубы. Фрэнсис зарядил пистолет, прицелился в небо, и звук выстрела разнесся над водой.

Спустя пару часов, когда Фрэнсису надоело находиться одному, он спустился к Карнауху. Тот уже мог сидеть на койке, но был неразговорчив. Тогда Фрэнсис отправился в каюту, где Роберта методично поглощала ром. Походив из стороны в сторону, Фрэнсис отобрал у неё бутылку и залпом из горла допил остаток. Роберта мрачно взглянула на него.

— Значит, хочешь освободить капитана Грэма? — спросил Фрэнсис.

— А тебе какое дело, ублюдок?! — крикнула она, глаза блестели, лицо налилось кровью.

— Для этого нужно разрушить форт Бланкальер. По-другому не выйдет, — продолжил Фрэнсис, — как ты собираешься это сделать?

— Я соберу команду!

— Вроде той, что взбунтовалась против тебя? — хмыкнул Фрэнсис.

Роберта зло посмотрела на него.

— Я предупреждала, что если скажешь ещё хоть одно слово, я убью тебя? Ты сказал уже сотню мерзких и противных слов! Ты заслуживаешь смерти, — процедила она, вынув из-за пояса пистолет. Дуло уперлось Фрэнсису в лоб. У Роберты, изрядно пьяной, дрожала рука.

— А что, если я скажу, что собираюсь сравнять тюрьму Бланкальер с землей? — будто не замечая пистолета, спросил он, глядя Роберте в глаза.

— Ни за что не поверю. Говоришь, потому что испугался пистолета!

— Хочешь того или нет, но я так же отправляюсь в Бланкальер. Там сидит Дин Лайлойд, это мой друг. Форт придется брать штурмом. Если выстрелишь… я не возьму тебя с собой. И тогда твой любовник Грэм сгниет в этой тюрьме, у самой-то не хватит силенок.

Роберта, поколебавшись, швырнула пистолет в угол.

— Какой к черту любовник? Грэм — мой брат, — промолвила она, — проклятый мир!

Пьяными глазами она уставилась на Фрэнсиса:

— Мы всегда были вместе, представляешь? С самого детства. А когда Грэм собрал пиратскую шайку, я пошла за ним. Мы грабили суда и быстро стали знаменитыми. Когда королевский флот устроил нам ловушку, я испугалась. Ненавижу себя за это. Надо было умереть вместе с ним. А теперь Грэм в тюрьме… и что он думает обо мне? Как ты считаешь, что он может думать?

Фрэнсис не ответил.

С того разговора прошло несколько часов. Роберта успокоилась, пришла в себя, и по настоянию Фрэнсиса они вышли на верхнюю палубу, дабы не пропустить проходящий корабль. Вода простиралась до самого горизонта, бриг покачивался на волнах. Роберта задумчиво смотрела на небо, потом заговорила:

— На мелкое пиратство правительство внимания не обращает, но если кто-то выделяется, сразу объявляют охоту. Для каждого пирата наступает время, когда нужно выбирать: промышлять по мелочи или действовать по-крупному. Сейчас можно назвать всего два-три пиратских барона, которые имеют целый флот. Даже мы с Грэмом прославились, хотя так и не сделали ничего впечатляющего. А зачем быть пиратом, если не рисковать всем и сразу?

Фрэнсис не знал этого.

— Ну а ты кто такой? Расскажи о себе, — попросила Роберта.

— Мой друг, Дин Лайлойд, — издалека начал Фрэнсис, — величайший колдун на свете.

— Я уже не верю.

— Но это правда! Он умеет колдовать прямо из рук, безо всего. Однажды я видел, как он шепнул что-то, и молния сорвалась с его рук, совсем такая, что бьет с неба.

— Колдунам нужно много времени, чтобы подготовить заклинание, нужны ингредиенты, книги…

— Да, да, я знаю. Но это не про него, Дин — гений! Ему достаточно шепнуть! Достаточно кинуть взгляд!

— И как он попал в тюрьму Бланкальер?

— Не хотел я никому рассказывать… Однажды мы сидели с Дином у него в доме, в Хомаре. И Дин сказал, что хочет провести эксперимент… надо мной. Мне-то все равно, спешить некуда, делать тоже нечего. Дин — колдун, но кроме того алхимик и демонолог. Несколько дней он варил какую-то гадость, а потом заставил выпить. И прямо у меня дома начал раскладывать те

самые магические ингредиенты. Зуб повешенного, мох, поросший на черепе убитого медведя-людоеда, жабьи глаза, волосы самоубийцы, кусочек церковного колокола, расколовшегося при пожаре, и ещё много подобной гадости. Впервые я видел, чтобы он раскладывал что-то по схеме, каждую секунду сверяясь с пыльной книгой. До сих пор ему было достаточно взмахнуть рукой, и выходило любое заклинание. Я пытался его расспросить, но ничего не добился, он молчал…

— Так, — вздохнул Фрэнсис, собираясь с мыслями. — Пока Дин расставлял ингредиенты по схеме, я почувствовал, что выпил что-то очень вредное. Я хотел сказать Дину, что он наварил яда, но язык уже не шевелился, и силы покинули меня. Я думал, что умру, и был близок к этому. А он даже не обращал на меня внимания! Когда я был уже на грани, Дин надел мне на шею веревку с виселицы, а на палец — кольцо с руки мертвеца. Радостно потерев ладони, он сказал, что все готово и принялся распевать заклинания с замогильными мотивами, а в перерывах ругался неприличными словами. Когда я подумал, что вот он — пришел мой конец, неожиданно грянул взрыв! Домик разнесло в клочья! Можешь не верить, но в тот момент я был рад, что хоть что-то произошло. Взрыв как будто сорвал оковы, словно изгнал весь яд из меня! — Фрэнсис перевел дух.

— А что было дальше? — поторопила Роберта.

— Пока я пытался выбраться из-под обломков, налетела полицейская инспекция и схватила нас обоих. Я ещё хоть как-то держался на ногах, а Дин был совсем плох. Взрывом его вышвырнуло из окна, обдало огнем, он бормотал несуразицу, а потом потерял сознание. Вокруг нас бегал главный инспектор — никогда не забуду эту противную рожу с приплюснутым носом — и сыпал обвинениями. Я пытался оправдаться, но когда у Дина нашли запрещенную литературу и вынесли приговор именем Короны, я не удержался и сказал все, что думаю о Его Величестве!

— Ты сказал плохое о Короне? — ужаснулась Роберта.

— Да, и они подписали мне смертный приговор.

— Не может быть! — воскликнула Роберта, — это уж слишком!

— Так все и было. Меня посадили на корабль смертников.

— Постой… Ты же силен, почему позволил схватить себя? — спросила Роберта.

— Я разве не говорил? Тогда я был слаб. Я думаю, ты поняла, в чем дело. Это все эликсир Дина!

— Так эта сила — не твоя? — после паузы разочарованно проговорила Роберта.

— Что значит — не моя? — нахмурился Фрэнсис.

— Ты не сам добился такой силы.

— И что? Я её хозяин!

— Это совсем другое дело, — Роберта покачала головой.

— Тебе-то что? — обиделся Фрэнсис.

— Я думала, ты и правда невероятный человек, а это сила колдуна. Вот он меня впечатляет!

— Не важно, как мне досталась сила, она теперь моя! — резко сказал Фрэнсис.

Роберта достала подзорную трубу и взглянула на горизонт.

— Тебе не хочется узнать, что было дальше? — спросил Фрэнсис.

Роберта пожала плечами:

— Не особо. Ладно, рассказывай, все равно скучно.

Фрэнсис прокашлялся.

— Меня посадили на корабль смертников, — Фрэнсис посмотрел на Роберту. Она сидела рядом, но смотрела куда-то в сторону. — Ты слушаешь?

— Конечно. Ты сел на корабль смертников.

— Не сел, а меня посадили, — раздраженно поправил её Фрэнсис, — в общем, и я уже приготовился к смерти. Надежды не было. Как вдруг! Эй! Если ты не будешь слушать, я не стану рассказывать!

— Я слушаю, чего ты кричишь!?

— Так вот, неожиданно я почувствовал прилив сил. Это неописуемо! Внутри меня открылся источник предельной мощи. Я рассмеялся и порвал на себе цепи! Прямо взял и порвал, голыми руками! Мышцы налились неведомой силой. А потом я пробился напрямую на верхнюю палубу! Там началось что-то невообразимое. На меня накинулся весь экипаж. На палубу выбежали солдаты с мушкетами, кто-то пытался пронзить меня саблей. Я думал, что пришел конец, но пули отскакивали, не могли пробить кожу. Она стала будто каменной! Меня захлестнула ярость, и я вырвал мачту…

— Не может быть! — поразилась Роберта. Она оценивающе оглядела Фрэнсиса. — Ты силен, конечно, но это уже слишком.

— Могу показать! — Фрэнсис кивнул на мачту, под которой они сидели.

— Ну, вот ещё!

— В таком случае тебе придется поверить на слово, — сказал Фрэнсис. — Итак, я вырвал мачту и пробил ею корпус! Судно начало тонуть, а я спрыгнул в шлюпку и погреб прочь.

— Как же тебя угораздило попасть в морозное течение?

— Чертов гласерман! Не успел я отплыть, как он накрыл меня! Не успел я опомниться, как все замерзло.

— Ты весь был в страшных кровоподтеках, когда мы подняли тебя на борт. Думала, долго не протянешь.

— Да… под знатный обстрел я попал… Но я стал совсем другим. Даже не уверен, что все еще человек… — сказал Фрэнсис, — заметила, как быстро я пришел в норму? Другой лечился бы целый год!

— Год было бы слишком быстро…

— По правому борту! — вдруг крикнул Фрэнсис.

Роберта вскочила, вскинула подзорную трубу. На горизонте маячила черная точка.

— Корабль! — радостно подтвердила она. — Спасены!

Глава 6. Оливье Шарм

Роберта сняла с мачты пиратский флаг, и проходящий мимо корабль подобрал их как терпящих бедствие. Это оказалось торговое судно, пересекающее Тенарово море с грузом шелка. Выяснилось, что они находятся в ста сорока милях от места, где гласерман поймал корабль Роберты. Капитан радушно принял их, повезло ещё и в другом — судно держало курс на порт Принстона, от которого рукой было подать до форта Бланкальер.

Спустя два дня пути корабль причалил к Принстону. Сердечно поблагодарив капитана, трое пиратов сошли на берег.

Теперь пришло время прощания — Карнаух должен был уйти.

— Ну, Роберта, зла не держи, — сказал он, прищурившись. — Мир тесен, еще увидимся.

Пиратка коротко кивнула, и так их пути разошлись.

Фрэнсис и Роберта устремились на поиски судна, которое доставило бы их к тюрьме Бланкальер, стоящей на острове, названном в честь знаменитого путешественника Бланка.

Скоро стало ясно, что к острову корабли не ходят. Почти отчаявшись, Роберта все же сумела договориться с хозяином маленького рыбацкого шлюпа — аргументом послужила немалая сумма в серебре. Не успев провести на суше и двух-трех часов, путники снова оказались в море. Шлюп шел медленно — легкий ветерок едва надувал паруса. Но до острова Бланка было всего восемь миль.

К шести часам вечера хозяин шлюпа развернул его в обратный путь, а Фрэнсис и Роберта ступили на каменистую почву острова.

В порту не было ни одного корабля. Если бы не шум волн, здесь стояла бы полная тишина.

Единственным человеком, которого они увидели, сойдя на сушу, оказался седой старик, сидящий на камне и греющий кости на солнце. Изорванные и заляпанные, грубо сшитые штаны обвисали на тощих ногах. Сквозь тонкую рубаху виднелись ребра. Путники подошли ближе, чтобы узнать, где на острове можно остановиться. Едва они приблизились, как он заговорил первым.

— Прибыли посетить Бланкальер? — живо поинтересовался он.

— Верно.

— Вы пираты?

— Да, — не задумываясь сказал Фрэнсис.

Роберта ткнула его в бок, что-то гневно шепнула на ухо.

— Что ж, и я пират. Меня зовут Оливье Шарм, —

представился старик, поднимаясь на ноги.

— Я — Фрэнсис Эвери, а её зовут Роберта Блэксмит, в прошлом первый помощник капитана Грэма.

— Фрэнсис! — в негодовании воскликнула Роберта.

— Все нормально. Я вижу, что наш новый знакомый — настоящий морской волк! — успокоил её Фрэнсис.

— У тебя глаз наметан, — подтвердил Оливье Шарм, — своих не сдаю.

Роберта поджала губы.

— Нет времени на болтовню, — раздраженно сказала она и демонстративно зашагала к поселению. Фрэнсис лишь пожал плечами. Они молча шли по грунтовой дороге, нога в ногу, оставив старика в покое. Убогие деревянные домики, словно налепленные, стояли один на одном, а темная глыба форта нависла над ними, будто коршун.

— Все ему выложил! — Роберта все еще сердилась, — какой из тебя капитан после этого? Ты все делаешь, не думая!

— Не горячись, — буркнул Фрэнсис.

— Ты бы ему еще рассказал, что мы идем на штурм Бланкальера!

— Вы готовите налет!? — раздался за спиной удивленный возглас.

Фрэнсис с Робертой подпрыгнули от неожиданности, моментально развернулись: в паре шагов стоял Оливье Шарм и оценивающе разглядывал их.

— Что делать, Фрэнсис? — напряженно спросила Роберта, не спуская глаз со старика, который, хитро улыбаясь, потер подбородок.

— Как глупо, — Оливье покачал головой, — попасть в такое положение… Вам повезло, что встретили меня! На всем острове я единственный морской волк, который понимает, что такое скрип снастей в бурю и скрежет ржавых петель на сундуках, доверху набитых сокровищами!

Роберта злобно посмотрела на Оливье, но Фрэнсис положил руку ей на плечо:

— Расслабься, он не враг, — а потом обратился к Оливье: — Нам нужно остановиться где-то на пару дней, осмотреться, разведать обстановку. Поможешь?

— В таком случае приглашаю в гости, — и не сказав больше ни слова, он развернулся и побрел к поселению, помахав им, зовя за собой. Роберта, схватила Фрэнсиса за рукав, потому что он уже было двинулся следом.

— С ума сошел? — серьезно спросила она, глядя Фрэнсису в глаза. — Он сдаст нас.

— А я ему верю.

— Стал пиратом — теперь весь мир будет против тебя! Никому нельзя верить.

— Все будет в порядке, — Фрэнсис подмигнул и зашагал вслед за стариком, — не отставай, потеряешься.

Пройдя по улице, все трое остановились у добротного двухэтажного дома на самой окраине. Прошли сад, полный цветущих кустов, скрипнула несмазанными петлями кривая дверь, и Оливье пригласил их внутрь.

Из дома донесся грубый мужской голос:

— Эй, дед! Где ты ходишь, старый черт!?

— Морской волк не станет отчитываться перед сухопутной крысой! — сердито крикнул Оливье.

Раздались шаги, и перед путниками появился толстый парень с очками на носу.

— Что за разбойники!? — поразился он.

— Это кто? — мрачно спросил Фрэнсис.

— Не обращай внимания, — отмахнулся Оливье, — прошу на второй этаж.

— Ты спятил, дед?! Какого черта ты привел бандитов в дом!?

Оливье молча зашагал по ступенькам вверх, следом за ним поднялись Фрэнсис и Роберта.

— Внук, — пояснил Оливье, пожав плечами, — сухопутная крыса!

Старик распахнул дверь в просторную комнату, и с первого взгляда стало понятно, что здесь уже много лет никто не жил.

— Располагайтесь, друзья! — радушно воскликнул старик. — Выбирайте любую комнату на этаже. Мне нужно отлучиться по делам, а вечером я объявляю военный совет!

— Какой ещё совет? — недоверчиво поинтересовалась Роберта.

Оливье понизил голос:

— Насчет штурма форта, — сказал он, и вышел из комнаты.

Спустя минуту Роберта увидела в окно, как он идет по улице. Фрэнсис сел на кровать.

— Непременно сдаст! — сказала Роберта, — пошел в полицейскую инспекцию!

Фрэнсис отмахнулся от неё.

— Да он ненормальный! — не успокаивалась Роберта.

— Это не значит, что он плохой человек.

— Давай уйдем, пока не поздно!

— Брось, все сложится, как надо, — заверил её Фрэнсис. — Располагайся тут, я займу соседнюю комнату. А вечером — военный совет.

— И ты туда же!?

Но военного совета не состоялось. Оливье под вечер явился пьяный в доску, ввалился без приглашения в комнату Роберты, за что получил пару пинков, успев, между тем, заявить, что совет переносится на неопределенный срок.

— Лево руля! — крикнул он уже внизу, когда Роберта, ругаясь, выкинула его за дверь, — сухопутные крысы!

Утро выдалось пасмурным. Тучи бежали по небу, скрывая солнце. Дул холодный ветер. Роберта проснулась первой, нарушая гробовую тишину дома, спустилась вниз. Спустя полчаса к ней присоединился Фрэнсис. На кухне они нашли валяющего на полу Оливье Шарма, грозу морей. Фрэнсис растолкал его:

— Камбуз подозрительно пуст! Эй, Оливье, очнись! Где провиант?

Старик с трудом разлепил веки, посмотрел на Фрэнсиса, на Роберту, не соображая, где находится.

— У внука спросите, — дрожащими губами сказал он, снова погружаясь в сон.

Искать парня долго не пришлось: он сам прошел мимо, пухлыми пальцами застегивая потертый мундир. Бросив на них презрительный взгляд, он поправил очки и вышел на улицу.

Перевернув маленькую кухню вверх дном, они отыскали странную крупу синеватого оттенка.

— Ну, это точно несъедобно, — разочарованно сказал Фрэнсис.

— Много ты понимаешь! — Роберта закатала рукава.

— Ты умеешь готовить? — удивился Фрэнсис.

Спустя полчаса Роберта поставила на стол котелок со странной жижей, которую она назвала настоящей пиратской похлебкой. Оливье моментально протрезвел, шумно принюхиваясь к разлившемуся по кухне аппетитному запаху.

— Итак, какие планы? — спросила Роберта, косясь на старика, который уже уминал варево за обе щеки.

— В моей команде будешь коком, — решил Фрэнсис.

— Да ни за что!

— А меня возьмешь? — спросил Оливье.

— А что умеешь?

— Старый морской волк умеет всё!

— Тогда беру.

— Приказывай, капитан! — громыхнул Оливье. Непонятно, откуда в старике взялось столько живости.

— Пришло время навестить Бланкальер.

— Фрэнсис, ещё рано! — воскликнула Роберта.

— Не перечить капитану! — Оливье крикнул во весь голос, так, что у Роберты заложило уши.

— Спасибо, Оливье.

— Фрэнсис, рано ещё, тебя же убьют! — снова заговорила встревоженная Роберта, — это же настоящий военный форт!

— Пока иду на разведку, — пояснил Фрэнсис.

— Слава богу, — успокоилась пиратка. — На острове можно найти одежду? — спросила она спустя минуту, смущенно разглядывая изодранную куртку и потрепанные сапоги.

— Тут не столица, — покачал головой Оливье, доедая остатки похлебки, — такого добра нету. Но если капитан прикажет, можем награбить с проходящих судов.

— Позже, — пообещал Фрэнсис.

Роберта одернула куртку:

— А постирать-то можно?

— Это пожалуйста, — сказал Оливье.

Фрэнсис встал:

— Слушай капитанский приказ! — торжественно сказал он, — Оливье!

— Здесь!

— Сегодня ты оказываешь помощь Роберте, коей необходимо привести в порядок себя.

— Ничего мне не надо помогать! — возмутилась она.

— Есть, капитан! — громко произнес Оливье.

— Я отправляюсь на разведку, — закончил Фрэнсис.

Когда он, насвистывая веселую мелодию, ушел, Роберта сказала Оливье, что ей нужно помыться, и если он станет подсматривать, живым не уйдет. В ответ Оливье поклялся всеми морями на свете, что даже не задумывался о чем-то подобном.

Фрэнсис шагал к мрачной крепости, возвышающейся над островом на фоне темного неба. Дорожная пыль садилась на башмаки, над головой кричали чайки. С каждым шагом форт можно было разглядеть все лучше.

Фрэнсис встал как вкопанный — ничего подобного он никогда не видел. Из стен тюрьмы торчали иглы. Длинные, черные и очень острые. Сотни тысяч игл, каждая с метр длиной, усеивали стены и крышу. Укрепление напоминало ощетинившегося дикобраза. Фрэнсис подошел вплотную, рассматривая удивительное сооружение. Он аккуратно коснулся одной из игл пальцем. Только каменная кожа не позволила острию раскроить плоть до кости. Фрэнсис огляделся — куда ни глянь: шипастые стены и ничего больше. Входа нет.

«Что за чертовщина? — подумал он, смотря по сторонам, — как же войти?»

Позади осталась пыльная дорога, кругом лежали серые камни, а спереди торчали иголки. В воздухе пахло грозой, первый раскат грома донесся издалека. Хотя было утро, стало темно, как после заката. Черные грозовые тучи заволокли небосвод. На западе полыхнула зарница.

«Но вход-то должен быть!» — Фрэнсис пошел вдоль стены, а черные иглы замелькали сбоку.

Через полчаса, когда Фрэнсис уже подумал, что сделал оборот и пошел по второму кругу, он заметил плешь в бесконечных рядах игл. Удивительные кованые ворота. Ни ручки, ни замка — закрыто наглухо. Тщательно осмотрев створки, Фрэнсис убедился, что снаружи их не открыть, и забарабанил кулаком. Гулкие звуки ударов разнеслись по коридорам темницы.

— Ну, чего стучишь!? — из распахнувшегося окошка донесся сварливый старушечий голос.

— Бабуля, — позвал Фрэнсис, — отпирай замок.

— Сдаешься с поличным? — старушка с любопытством разглядывала лохмотья Фрэнсиса, морщинистое лицо почти выползло из окошка. Сильно уж привратница хотела разглядеть, во что обут бродяга.

— Пока нет.

— Кто такой?

— Пират на службе Его Величества, — соврал Фрэнсис.

— Чего надобно? — по тону старушки было слышно, что она не поверила ни единому слову.

— Решил проверить, в каком состоянии находится форт Бланкальер.

— Ну и как, проверил?

— Снаружи проверил, как там внутри?

— Слава Короне, все как должно.

— Не хворай, — попрощался Фрэнсис, понимая, что ловить ему тут нечего.

Скоро он вышел обратно на пыльную дорогу, на которую уже упали первые капельки дождя. Он засвистел мелодию печальной пиратской песни о нелегкой судьбе моряка, как вдруг хлынул дождь. Спустя минуту-другую Фрэнсис промок насквозь и пошел не торопясь, шлепая по лужам. Напоследок он обернулся, посмотрев на форт сквозь пелену ливня.

Сопя и хлюпая носом, Фрэнсис вошел в дом Оливье. Вода потоками стекала с одежды, на башмаках комьями налипла грязь. Фрэнсис остановился, не решаясь пройти дальше.

Навстречу вышли Роберта и Оливье. Удивительно, но они уже

успели сдружиться. Старик в пиратке души не чаял и называл не иначе как внучкой. Роберта была с расчесанными волосами, мутного цвета рубашка стала белой, а куртка и штаны оказались аккуратно заштопаны. Но самое интересное состояло в том, что и Оливье, ещё вчера выглядевший как последний бродяга, теперь красовался в чистом, хотя и потертом камзоле и красных шароварах. Борода морского волка была тщательно вычесана, а волосы зализаны набок.

— Выведал что-нибудь? — спросила Роберта.

— Вас не узнать, — Фрэнсис растерянно улыбнулся, — Роберта, что ты сделала с Оливье!?

Старый морской волк важно потер жидкую бороденку:

— Только капитан в лохмотьях, — сказал он, покачав головой.

Фрэнсис оглядел на себя: одежда порвана, вся в грязи и промокла насквозь.

Распахнулась дверь: с дождя пришел внук. Закрываясь, скрипнул зонтик, чавкнули грязные сапоги. Парень презрительно посмотрел на Фрэнсиса, потом на Роберту, и, наконец, его взгляд упал на Оливье.

— Дед? — выдавил он из себя.

Оливье вальяжно кивнул.

— Ты чего это!? — удивился парень, рассматривая его с ног до головы. Потом глянул снова на Фрэнсиса и Роберту, и побрел вглубь дома, на ходу снимая куртку.

— Мыть надо, — убежденно сказал Оливье, указывая на Фрэнсиса.

Роберта кивнула:

— В такую рвань даже воришки не одеваются. Найдется ему одежда?

Глава 7. Тщательная подготовка к штурму

Дождь за окном лил как сумасшедший. К ужину Фрэнсис вышел в синих шароварах, изъеденных молью, и красной куртке с заплатками. Но и это было лучше одежды, снятой с убитых пиратов.

Оливье вдруг ударил по столу:

— Объявляю военный совет!

— Надо придумать детальный план, — живо заговорила Роберта, — прежде всего, собрать большую команду. Как минимум сто пятьдесят головорезов.

— Я пойду один, — возразил Фрэнсис.

— Капитан! — воскликнул Оливье, — лабиринты Бланкальера колоссальны! Ты заблудишься, и никогда не выйдешь на свет. И это не главная сложность! Пусть у форта маленький гарнизон, но как только появится опасность, из Принстона на подмогу выдвинется целый флот! Неизвестно как, но они тут же получают сигнал тревоги.

— Вы забыли о главном, — сказала Роберта, — как мы будем выбираться с острова?

— Есть вариант, — сказал Оливье, — в бухте стоит моя лодка. Она небольшая, но есть весла и парус.

— Лодка, — рассмеялась Роберта, — нас тут же потопят! Один залп и мы пойдем ко дну! Нужен большой корабль, сильная команда и четкий план действий.

— Я же сказал, что пойду один, — проворчал Фрэнсис.

— Капитан, это самоубийство! Без схемы форта ты будешь блуждать бесконечно, не имея списка заключенных — проверять камеры до конца жизни.

Фрэнсис задумался:

— Тогда мне нужен план тюрьмы. Где его достать?

— Оливье… — замялась Роберта.

— Да, внучка?

— У служащих есть схема форта?

— Никогда там не работал, но думаю, должны быть: нет ничего проще, чем заблудиться в лабиринтах Бланкальера.

— Твой внук… он ведь там служит? — намекнула Роберта.

Оливье вздохнул.

— Внук! — рявкнул он на весь дом.

— Чего тебе, старый черт?! — донесся крик со второго этажа.

— Иди сюда, разговор есть!

— Отстань, дед, я занят!

Оливье набрал полную грудь воздуха и выкрикнул:

— Я тебе говорю: иди сюда, сухопутная крыса!

Спустя минуту послышалось ворчание, негромкие шаги, и на кухню вошел внук Оливье.

— Чего тебе, дед? — проворчал он, — когда эти разбойники уберутся отсюда?

— Уже скоро, но сперва к тебе есть разговор, — сказал Фрэнсис.

Парень несколько секунд сумрачно разглядывал гостей и вдруг понял, что пора бежать.

— Вас всех повесят! — завизжал он, пускаясь наутек, — всех!

Фрэнсис рванул следом и влепил ему зуботычину. Парень мешком свалился на пол.

— Оливье, покажи, где у него документы.

Старик пошел вперед, Фрэнсис взял парня под мышку, а Роберта двинулась следом. Комната внука оказалась удивительно тесной. Фрэнсис свалил его на пол, а Роберта сорвала с постели покрывало и связала ему руки за спиной. Паренек начал приходить в себя.

— Разбойники, — слабо возмутился он, — дед, ты чего творишь!

— Молчи, сухопутная крыса! — прикрикнул Оливье, разыскивая среди вещей рабочую сумку.

— Дед! Ты пожалеешь! — пригрозил внук.

Роберта пнула его в бок:

— Молчать!

— Ага, вот она! — обрадовался Оливье.

Старик вытряхнул содержимое сумки на стол. Все трое склонились над бумагами.

— Смотрите, пропуск, — Фрэнсис указал потрепанный листик, — меня с ним пустят?

— Нет, — покачал головой Оливье, — там все друг друга знают в лицо.

— Государственная измена! Дед, тебя повесят! — подал голос связанный парень.

— Молчи уже, — раздраженно сказала Роберта.

— Это что?

— Дай посмотрю, — сказал Оливье, рассматривая стопку листов.

— Так, а это? — из кучи бумаг Фрэнсис достал около десятка писем, — почитай, Роберта.

— Не смейте! — завопил внук.

Не слушая его, Роберта открыла первый конверт. Парень негромко, но жалобно заскулил, когда Роберта присела ближе к окну, разворачивая письмо.

— Фрэнсис, это, наверное, лучше не читать… — покраснев, сказала она.

— Почему?

— Любовные письма…

— Все равно, читай, — сказал Фрэнсис, — там может быть что-то полезное.

— Не смейте!

Роберта продолжила чтение и окончательно залилась румянцем.

— Тут ни слова о службе, — произнесла она спустя десяток строк, — зато… ого!

— Может, дальше будет что-то, — рассеяно предположил Фрэнсис, изучая пустые бланки. — Не отвлекайся. Оливье, тут ничего. А у тебя?

— Капитан, это рабочие документы. Они вечно ерундой занимаются. Что-то выписывают, бумажки перекладывают из стопки и в стопку, и называют это делом!

— Значит, ничего? Тогда посмотрим тут. О, гляди, карта!

Оливье прищурился.

— Остров Бланк, — определил он, — как я вижу, на точность не претендует.

У них за спиной всхлипнула Роберта. Они удивленно посмотрели на неё. Девушка смахнула слезы:

— Это так мило, — проговорила она, приступая к четвертому письму.

Связанный на полу парень густо покраснел и больше не издал ни звука.

— Не будем отвлекаться, — сказал Фрэнсис, — меня вдруг посетила потрясающая мысль! Оливье, ты умеешь писать?

— Конечно, капитан.

— Тогда я придумал для тебя должность в команде! Оливье, я назначаю тебя судовым писарем!

— Да, капитан! — гаркнул Оливье.

— Собери в эту сумку чистые листы и письменные принадлежности!

— Есть, капитан! — Оливье принялся набивать сумку бумагой, перьями, не забыл ножик для очинки и стопку мятой кальки, бросил на дно две чернильницы.

— Готово, капитан! — доложил он.

— Хорошо, — Фрэнсис повертел в руках маленький листик, исписанный корявыми буквами. — Посмотри, Оливье, это нам не поможет?

— «Памятка: как пройти в кабинет коменданта», — прочел судовой писарь на клочке бумаги, — то, что нужно!

— Разве?

— Конечно! — возмутился Оливье, — подумай сам, у коменданта хранятся списки всех заключенных!

Фрэнсис причмокнул.

— Варианта лучше все равно нет, так что… Послушай, Роберта… Роберта!?

Пиратка рыдала, не сдерживая слезы.

— Ты чего!? — поразился Фрэнсис.

— Последнее, — сквозь слезы промолвила девушка, бережно сворачивая письмо, — это так романтично!

— Есть что-то, относящееся к делу? — спросил Фрэнсис.

— Нет, — Роберт вытерла слезы, — но они такие трогательные…

— Отставить! У нас появился маршрут. Будем пробиваться силой.

Роберта, последний раз всхлипнув, заговорила:

— Не стоит забывать: как только мы нападем на форт, из Принстона выйдет несколько военных кораблей.

— Значит, сделаем все быстро! — решил Фрэнсис, — только вот хотелось бы иметь вооружение посерьезней.

Оливье прокашлялся, привлекая внимание, а потом с минуту молчал, решаясь.

— Позвольте показать вам кое-что. В одну из ненастных ночей о скалы острова разбился корабль. Я не знаю, куда и для чего он шел, не знаю, кто был капитаном. Моряки шли в страшный шторм, и налетели на подводные скалы на западном побережье. На Бланке никому ни до чего нет дела, и те, кто живет здесь, уж точно не отойдут далеко от поселения. Отсюда не видно место, где разбился корабль, поэтому никто, кроме меня, не знает, что это случилось. Мне тесно в доме, я ненавижу форт, поэтому гуляю по пристани на севере и по диким местам на западе. Однажды я увидел обломки. Живых не было. Да и от судна мало что осталось, почти все поглотило море. Я покажу, что мне удалось притащить сюда.

Роберта с Фрэнсисом переглянулись. Оливье вышел в коридор, и они последовали за ним. По скрипящим половицам дошли до угловой комнаты. Старик извлек из-под коврика ключ, со скрежетом поддался замок, распахнулась дверь. Сразу запахло пылью. В комнату никто не заходил уже многие и многие годы. На сдвинутых вплотную столах лежало холодное и огнестрельное, на полу, смотря в окно, дулом грозила форту настоящая корабельная пушка. Рядом пристроились ядра и бочонок с порохом.

— Пушка! — поразился Фрэнсис.

Роберта провела по ней рукой.

— Стреляет?

— Отсюда… должна добить до форта, — сорвавшимся голосом проговорил Оливье.

— Ты чего?

Оливье, промолчав, смахнул слезу.

— Пушка нам будет в самый раз, — сказал Фрэнсис, — я тут прикинул…

— Помолчи, — перебила его Роберта.

Оливье стоял посреди комнаты, отрешенный взгляд уперся в одну точку, старик едва сдерживал слезы.

— Роберта, — тихо сказал Фрэнсис, — сделай одолжение, принеси рома.

Поколебавшись секунду, она спустилась вниз. А когда вернулась, то увидела, что Фрэнсис усадил Оливье на пыльное кресло, а сам расположился рядом, прямо на полу. Роберта села возле Фрэнсиса, три кружки встали одна к одной, и пиратка наполнила их ромом. Оливье принял напиток нетвердой рукой, сразу же поднося кружку ко рту.

— Вы меня простите, — начал он.

Роберта нахмурилась.

— Я вам соврал, конечно. Вы простите. Никакой я не морской волк. Я и в море-то почти не был.

Фрэнсис и Роберта молчали.

— Проклятый форт, он губит жизни! — воскликнул Оливье, дрожащими губами сделал глоток. — На этом острове никому нет жизни. Тут не к чему стремиться, люди здесь живут как мухи и так же умирают. Я попал сюда в молодости. Так вышло, что однажды мне предложили вступить в пиратскую команду, и я согласился. Только мы вышли из порта, как нарвались на целую эскадру военных кораблей. Нас потопили, и мало кто выжил, но я сумел выплыть. Меня схватили и посадили в Бланкальер. Ну что ж, это честно! Я отсидел и вышел на свободу. А что толку-то!? Я так и остался на острове. Мог бы уплыть, но это место отбирает силы. Оно говорит: оставайся здесь, тебя нигде не ждут! Я не один такой. Здесь все несчастны. Те, кто освободились, и те, кто сторожат заключенных, их семьи тоже. Здесь ничего нет хорошего, ни одного счастливого человека. Я ненавижу этот форт! Поэтому я всегда мечтал снова стать пиратом!

Оливье замолчал, повисла тишина.

— Твоя мечта сбылась, разве нет? — осторожно спросил Фрэнсис, — теперь ты в моей команде.

— Кого ты обманываешь? Я слишком старый!

— Если ты собрался помирать, так пускай твои кости лягут

на дно моря! — воскликнул Фрэнсис, — не важно, сколько времени прошло, теперь твоя мечта сбудется!

— Это все… форт Бланкальер.

— Не вини форт, ты сам виноват, — сказал Фрэнсис.

— Не говори так! — Роберта с сочувствием смотрела на Оливье.

— Отбрось сожаления, Оливье! Слушай приказ капитана!

У старика задрожали руки.

— Ты первый человек в моей команде, — продолжил Фрэнсис, — я назначил тебя писарем, без тебя мы точно пропадем. Кроме того… пришло время вернуть должок форту! Не зря же ты собрал целый арсенал оружия!

— Если хочешь стать пиратом, то лучшей команды не найти, — промолвила Роберта. — Хоть у нас и маленькая команда, но я не хочу ни в одну другую!

— Я тебя разве принимал? — Фрэнсис притворно нахмурился.

— Теперь я согласна. Но коком не буду.

— Будешь первым помощником. Раз ты справлялась с этим на корабле Грэма, на моем тоже справишься.

— Нет у тебя никакого корабля… — пробубнила Роберта.

— А что скажет мой верный писарь? — продолжал Фрэнсис.

— Капитан… только с одним условием, — слабо проговорил Оливье, — когда меня убьют в первой же схватке, похороните мое старое тело в море.

— Мы вместе обойдем все моря, рано тебе ещё идти на корм рыбам! — воскликнула Роберта.

— Внучка… — растрогался старик.

— Верно, приключения только начинаются! Капитан Фрэнсис Эвери собирается покорить все моря! Наш черный флаг будет внушать ужас!

— Да, капитан…

— А ты что скажешь, Роберта?

— Так и будет, — с сомнением сказала она.

Снизу донесся шум.

— Внук бушует! — догадался Оливье.

Роберта мгновенно вскочила и бросилась из комнаты. Беглец уже открывал входную дверь. Роберта сбежала по лестнице и с хода ударила его ногой в спину, он рухнул, прокатился по полу, сбил вешалку, на него полетели старые куртки.

— Помогите! — завопил он, — бандиты!

Роберта пнула его в живот. Парень завыл на одной ноте, пока Роберта не заткнула рот кляпом. Оливье и Фрэнсис спустились вниз, а Роберта уже заканчивала связывать парня по рукам и

ногам.

— Смотри внимательно, сухопутная крыса, ты видишь рождение великого пирата Оливье Шарма!

Роберта стерла со лба пот и улыбнулась.

— Превосходная работа, первый помощник! — сказал Фрэнсис, — слушай мою команду! Завтра на рассвете мы штурмуем форт и освобождаем наших друзей! Капитан Грэм и колдун Дин Лайлойд получат свободу, а морской волк Оливье Шарм сведет с фортом личные счеты!

Глава 8. Комендант форта Бланкальер

За час до рассвета в порт Бланка пришвартовалась военная каравелла под командованием сэра Дайтоба. На верхнюю палубу, зевая, поднялся канцлер Хауэлл.

— Изволите составить мне компанию на допросе в форте Бланкальер? — осведомился он, рассеяно разглядывая пустую пристань, на которой то тут, то там валялись разбитые бочки.

— Если вы не против, я останусь на корабле, — сказал Дайтоб, и тут же добавил: — но непременно выделю десять солдат для сопровождения.

— Воля ваша, но сперва мне следует съесть первый завтрак, — отвечал канцлер. В вопросе приема пищи он был щепетилен до крайности.

Отдав распоряжения, Дайтоб вернулся в каюту, чтобы в тишине хорошенько все обдумать.

Хауэлл был уверен, что разговор с Дином Лайлойдом, человеком, задержанным вместе с Фрэнсисом Эвери, прольет свет на всю историю. Других зацепок не оставалось, и Дайтоб согласился с канцлером, хотя ему и не хотелось возвращаться сюда. Неприятно даже издалека видеть иголки Бланкальера, поэтому он решил остаться на корабле. Остров навевал неприятные воспоминания, мрачные мысли кружились в голове, безрадостное прошлое стучало в дверь. Дайтоб родился здесь, в семье отсидевшего преступника. Мать рано умерла, а отец так и не смог найти, чем заняться в жизни, и спился. Маленький Дайтоб возненавидел свой дом, остров и, особенно, форт. Миллионы черных игл будто пили из него соки. Улучив первую возможность, в возрасте двенадцати лет, мальчик сбежал из дома и сел на военный корабль. Капитан принял его юнгой, и с этого началась военная карьера.

В то время как Дайтоб предавался размышлениям, канцлер Его Величества уже шагал к поселению, вглядываясь в темное пятно вдалеке, на которое указали солдаты, пояснив, что это и есть форт.

Взошло солнце, мягкие лучи подрумянили стены домов. Хауэлл поежился — заря выдалась холодной. Только закрытые ставни встречали группу вооруженных мужчин, прошедших поселение насквозь, но так и не встретивших жителей.

— Комендант точно будет на месте? — спросил Хауэлл у одного из солдат.

— Да, сэр. Говорят, он как будто заключен там. Только заключенные рано или поздно выходят, а он служит тринадцатый

год, и наверняка будет служить до конца жизни. Поговаривают, он с самого детства вертелся среди рабочих, когда тюрьма ещё только строилась.

— Напомни, как его зовут?

— Гелфорс Род. О нем ходит много слухов. Сначала он служил простым стражником, сэр. И уже тогда проявлял склонность к этому делу.

— Какому делу? — не понял Хауэлл.

— Он оставался в тюрьме, когда выходило рабочее время, и мог бродить по коридорам до самого утра. Прежнее начальство ценило его как внимательного надзирателя. Постепенно он продвигался по службе. Ещё бы! Ведь он проводил на работе по шестнадцать часов, а то и больше! Блуждал по мрачным коридорам, проверяя камеры заключенных. Были дни, когда он вовсе не уходил домой. Тюрьма стала его настоящим домом. Шло время, и пробил час, когда прислали указ королевского двора о назначении Гелфорса Рода на должность коменданта. С тех пор он больше ни разу не покинул стены форта. Тринадцать лет прошло, сэр! Он продолжает бродить по туннелям, переходам и подвалам тюрьмы, как и всегда, но мне не дает покоя один вопрос…

— Какой же? — осведомился Хауэлл.

— Жалование коменданта составляет двести сорок золотых крон в год. Это немалые деньги, сэр. Однако Гелфорсу Роду просто некуда их тратить! Я думаю, он сделал тайник! Он знает все потайные ходы, и уж будьте уверены, даже через сотню лет после его смерти никому не найти сокровища!

Группа подходила к форту. Отчетливо стали видны черные иголки, мерно покачивающиеся на ветру. Полчаса ушло на то, чтобы дойти до тюрьмы и ещё столько же на ругань со старой привратницей, которая не хотела пускать их внутрь. В итоге, оставив солдат на улице, Хауэлл последовал за ней, петляя по затхлым коридорам. Стены, поросшие плесенью, разбитый пол, и множество насекомых, прячущихся от света. Единственной отрадой было то, что Хауэлл питал необъяснимую любовь к мокрицам, коих здесь было предостаточно. Канцлер с интересом наблюдал, как они бегут в тень, скрываясь от света. Факел потрескивал, отбрасывая мутные тени на влажные стены темницы. Старушка шла вперед, продолжая ворчать под нос. Хауэлл подумал, что если он потеряется в этих лабиринтах, то уж никогда не увидит дневной свет. Дважды из темноты появлялись надзиратели с угрюмыми лицами, и молча проходили мимо. При виде их Хауэлл вздрагивал, поначалу ему казалось, что он видит призраков.

Дошли до ржавой двери, привратница поколотила в неё ногой, и, не задерживаясь ни секунду, побрела обратно. Хауэлл остался один в полной темноте. Пальцы его легли на холодную ручку, душераздирающе скрипнула дверь, и Хауэлл заглянул в помещение. Здесь было светло, и он заметил широкий деревянный стол, за которым сидел худой мужчина. Комнату освещал камин. Стены, небрежно обмазанные глиной, были облеплены ключами, что кривыми рядами висели на ржавых гвоздях.

— Сэр Гелфорс Род?

— Допустим, — комендант выглядел как скелет, обтянутый кожей. Пальцы, похожие на паучьи ножки, барабанили по столу.

— Меня зовут сэр Хауэлл, я состою на королевской службе в должности канцлера.

— Меньше слов, — попросил Гелфорс Род, — и ближе к делу.

— Как вам будет угодно, сэр. Мне необходимо поговорить с заключенным по имени Дин Лайлойд.

— Разрешение на пытки есть?

— Нет.

— Что же вы?

— Мне только поговорить.

— Дело ваше, — бросил Гелфорс Род, решив, что и так уделил посетителю слишком много внимания.

Комендант ловко влез в сапоги и, ни секунды не колеблясь, снял со стены нужный ключ. Гелфорс быстро развел огонь в фонаре, и Хауэлл поспешно последовал за ним, понимая, что комендант ждать не станет. Гелфорс шел очень быстро, хотя фонарь освещал дорогу разве что на шаг вперед. Хауэлл осознал, что для коменданта эта тюрьма — родная стихия. Гелфорс бесшумно, как летучая мышь, шагал вперед, а канцлер едва поспевал. Пахло плесенью и землей. Они спустились, отсчитав с десяток ступеней, потом долго шли под уклон. Хауэлл получше запахнул мундир, опасаясь простудиться.

Начался подъем: комендант мгновенно взлетел по винтовой лестнице, и Хауэлл уже решил, что потерял его. Но Гелфорс ожидал запыхавшегося канцлера наверху, и молча двинулся вперед, как только тот поставил ногу на верхнюю ступень. Спустя минуту показались решетки. Истощенные, замученные люди сидели в камерах по одному, и протяжно стонали, когда комендант и канцлер проходили мимо. Свет от фонаря падал на страдающие лица и тусклые глаза. Перед одной из камер Гелфорс остановился, выше поднимая фонарь. У Хауэлла пересохло в горле.

— Дин Лайлойд? — спросил канцлер.

— Это он, — подтвердил комендант.

Хауэлл ближе подошел к решетке.

— Я могу открыть, — сказал Гелфорс.

— Не надо, — не раздумывая, ответил Хауэлл.

На соломе лежал парень, положив руки за голову. Выглядел он совсем не так, как прочие заключенные. Его нельзя было назвать истерзанным или больным.

— Да, сэр. Я — Дин Лайлойд, — бодро сказал он.

— Я хочу задать несколько вопросов.

— Представьтесь, сэр. Я не привык говорить с тенью.

— Сэр Хауэлл, канцлер Его Величества.

— Рад знакомству сэр, надеюсь, вы окажетесь интересным собеседником — в этой дыре совершенно не с кем побеседовать. Я начал даже разговаривать с крысами. Мне кажется, они меня понимают, но…

Хауэлл перебил:

— Меня интересует твой сообщник, Фрэнсис Эвери.

— Взаимно, сэр, — учтиво ответил Дин, — мне так же интересно, где он находится, и жив ли вообще.

— Кто он — Фрэнсис Эвери?

— Бродяга.

Хауэлл придвинулся ближе к решетке, стараясь рассмотреть узника:

— С какой целью вы намеревались разрушить город Хомар?

— Это ложь.

— В таком случае, почему произошел взрыв?

— Трудно сказать, сэр. Я не знаю ответа.

— Вот как, — задумчиво проговорил Хауэлл, — тогда скажи, чем вы занимались в доме номер четыре за минуту до взрыва?

— Вы можете не поверить, но ровно за минуту я затянул Фрэнсису петлю на шее.

— Ты хотел убить его?

— Что вы, сэр. Он мой лучший друг.

— Алхимия… колдовство!? — догадался Хауэлл.

— Верно, сэр. Эксперимент.

— В чем же он заключался? — дрожа от нетерпения, спросил канцлер.

— Я об этом никому не рассказывал, кроме одной старой крысы. Но, по моему, она уже сдохла и унесла тайну с собой, — Дин рассмеялся, — вам не узнать этот секрет!

— Я приказываю говорить! — рявкнул Хауэлл.

В разговор вмешался Гелфорс Род, до сих пор неподвижно стоявший в шаге от канцлера:

— Зря вы явились без разрешения на пытки.

Хауэлл вышел из себя:

— Ты слышишь, Дин Лайлойд!? Говори, а не то я вернусь с бумагой и сдеру с тебя кожу!

Дин снова рассмеялся:

— Когда явитесь, тогда и поговорим. Но, клянусь небесами, общество крыс значительно приятнее вашего!

— Уходим? — угрюмо поинтересовался Гелфорс.

Хауэлл помассировал виски, глубоко вдохнул, чтобы успокоится.

— Пока нет. Послушай, Дин, давай поговорим еще немного?

— К вашим услугам, сэр. Но знайте: про эксперимент я не скажу ни слова.

— А если я поведаю тебе о результате?

Дин повертелся на соломе.

— Заманчиво, — сказал он, — даже слишком. А что взамен?

— Я расскажу, что было после взрыва, а ты — что случилось до него.

— Как бы интересно мне ни было, но я отказываюсь. Хотя совершенно ясно одно: раз меня посетил такой важный чин, то эксперимент удался. Верно?

— Гелфорс Род! — не выдержал Хауэлл, — могу ли я содрать с него кожу прямо сейчас?!

— Я слежу за порядком в тюрьме на должности коменданта вот уже тринадцать лет, — холодно ответил тот, — и до сих пор не было ни одного нарушения.

— Ну, ничего! — воскликнул Хауэлл, — мне понадобится день или два, что бы получить разрешение! И тогда, Дин, ты расскажешь мне все!

— Вы повторяетесь, сэр, — ответил тот.

— Идем, Гелфорс! — резко сказал Хауэлл.

Комендант вздохнул и пошел во тьму, а канцлер поплелся следом, расстроенный и раздраженный неудавшимся разговором, а также тем, что придется снова петлять по лабиринтам тюрьмы, опасаясь потерять мелькающий впереди огонек.

Глава 9. Первое дело команды Эвери

На рассвете штурм крепости… не состоялся. Ближе к полудню проснулась Роберта и, страшно ругаясь, растолкала спящего с бутылкой рома Оливье и, совсем уж не жалея сил, отвесила пару смачных пинков Фрэнсису, который блаженно храпел под лестницей.

Через минуту пиратская команда собралась на кухне. Фрэнсис высказал мнение, что не надо было вчера так напиваться, а Оливье, держась за голову, попросил говорить тише. Роберта заявила, что уже успела пожалеть о вступлении в команду, и что на свете не найти более безответственного капитана. Роберту уже было не остановить, и она высказала все, что думает по этому поводу. Фрэнсис с удивлением выслушал, что она отказывается идти на штурм, потому как с такими идиотами даже ребенка ограбить не выйдет, и что ей придется одной собирать большую команду, дабы спустя несколько лет снова вернуться сюда и, слаженными действиями сотен человек, сравнять тюрьму с землей. С этими словами она развернулась и направилась к выходу, но Фрэнсис схватил ее за руку.

— Первый помощник, прекратить панику!

— Тише, пожалуйста, — взмолился Оливье, — голова трещит.

— Пусти! — крикнула Роберта, делая неловкие попытки вырваться из железной хватки капитана.

— Это что, бунт!? Возьми себя в руки. Это был хитрый тактический шаг: враги ждали нас на рассвете, а мы не явились.

— Не ври хоть!

— Говорите тише, — снова заныл Оливье.

— Видишь, до чего ты довела нашего писаря? — упрекнул ее Фрэнсис, — успокойся и приди в себя.

Роберта сердито вырвала руку, но все же вернулась на место.

— Слушай мой приказ! — торжественно сказал Фрэнсис, — начинаем подготовку к атаке на форт. Сегодня стены его падут, а наши друзья увидят свободу! Первую операцию пиратской команды капитана Фрэнсиса Эвери считаю начатой!

Роберта хмыкнула, а Оливье вышел прочь.

— Ну, хорошо, устроим небольшой перерыв, — нехотя согласился Фрэнсис.

Спустя полчаса команда собралась в оружейной комнате. Роберта сосредоточенно заряжала пистолеты.

— Оливье, ты сможешь выстрелить из пушки? — спросил Фрэнсис.

— Думаю, да.

Фрэнсис выбрал себе легкую рапиру.

— Я готова, — поднялась Роберта. Из-за плеча у нее выглядывало дуло мушкета, за поясом болталось два пистолета, в руках она поигрывала кортиком.

Фрэнсис подошел к пушке, рука крепко обхватила чугунный ствол, скрипнуло, лопаясь, соединение с лафетом, и орудие оказалось у него под мышкой. Роберта удивленно ахнула, Оливье присел на стул.

— Ядра ещё, — нерешительно проговорил Фрэнсис.

Роберта поспешно сорвала с постели одеяло, оно легло на пол, пиратка перекатила на ткань несколько ядер, и сформировала узелок. Фрэнсис кивнул и свободной рукой поднял связку, а Оливье схватил бочонок пороха, шток и прибойник.

— Двинули, — коротко сказал Фрэнсис.

С моря подул холодный ветер, и хотя еще ночью закончился дождь, и уже подсыхали лужи, солнце так и не выглянуло. Фрэнсис вдохнул полной грудью и быстро зашагал к форту, за ним шла Роберта, время от времени поглядывая на пушку. Замыкал процессию Оливье, который настороженно косился на дома по обе стороны улицы, волоча на плече бочонок и тяжело сопя. Подойдя к месту, где поселение заканчивается, они заметили, что на самой границе видимости навстречу им шагают вооруженные солдаты.

— Фрэнсис, — шепнула Роберта, — прячемся!

Но можно было и не говорить, капитан уже рванул влево, укрываясь за стеной покосившегося сарая. Через крапиву и повалившийся забор они пролезли на задний двор и прислушались. Стояла тишина, разве что изредка пролетали мимо мухи и навозные жуки. Свежий ветерок трепал волосы и покачивал мокрую траву, которая доходила до пояса.

На дороге послышались шаги. Роберта напряженно сжала рукоять пистолета, Оливье нашептывал молитвы, вперив взгляд в небо, а Фрэнсис подумал, что будет забавно, если солдаты увидят его с пушкой в руках. Все трое затаили дыхание.

Солдаты прошли мимо, и спустя минуту пираты вышли из укрытия. Улица была пуста.

— А как же твой внук? — вспомнил вдруг Фрэнсис.

— Не пропадет, — безучастно ответил Оливье.

— Нас уже ищут, это ведь патруль! — запаниковала Роберта.

— Назад пути нет, — не оборачиваясь и не сбавляя шага, сказал Фрэнсис.

Спустя некоторое время команда оказалась у форта. Роберта с опаской поглядывала на черные иглы. Оливье ругался и, время

от времени, плевал на стены. Шли по липкой грязи, брызги которой оставались на обуви и штанах. Шагали молча. Облака, клубясь, летели над головой, а с моря доносились крики чаек. Форт, ощетинившийся миллионами игл, не был рад их видеть. Роберта чувствовала себя неуютно, и ей очень хотелось вернуться. Но Фрэнсис уверенно шел вперед, и не оставалось выбора, кроме как следовать за ним.

Вскоре дошли до ворот, вокруг которых иглы расступались. Фрэнсис отмерил двадцать шагов от входа. Пираты быстро соорудили из валявшихся камней подобие лафета, и Фрэнсис водрузил на него пушку, рядом бросил ядра.

— Оливье, если у тебя получится выстрелить, я назначу тебя канониром!

Тот кивнул, сосредоточенно прочищая орудие штоком. Роберта оглядывалась по сторонам. Оливье засыпал в дуло пороха из бочонка, потом засунул пыж, а далее в работу включился прибойник, плотно все утрамбовавший. Следом пошло ядро. Оливье подал знак, что готов.

— Можем начинать? — спросил Фрэнсис.

— Да, капитан.

— Зажигай, Оливье. Мы атакуем!

Старик поджег фитиль, огонек с шипением побежал по нему, грянул выстрел. Пушку отдачей сорвало с импровизированного лафета, а ядро, свистнув в воздухе, влетело прямо в стальные ворота.

— Оливье Шарм, я назначаю тебя канониром!

— Спасибо, капитан!

Пороховой дым и поднятая пыль рассеялись. Выстрел сильно покорежил металл. Фрэнсис ухватился за подвернувшийся угол ворот, сталь заскрипела, не желая поддаваться, но сила пирата была нечеловеческой. Сорвались петли, и помятая двухметровая створка целиком оказалась в руках Фрэнсиса. Он поставил её к стене, перевел дыхание. Донесся пронзительный визг, и на пиратов выскочила низенькая старушка с ножом в руках.

— Никто не пройдет без моего разрешения! — крикнула привратница, бросаясь на Фрэнсиса, тот подхватил ее за шиворот и бросил обратно в темноту. Издалека донеслись грязные ругательства и уверения, что сюда уже идет королевский флот.

— План такой, — сказал Фрэнсис, — я иду внутрь и освобождаю наших друзей, а вы охраняйте вход.

— Уверен? — спросила Роберта.

— Есть, капитан! — рявкнул ей на ухо Оливье.

— Даже если нагрянут все войска Короны, вы должны удержать ворота, — сказал Фрэнсис и вернулся к пушке.

Он перенес орудие и ядра к воротам, быстро притащил несколько булыжников, а вырванная створка под некоторым углом легла рядом, чтобы послужить укрытием для обороняющихся. На камни, так же составляющие укрытие, поставили пушку. Фрэнсис удовлетворенно кивнул.

— Надеюсь на вас, — крикнул он, скрываясь с факелом в мрачном коридоре темницы.

Фрэнсис медленно шел вперед, опасаясь наткнуться на что-то или сбиться с пути.

— Направо… теперь налево, — бормотал он, рассматривая в неясном свете факела клочок бумаги. — Теперь ещё раз направо…

Он подошел к ржавой железной двери. Фрэнсис оставил факел у стены, ногой вышиб дверь, врываясь в помещение. У противоположной стены на него люто глядел комендант Гелфорс Род с арбалетом наперевес. Болт сорвался в полет — наконечник угодил Фрэнсису прямо в грудь. Тут же из-за двери выпрыгнула привратница, нож блеснул при свете камина, лезвие вспороло куртку пирата, скользнуло по коже и сорвалось. Гелфорс Род испуганно разглядывал сплющенный наконечник болта. Фрэнсис ухватил старушку за шиворот, она взвизгнула и полетела за дверь. Комендант зарядил арбалет. Фрэнсис в один прыжок оказался рядом с Гелфорсом, и ударил кулаком под дых. Комендант сложился пополам и с трудом вдыхал воздух. Фрэнсис огляделся и только теперь заметил тысячи ключей, облепивших стены помещения.

— Эй, комендант, идти можешь?

Гелфорс Род тяжело задышал.

— А говорить?

— Ублюдок!..

— Ясно. Тогда скажи, где тут списки заключенных? Ну, чего засопел? Я всего лишь пират, который пришел за своими подельниками!

Фрэнсис заметил шкаф в углу, со скрипом распахнул дверки. В нос ударил едкий запах чернил.

— Ага, вот оно! — на стол легла целая гора толстых папок. Пальцы перелистывали страницу за страницей.

— Л… л… — сосредоточенно бормотал Фрэнсис, — ла… Лайлойд! Дин Лайлойд.

Фрэнсис вырвал листок.

— Не сметь… ублюдок! — поднимаясь, прошипел Гелфорс.

— Лежи, отдыхай. Я уже нашел.

Комендант дрожащей рукой нащупал на полу арбалет, за что

получил ещё один удар и рухнул на пол, прижавшись лицом к холодному камню.

— Б… ба… — продолжал листать Фрэнсис, — блэк… Блэксмит! Грэм Блэксмит.

Вырвав и этот лист, Фрэнсис кинулся искать ключи. Они висели, аккуратно пронумерованные. Спустя пару минут капитан ликующе сорвал с гвоздя первый ключ, а ещё через мгновение и второй. Фрэнсис покинул из помещения, кивнув Гелфорсу и не позабыв прихватить оставленный у входа факел.

В этот момент Роберта приметила на горизонте четыре корабля, идущих прямым курсом к острову.

— Оливье! — крикнула она, — нам крышка!

— Ещё повоюем, — бодро отозвался тот, заканчивая заряжать пушку, угрожающе выглядывающую из-за покореженных ворот.

— Иди сам посмотри, — сказала Роберта.

Оливье вышел из-за валунов, укрепленных вырванной створкой, и вскрикнул от неожиданности.

— Четыре корабля! Мы пропали!

— Что делать-то будем? — Роберта покосилась в сторону форта.

— Капитан… велел отразить атаку, — сбивчиво проговорил Оливье.

— Ветер попутный, от силы через полчаса будет высадка. Они сметут нас за секунду!

— Мы… пираты! — это было все, что сумел сказать Оливье.

— Ну… полчаса-то мы простоим, пока корабли не окажутся здесь.

Грянул ружейный выстрел. К входу в тюрьму приближались солдаты, от которых они спрятались на выходе из поселения, и командовал которыми сэр Хауэлл.

Оливье и Роберта спешно укрылись за воротами.

— Беру свои слова обратно, — проговорила пиратка, — мы и полчаса не продержимся.

— Сколько их там? Сорок? Пятьдесят?

— Десять, не больше.

— Ну, раз так, — взбодрился Оливье, — никогда десяти грязным воякам не одолеть двух настоящих пиратов!

Роберта нервно потерла дуло пистолета.

— Держим оборону, — сказала она, — никого не пускаем, пока не вернется капитан!

Фрэнсис плутал по коридорам темницы.

— Камера тридцать два… — задумчиво пробормотал он, — а

где камера номер один?

Он шел вперед, факел вырывал из темноты кусочки пространства: сырые стены, плесень на потолке, крыс, разбегающихся из-под ног.

«Теперь как-то надо подняться наверх, — подумал Фрэнсис, — где эта клятая лестница?»

Спустя минуту-другую он наткнулся на нее, башмаки отсчитали ступеньки вверх, и Фрэнсис очутился у первых камер.

— Простите, какой у вас номер? — он подошел к первой попавшейся решетке.

Вместо ответа заключенный протяжно застонал. Теперь, когда Фрэнсис остановился, он почуял, что где-то капает вода, услышал дыхание десятков человек, и его передернуло от ощущения полной обреченности, разлившийся в воздухе. Над решеткой он заметил табличку, факел поднялся над головой и осветил надпись: «16».

«Рядом, — подумал Фрэнсис и растерянно покрутил головой, выбирая направление».

— Туда! — сказал он вслух.

Раз за разом факел освещал плесневые таблички с цифрами. Фрэнсис все ближе подходил к заветной тридцать второй камере. Шаг, ещё шаг, и, наконец, он очутился напротив нее.

— Дин, — позвал он осторожно, а потом громче, — Дин!

— Ты?! — колдун вскочил с соломы, лицом прижался к ржавой решетке, недоуменно глядя на Фрэнсиса.

— Я, кто ж еще!

— Я вижу призрака.

— Демонолог проклятый! — воскликнул Фрэнсис, и через секунду ключ очутился в замке. Механизм щелкнул, дверь открылась.

Солдаты Хауэлла заняли позиции вокруг ворот. Напряжение витало в воздухе, курки были взведены. Вперед послали парламентера, солдата с дергающимся лицом. Оливье вышел ему навстречу, наказав Роберте стрелять из пушки, если что-то пойдет не так.

— Я полномочный представитель капитана Фрэнсиса Эвери! — сказал Оливье.

— Фрэнсиса Эвери! — из укрытия сдавленно вскрикнул сэр Хауэлл.

— Именно так! Мы взяли форт под свой контроль, нас более тысячи человек! — продолжил старый пират.

— Каковы ваши требования? — слабенько поинтересовался парламентер, и был тотчас отозван. Вместо него вышел сам

Хауэлл.

— С кем имею честь? — важно спросил Оливье.

— Сэр Хауэлл, канцлер Его Величества.

— Оливье Шарм, канонир, писарь и дипломат на корабле Фрэнсиса Эвери!

Хауэлл нервно поглядывал на раскуроченные ворота и дуло пушки.

— С какой целью вы захватили форт?

— Цели капитана вас не касаются! — грозно сказал Оливье, — и на вашем месте я не был бы таким смелым! Стоит мне свистнуть, и сюда вывалит целая армия головорезов! Кроме того, я полагаю, за вас можно получить неплохой выкуп.

— Вы не посмеете тронуть дипломата! — гневно воскликнул Хауэлл, в качестве аргумента указав рукой на четыре корабля, которые уже подходили к берегу. — Я задам вопрос ещё раз и надеюсь получить ответ! Ваша откровенность будет способствовать проведению переговоров. Итак, каковы цели Фрэнсиса Эвери?

— Что ж, я расскажу вам. Но не могу обещать, что вам понравится услышанное! Мы здесь для того, что бы пополнить команду заключенными форта, то есть опаснейшими преступниками от моря до моря! После набега наша пиратская команда станет еще кровожаднее и сильнее!

Хауэлл вытер испарину.

— Каковы ваши требования? — спросил он.

— Капитан не выставляет никаких требований, но лично я хочу дать вам совет: не лезьте на рожон, и мы спокойно покинем остров. В противном случае мы утопим эту землю в крови!

— Вздумали угрожать канцлеру Его Величества!?

— Именно так, сэр, — сказал Оливье, — а на вашем месте я бы послушался моего совета. Вас тут десять человек, а нас более тысячи.

Пират выдержал паузу, а потом кивнул на подходящие корабли:

— А что касается этого, будьте покойны — мы отправим их на дно! — с этими словами Оливье вернулся за ворота.

Роберта захлопала в ладоши:

— Ты лучше всех!

Старый пират бессильно плюхнулся на пол.

— Да, внучка… — слабо проговорил он.

— Не раскисай, тебе придется вести переговоры, когда на берег высадятся правительственные войска.

— Ох, не говори об этом. Мне вдруг сделалось дурно, — пожаловался Оливье.

Роберта выглянула из-за валуна. Солдаты сидели в укрытиях, в любую секунду ожидая атаки.

— Не знаю, насколько они тебе поверили, но пушка их точно впечатлила, — сказала Роберта.

Глава 10. Грэм Блэксмит

Из темноты свистнули стрелы. Фрэнсис среагировал мгновенно: факел полетел под ноги нападающих, все прочее скрылось во мраке. Десяток стражей с арбалетами столпились у выхода с этажа. Фрэнсис тенью скользнул вдоль стены. Охранники повторно выстрелили. Дин только успел броситься на пол, а тонкая рапира уже пронзила первого стража. Слабый вскрик, ненависть в глазах. Страх смерти передался всем остальным. Фрэнсис проткнул ещё одного, на лицо брызнула теплая кровь. Стражники обнажили кинжалы и бросились в атаку. Пират снова ушел в темноту, и появился с другой стороны, нанося молниеносные колющие удары. Неуклюже падали тела, как мешки с песком. Последние оставшиеся в живых стражи в панике бросились врассыпную. Фрэнсис поднял факел.

— Дин, ты живой?

Неподалеку послышалось шуршание, демонолог встал и отряхнулся от гнилой соломы. Фрэнсис подошел ближе, из темноты показалась фигура Дина.

— Ты чего!? — испугался Фрэнсис, увидев выражение лица приятеля. Едва сдерживая восторг, тот оглядывал его с ног до головы.

— Получилось!? — он не скрывал радость.

— А?

— Эксперимент удался! — крикнул Дин, эхо разнесло этот возглас по коридору.

— Да, удался. Пошли быстрее. Осторожно, перешагивай через трупы.

— Эй, погоди, расскажи мне! Какого черта ты такой сильный!? — нервно хохотал Дин, восторг захлестывал его.

— Это у тебя надо спросить.

— Неужели, неужели получилось!?

Они перешли на этаж выше, разглядывая таблички с номерами камер. Фрэнсис хмурился, прислушиваясь к каждому шороху и стараясь не обращать внимания на болтовню Дина.

— Что же теперь делать с такой силой!? — не унимался тот.

Пропустив это мимо ушей, Фрэнсис спросил о другом:

— Ты здесь давно сидишь. Не знаешь, где шестьдесят восьмая камера?

— А голос не изменился! — радостно заметил Дин.

— Тьфу на тебя! — сморщился Фрэнсис.

Факел осветил номер на очередной табличке: «3».

— Мы не в ту сторону идем! Почему все так запутано?

— А голова не беспокоит? — спросил Дин.

— Заткнись! — взорвался Фрэнсис, — сейчас не время об этом говорить! Моя команда удерживает ворота, а мы теряем время!

— Какая команда?

— Я стал капитаном и набрал пиратскую команду.

— Ты? — рассмеялся Дин.

— А что смешного? Я вот не пойму, что тут смешного! Если попросишь, и тебя возьму.

— Да ты шутник!

— А, что с тобой говорить, с чертом лысым! — рассердился Фрэнсис. — Я, между прочим, вытащил тебя из-за решетки!

— Почему лысым-то? — не понял Дин, на всякий случай взъерошив волосы.

Вернулись на этаж ниже, прошли коридор до упора, крысы, еще издалека заслышав их шаги, прятались по норам. Впереди показалась лестница. Ступени подозрительно скрипели, но другого пути не было, и пришлось, хоть и с опаской, но идти.

— Номер… — пробормотал Фрэнсис, поднося факел к табличке, — что тут написано?

Дин присмотрелся:

— То ли четырнадцать, то ли сто сорок четыре.

— Я не понимаю, не понимаю. Какой безумец это проектировал! Это невыносимо, у меня уже болит голова!

— Ага, значит, голова все-таки болит? Ещё есть побочные эффекты?

— Дин, если ты не заткнешься, я уйду без тебя!

Поднялись ещё по одной лестнице. Факел, потрескивая, показал табличку над первой же камерой справа с долгожданной цифрой «68». За решеткой кто-то зашуршал.

— Грэм Блэксмит?

— Он самый, — донесся из темноты хриплый бас.

— Мы пришли, чтобы освободить тебя.

Грэм злорадно рассмеялся.

— Это правда! Сейчас я открою дверь, — сказал Фрэнсис.

— Открой, и я снесу тебе башку! Пошел прочь!

Фрэнсис замялся.

— Уходим? — спросил Дин.

— Я не тюремщик, я капитан пиратов, и мое имя Фрэнсис Эвери.

Дин прыснул со смеху.

— Заткнись! — бросил в его сторону Фрэнсис, и продолжил: — я пришел освободить тебя, и со мной твоя сестра Роберта!

После недолго молчания Грэм сказал:

— Если это правда, то пусть она проваливает!

— Я знаю, что произошло, но Роберта вернулась за тобой, и этого достаточно.

— Этого недостаточно! — рявкнул из темноты Грэм, да так, что огонь факела отпрянул в сторону.

В разговор вмешался Дин:

— Я не знаю, в чем тут дело, но если твоя сестренка полезла за тобой в это пекло, то ты до конца жизни не имеешь права сказать о ней хоть одно плохое слово.

— С кем имею честь!? — заревел Грэм, ударившись в решетку с такой силой, что от нее отлетели куски ржавчины.

Это был настоящий великан. Выше Фрэнсиса на голову, и вдвое шире.

— Дин Лайлойд, естествоиспытатель, — с вызовом ответил тот.

— Успокойтесь, хорошо? Грэм, сейчас просто глупо не принять помощь, учитывая, как далеко зашла Роберта, что бы помочь тебе.

В ответ Грэм, что было сил, кулаком саданул по решетке, а потом, сдавшись, опустился на пол:

— И где она?

— Удерживает вход в крепость, дожидаясь, когда я приведу тебя!

— Ни за что не приму ее помощь!

— Хочешь сгнить тут?

Грэм промолчал.

— Тогда у тебя только один выход, — сказал Фрэнсис, — вступай в мою команду, и я вытащу тебя как своего товарища! Роберта будет ни при чем.

Грэм поднял глаза:

— Я никогда не слышал о Фрэнсисе Эвери. А имя Грэма Блэксмита гремело от моря до моря! Черта с два я пойду за тобой!

— Может, я пока неизвестен, но после сегодняшней атаки на форт, уж поверь, весь мир заговорит обо мне.

— Пожалуй, что так. У тебя, верно, большая команда, раз ты решился на штурм.

— Не совсем большая, зато надежная.

— Понимаю, — кивнул Грэм, — сейчас пошла мода на маленькие команды. Человек сорок, наверное?

— Пока трое, включая меня.

Дин разразился смехом.

— А ну, замолчи! — прикрикнул на него Фрэнсис, и снова повернулся к решетке.

Грэм улыбался. Дин продолжал хохотать, и вслед за ним рассмеялся и великан.

— Ну, это уж слишком! Я рискую жизнью, чтобы вас вытащить, а вы смеетесь!

— Роберта у тебя в команде? — уточнил Грэм, широко улыбаясь.

— Именно так.

— И этот чудик? — Грэм кивнул на Дина.

— Попрошу без оскорблений! — вскинулся тот.

— Нет, он пока не вступил.

— Ладно, капитан, выпускай меня. Не могу же я доверить свою сестру такому, как ты.

— Это какому такому? — нахмурился Фрэнсис, роясь в карманах в поисках ключа.

Ответа не последовало, а посему ключ повернулся в замке, и дверь открылась.

Четыре военных корабля вошло в бухту, они дали предупредительный залп, и, спустя пару минут, на берег высадилось триста солдат.

— Где же Фрэнсис!? — воскликнула Роберта. — Только что мы потеряли последний шанс, чтобы убраться отсюда подобру-поздорову.

— Плохо дело, плохо, — пробубнил тот, с надеждой вглядываясь в темноту сырого коридора откуда с минуты на минуту ожидал появления капитана. Но время шло, и никого не было.

Тем временем к Хауэллу присоединился отряд Дайтоба. Капитан-командора очень позабавил тот факт, что расследование закончилось так быстро, и все действующие лица оказались в одном месте. Он пребывал в хорошем расположении духа, искренне радуясь, что сумел побороть страх и предстать перед ненавистным Бланкальером лицом к лицу. Дайтоб заявил, что пиратов никак не может быть тысяча, и назвал цифру в семьдесят человек. Хауэлл решил для себя, что в таком случае никаких проблем не возникнет. Вскоре к ним присоединилось солдаты с четырех кораблей. Сэр Дайтоб принял командование на себя, поскольку по званию превосходил всех, не считая Хауэлла, но тот состоял на гражданской службе и не мог руководить боевыми действиями. Таким образом, готовясь к штурму, перед входом в форт позиции заняли более трехсот солдат Его Величества. Хауэлл предложил провести переговоры и убедить пиратов сдаться без боя. Он пояснил, что бескровная операция хорошо скажется на их карьере. Дайтоб согласился, и Хауэлл снова решил

выступить в роли парламентера.

— Оливье, соберись! Они опять хотят говорить, — сказала Роберта, — вставай же, не надо так переживать.

Оливье поднялся, унимая дрожь в коленях.

— Ах, внучка, и дернул меня черт стать пиратом…

— Давай же, Оливье, — уговаривала его Роберта, — потяни время.

Оливье кое-как выполз из укрытия, но, оказавшись перед десятками направленных на него мушкетов, сразу же преобразился. Королевская осанка, высоко поднятая голова, грозный взгляд — вот что увидели в Оливье солдаты Его Величества.

— Прикажи им не целиться в меня, — гаркнул пират, — а не то я прикажу выкатить пушки, и переговоров не выйдет!

Хауэлл нехотя подал знак, и солдаты опустили оружие.

— Я бы хотел переговорить лично с Фрэнсисом Эвери, — сказал он.

— Если бы капитан желал говорить с вами, то был бы сейчас на моем месте, — ответил Оливье.

— Вот как. Значит, боится?

— Я бы не советовал вам оскорблять благородного пирата Фрэнсиса Эвери! Я не отвечаю за себя, когда недостаточно почтительно отзываются о моем капитане!

— Дикари, — буркнул под нос Хауэлл.

Оливье демонстративно оглядел солдат, облепивших полукругом все склоны напротив ворот.

— Что это, неуважение!? — гневно воскликнул он. — Да тут не более трех сотен! И это против нашей тысячи!?

— Не надо лукавить, — сказал Хауэлл, — я то знаю, что вас куда меньше, чем вы говорите.

— Сколько же, по вашему? — грозно спросил Оливье.

— Сотня, а то и меньше.

Оливье громко рассмеялся, а в то же время про себя облегченно вздохнул, потому как думал, что Хауэлл скажет: «Да вас там трое! В атаку!»

— Какой безумец станет штурмовать форт Бланкальер силами всего лишь сотни человек!? — продолжая смеяться, спросил Оливье.

— Ведите себя прилично на переговорах! — не выдержал Хауэлл, — а не то я немедленно дам команду на штурм!

— Да неужели! — повысил голос Оливье, — так давайте! И первым делом вон та пушка снесет вам голову, а затем из форта вывалит тысяча пиратов, подкрепленная еще сотней

заключенных, и сметет ваших людей в тот же миг.

— Не смейте мне угрожать! — взбеленился Хауэлл, — я парламентер, посему неприкосновенен! Я отказываюсь говорить с таким человеком, как вы! Я требую возможности вести переговоры лично с капитаном.

— Много вы о себе думаете, сэр! — отозвался Оливье, с важным видом подтягивая красные шаровары, изъеденные молью.

Роберта сидела рядом с пушкой, прислушиваясь к разговору у ворот. Она приладила к покореженной створке мушкет, надеясь забрать с собой на тот свет хоть одного врага.

«Где же Фрэнсис? — думала она, — когда начнется штурм, мы не простоим и минуты».

Из темноты выскользнула фигура. Роберта обрадовалась, но через мгновение поняла, что это не Фрэнсис. Перед ней стоял человек, более похожий на мертвеца, комендант тюрьмы Гелфорс Род. Сухими пальцами он сжимал арбалет, намереваясь спустить курок, но взгляд его упал на покореженные ворота, и он недоуменно остановился. Роберта подскочила к нему, точным ударом выбила из рук арбалет, и пистолет пиратки оказался у лба Гелфорса.

— Вы чего тут, ублюдки, надумали? — с угрозой спросил он, с трудом отрывая взгляд от ворот.

— Ты кто такой? — сквозь зубы проговорила Роберта.

— Я комендант Бланкальера, но какого черта вы тут делаете!?

— Не двигайся, положи руки за голову! — скомандовала она, угрожая пистолетом.

— Предупреждаю: если с фортом что-то случится, я достану вас даже с того света! Я не дам вам покоя, буду сниться в страшных снах и приходить наяву. Вы забудете, что такое радость и счастье. День и ночь будете молить всех богов на свете, чтобы я убрался в преисподнюю, но я не успокоюсь, пока каждый из вас не ощутит настоящие муки и не будет жаждать смерти как облегчения!

— Чего ты затараторил! — прошипела Роберта, боясь помешать переговорам, — нам форт никаким боком не нужен! Мы пришли, чтобы освободить двух человек. Ворота пришлось выломать, но больше повреждений не будет, если, конечно, королевский флот не решит дать пару залпов.

Бледная кожа Гелфорса приняла зеленоватый оттенок.

— Если эти ублюдки посмеют дать залп, я буду являться им в ночных кошмарах, я…

— Тихо ты! — прервала его Роберта, — за воротами стоит триста солдат, которые только и ждут случая, чтобы развернуть

тут все!

У Гелфорса задрожали губы:

— Вы ответите, — промолвил он, впадая в полуобморочное состояние.

Роберте вдруг стало его немного жаль:

— Не надо так переживать! Прости, как тебя зовут?

— Гелфорс Род. Могу я присесть? Я что-то плохо себя чувствую…

— Конечно, присаживайся, только не вздумай сбежать! Меня зовут Роберта Блэксмит, я первый помощник капитана Фрэнсиса Эвери.

Гелфорс слабо опустился на землю:

— Я, кажется, встречал этого ублюдка. Он вырвал два листа из списков и украл два ключа!

— Успокойся, Гелфорс, — попыталась подбодрить его Роберта.

— Не могли бы вы просто сдаться властям? Или провести битву вне форта? Я был бы очень признателен…

— Знаешь ли, мы сами в трудной ситуации.

— А кто виноват!? — слабым голосом воскликнул Гелфорс, — я тут ни при чем!

В этот момент Оливье все еще вел переговоры. Обменявшись оскорблениями, парламентеры вернулись к тому, с чего начали.

— Я требую немедленной капитуляции пиратской команды! Я обещаю, что только капитан отправится на виселицу, а остальным сохранят жизнь.

— Своих не сдаем! — грозно проговорил Оливье.

— Нет в дипломатии такого понятия, — раздраженно пояснил Хауэлл. — Далее с вами я говорить отказываюсь, и оставляю вам два варианта: либо ваш капитан лично выходит на переговоры, либо я отдаю приказ на штурм.

Роберта напряженно вслушивалась в слова канцлера, что затруднялось из-за сопения Гелфорса, который к тому же начал заунывно причитать. Из темноты сырого коридора донеслись шаги, обрывки слов, и на свет вышли трое мужчин.

— Фрэнсис! — вскрикнула Роберта, — Грэм!..

— Роберта, — широко улыбаясь, Грэм с хода заключил ее в объятия, в которых она утонула и потерялась.

— Позволь познакомить, — сказал Фрэнсис, — это Дин Лайлойд, мой друг.

— Роберта Блэксмит, — представилась она, внимательно разглядывая молодого человека, — наслышана о вас!

— Бесконечно рад знакомству, однако, не думаю, что Фрэнсис мог рассказывать обо мне что-то хорошее.

Фрэнсис заметил Гелфорса:

— А он что тут делает!?

Роберта встрепенулась, вспомнив всю опасность ситуации.

— Мы в западне! Посмотри, что творится у входа, — сказала она.

Фрэнсис выглянул.

— Что там Оливье делает? — спросил он, поперхнувшись.

— На пиратском собрании мы назначили его дипломатом.

— Эй, Оливье! Оливье! — Фрэнсис высунулся из-за ворот. — Брось этого придурка, иди сюда!

Оливье облегченно вздохнул, увидев лицо капитана, тут же скрывшееся из вида, и обратился к Хауэллу:

— Что ж, сэр, я передам все ваши требования капитану, — сказал Оливье, — вскоре я принесу ответ, либо к вам выйдет сам Фрэнсис Эвери.

Оливье твердым шагом направился к воротам, а зайдя в укрытие, бессильно упал, будто умер. Фрэнсис подхватил его и прислонил к стене.

— Оливье, ты герой! — воскликнула Роберта.

— Да, внучка…

— Знакомитесь, господа! Гроза морей — Оливье Шарм, канонир, писарь и дипломат, настоящий морской волк, которому неведом страх смерти!

Глава 11. Побег

За укрытием, рядом с воротами, пираты организовали военный совет. Роберта нервно наблюдала за солдатами, столпившимися по ту сторону баррикад. Фрэнсис с важным видом разложил на земляном полу карту острова Бланк.

— Капитан, они хотят говорить лично с тобой, — переведя дух, доложил Оливье.

— Я выйду к ним. А сейчас решим, как выбраться из ловушки.

— Мне нужно оружие, — сказал Грэм.

Фрэнсис, не раздумывая, передал ему рапиру.

— Эй, комендант! — позвал он.

— Его зовут Гелфорс Род, — сказала Роберта.

— Гелфорс, дружище, есть ли из тюрьмы еще выходы? — спросил Фрэнсис.

— Нету, — никак не придя в себя, пробормотал тот.

— Оливье, сколько у нас времени в запасе?

— Немного. Как только с моря прибыла подмога, солдаты стали храбрее.

Грэм примерился к эфесу рапиры.

— Устроит? — спросил Фрэнсис, увидев у того на лице скептическое выражение.

— Лучше, чем ничего, — сказал Грэм.

— Какое же оружие ты предпочитаешь?

— Чекан. Когда он у меня в руках, враги бегут прочь.

— Атака! Штурмуют! — крикнула Роберта.

— Поджигай! — рявкнул Фрэнсис, и Оливье запалил фитиль.

Гул за воротами нарастал, выстрелила пушка — грянул взрыв, раздались крики. Пыль и дым закрыли обзор. Фрэнсис схватил пороховую бочку и бросил за ворота.

— Отступаем! — крикнул Фрэнсис, вырывая у Роберты пистолет, выстрелил, и бочка взорвалась. — Бежим, бежим!

Пираты бросились вглубь темницы, Роберта ухватила за руку ополоумевшего Гелфорса и потянула за собой. От взрыва задрожали своды, со страшным грохотом обрушилась каменная кладка, погребая под собой вход в тюрьму. Последним в коридор влетел Фрэнсис, врезался в Грэма, тот отлетел и сбил собой всех остальных. Пираты покатились по сырому полу.

Грэм поднялся, сильно удивляясь: мало кому удавалось сдвинуть его с места. Роберта потирала ушибленное плечо, а Дин смотрел на Фрэнсиса, как на свое детище. Оливье, покряхтев, поднялся с земли, а Гелфорс так и остался лежать, беззвучно шевеля губами.

— Все живы?

Оказалось, что все. Но вход был наглухо завален. Если комендант сказал правду, и другим путем в форт не попасть, то некоторое время они будут в безопасности. Фрэнсис закинул Гелфорса на плечо, и предложил отыскать его кабинет, и уже там, в более комфортной обстановке, провести военный совет. Команда на ощупь пошла по темному коридору, и теперь только от памяти Фрэнсиса зависело, дойдут ли они. Дюжину минут они бродили по коридорам, и, когда совсем уж отчаялся, то вдруг наткнулись на ржавую дверь. Пиратов встретил огонь камина и сотни ключей на стенах.

— Осторожно, здесь может оказаться старушка с ножом, — предупредил Фрэнсис, сваливая Гелфорса в угол.

Пираты зашли в комнату, радуясь хоть какому-то свету.

— Гелфорс, — позвала Роберта, — ты в сознании?

Тот слабо промычал.

— Ну же, приди в себя!

— Эй, Гелфорс, помоги нам выйти отсюда, — заговорил Фрэнсис, — наверняка ведь существует какой-то потайной ход? Мы просто уберемся, и все.

— Ублюдки, — прошептал тот.

— Он такой нервный! — воскликнула Роберта.

— Фрэнсис, есть мысль, — поманил его Дин.

Они пошептались в стороне, и спустя минуту Фрэнсис повернулся к команде.

— Еще можно спастись, — объявил он. — Ждите тут.

С этими словами Фрэнсис разжег два факела, один отдал Дину, и они вышли за дверь.

— Это как понимать? — спросил Грэм.

Роберта пожала плечами. Оливье нахмурился и потер лоб.

— Брат… — тихо позвала Роберта, спустя минуту молчания, — ты меня простишь?

Грэм прокашлялся.

— Что было, то было. Я не злюсь больше.

Фрэнсис и Дин снова бежали по темным коридорам.

— Постой, постой, — запыхавшись, выкрикнул Дин, — я больше не могу, давай пешком.

— Слабак.

— Вот как заговорил, испивши моего эликсира!

— Ладно, идем шагом, — согласился Фрэнсис. — А вообще, стоит ли тратить время? Уверен, что получится?

— Я читал, да. Получится.

— И где мы найдем эту крысу? — спросил Фрэнсис.

— Хвост дохлой крысы, всю жизнь прожившую в этом месте, — уточнил Дин. — Надо искать. Без этого не выйдет.

— Не можешь сделать заклинание без предметов?

— Очень сложно, не осилю.

— Хорошо, что еще нужно?

— Факел.

— А нельзя ли применить заклинание для поиска дохлой крысы?

— Никогда не слышал о таком.

Двинулись дальше.

— А точно получится? — переспросил Фрэнсис.

— Подумай сам. Это заклятие на поиск всего тайного и скрытого. Если здесь есть потайные ходы, мы легко их найдем.

— Я слышал, тут больше секретных ходов, чем где-либо, — сказал Фрэнсис, — если бы только разговорить коменданта!

— А зачем? Мы и сами отыщем выход.

— А вот там, не крыса?

— Где?

— Гляди, — Фрэнсис посветил факелом, но там ничего не оказалось.

— Постой-ка, — осенило Дина, — у меня в камере подохла крыса. Помню, я рассказывал ей что-то об алхимии, она бегала вокруг, а потом прилегла на солому, и странно захрипела. Она точно отправилась на тот свет! Ты помнишь, как пройти к моей камере?

— Приблизительно. Думаю, найдем.

— Тогда быстрее! Солдаты разгребут завалы с минуты на минуту.

Гелфорсу Роду стало полегче, и он прислонился спиной к стене. Перед глазами у него все плыло, но он разглядел, что рядом сидит Роберта.

— Надо беречь себя, — сказала она, — переживать совершенно не о чем. Со дня на день королевский двор выпишет средства на восстановление форта. Да и что тут ремонтировать? Ворота? Они и так старые были.

Гелфорс посопел, но все же заговорил:

— Кому я буду являться в страшных снах, если умру прямо сейчас?

— По-моему, он на что-то намекает, — нахмурился Грэм.

— Вот значит как! — обиделась Роберта, — я о тебе забочусь, а ты!

Коменаднт криво улыбнулся.

— До чего странный тип! — поразился Грэм.

Тут в дверь влетели Фрэнсис и Дин, коптя факелами.

— Ожидайте чуда! — крикнул демонолог, победно размахивая крысиным хвостом.

Оливье встал, в напряжении смотря на Дина. Грэм тоже поднялся, удивленно разглядывая хвост.

— Три, — прошептал Дин, сжигая крысиный хвост в огне факела.

— Чего три? — не понял Грэм.

— Два… один!..

Дин зашептал под нос заклинание. Все заворожено вслушивались в непонятые, но мелодичные звуки. Даже Гелфорс поднял голову, недоуменно рассматривая всех присутствующих с видом, будто только проснулся. Дин закончил заклинание, и огонь факела окрасился зеленоватым оттенком.

Фрэнсис облегченно вздохнул.

— Получилось, — улыбнулся Дин, — теперь все за мной.

— Куда?

Пламя факела колыхнулось, будто от порыва ветра, и указало направление.

— Не отставайте. Вперед!

Дин быстро вышел из помещения, за ним последовали все остальные. Последней оказалась Роберта. Уже у двери она сказала:

— Прощай, Гелфорс Род, не поминай лихом.

— Прощай, — бессильно повел рукой комендант.

Пиратов, подобно компасу, вел огонь факела. Пламя срывалось то вправо, то влево, то указывало прямо. Фрэнсис пропустил всех вперед, опасаясь потерять кого-то по дороге. Бежали молча, только стук пяти пар башмаков разносился по коридору. Пламя факела метнулось к потолку, и Дин резко остановился, а у него за спиной столпились все остальные.

— Тут! — торжественно произнес он.

— Голые стены, ничего здесь нет, — сказала Роберта, ощупывая сырые и холодные камни.

Оливье сглотнул:

— Я чувствую себя как в могиле, — сказал он.

— Расступитесь, — потребовал Фрэнсис.

Он подошел к месту, у которого встал Дин. Пираты отошли на несколько шагов назад. Фрэнсис размахнулся и ударил, кулак встретился со стеной, грохот потряс своды. Камень не выдержал атаки. Тяжелые глыбы и мелкие щепки фонтаном разлетелись в стороны. Откашливаясь, Фрэнсис полез в образовавшийся проход.

— Роберта! — воскликнул Грэм, — кто они!? Один колдует, другой крушит стены голыми руками!

— Это моя команда, — гордо сказал Роберта, — и твоя тоже. Ты ведь теперь с нами, разве нет?

За Фрэнсисом полез Дин, за ним все остальные. Факел осветил небольшую комнату, и все ахнули. На низеньких столиках аккуратными стопками лежали тысячи золотых монет.

— Сокровище Гелфорса Рода! — воскликнул Оливье.

— Уходим, — бросил Фрэнсис и направился к выходу.

— Стой, почему!? Здесь целое состояние! — запротестовал Дин.

— Погонимся за деньгами — не спасем свои шкуры, — ответил Фрэнсис, покинув комнату.

Но никто не двинулся с места.

— Слушайте приказ капитана! Все за мной!

— Да, капитан… — проговорил Оливье, с трудом отрывая взгляд от золотых монет.

Следом к выходу направилась Роберта:

— Идем, Грэм, — сказал она, взяв его под руку.

В тайнике Гелфорса Рода остался только Дин.

— Поспеши, — сказал ему Фрэнсис, — скоро солдаты ворвутся в крепость, и мы уже не сумеем унести ноги.

— Золото… — пробормотал тот.

— Идем же, идем, — торопил его Фрэнсис, — когда выйдем в море, награбим столько, сколько захотим. А сейчас нужно спасать свои жизни.

Дин провел ладонью по лицу, потом по волосам, и, поборов искушение, вышел из тайника. Пламя факела указало новое направление. Бег продолжился. Снова темнота кругом, свет впереди. Поворот за поворотом, магическое пламя металось из стороны в сторону, будто сломанный компас. Пираты начали спуск, все дальше углубляясь под землю. Огонь рванул вверх, и Дин остановился.

— Тут! — объявил он. — Если снова золото… второй раз я не выдержу соблазна.

— Какую стену дробить? — спросил Фрэнсис, подходя ближе.

— Нет, не стену, — Дин огляделся в полумраке, — что-то не то… Постой-ка, это снизу!

— Держитесь! — крикнул Фрэнсис.

Он присел на колени и сцепил кулаки. Напряглись мышцы, и он саданул прямо по полу. Камень треснул, и все пятеро ухнули вниз. На секунду мир пропал, а потом все вернулось: грохот, пыль и полная темнота — погасли факелы.

— Отзовитесь! — крикнул Грэм, поднявшись на ноги.

— Здесь, — донесся голос Оливье.

— Я тут, только ушиблась, — проговорила Роберта.

— Идти сможешь?

— Да.

— Отзовитесь, остальные! — снова крикнул Грэм.

Из темноты донесся кашель. Роберта пошла на звук, переступая через камни, и на кого-то наткнулась.

— Дин, ты?

— Да, — прокашлявшись, сказал тот.

— А где Фрэнсис? — забеспокоилась Роберта.

Все замолчали, в надежде услышать голос Фрэнсиса.

— Капитан? — позвал Оливье, и снова все замолкли.

Их окутала мертвая тишина, понемногу оседала поднявшаяся пыль. Из мрака донесся неясный звук.

— Огня! — сказал Грэм.

Роберта бросилась на звук и наощупь нашла руку Фрэнсиса, вокруг которой были только холодные камни.

— Его завалило! — в ужасе вскрикнула она.

Дин зажег факел.

Из-под груды камней донесся слабый смех:

— Первый помощник, — послышался голос Фрэнсиса, — ты ведь знаешь, что мое тело прочнее стали.

— Разгребайте его! — крикнула Роберта, откидывая в сторону камень за камнем. Грэм ворочал большие обломки, остальные помогали в меру сил. Спустя некоторое время Фрэнсиса аккуратно вытащили наружу.

— Он не жилец, — покачал головой Грэм.

— Капитан… — в ужасе прошептал Оливье.

— Вы не знаете, кто он! — эмоционально выкрикнула Роберта, — это для него — ничто!

— Первый помощник, — позвал Фрэнсис, — ты делаешь успехи. Слушайте теперь все: я приказываю прекратить панику и продолжать движение.

Фрэнсис говорил таким слабым и болезненным, полным боли, голосом, что всем стало не по себе. Роберта первая сумела взять себя в руки, и воскликнула:

— Слушайте приказ капитана! Идем вперед! Дин первый, потом Оливье, Грэм несет Фрэнсиса, я замыкаю. Вперед!

Грэм поднял Фрэнсиса на руки, как младенца, совсем не тяготясь его весом. Дин на ощупь продвигался вперед, факел будто не хотел светить, пламя его терялось во тьме. Фрэнсис вскрикивал от каждого толчка.

— Осторожнее, Грэм! — со слезами в голосе воскликнула Роберта, — ему же больно!

— У него все кости сломаны, — сокрушенно ответил Грэм.

Спустя пять минут ходьбы впереди показался лучик света.

Дин крикнул и побежал вперед. Ослепленные ярким солнцем после темноты подземелья, пираты наконец вышли наружу. Постепенно зрение вернулось, и они увидели, что находятся на скалистом берегу моря. Налетел холодный ветер, люди вдохнули свежий воздух, радуясь возвращению на свет божий из мрака бесконечных переходов форта Бланкальер.

Глава 12. Клятва на крови

Радость от встречи с шумом волн и солнечным светом быстро прошла, когда компания взглянула на бледного как снег Фрэнсиса. Грэм аккуратно положил его на траву.

— Есть среди нас врачи? — спросил Дин, обводя команду взглядом.

Все молчали, и Дин решил своими силами провести осмотр, ведь занятия демонологией обязывали знать строение скелета и внутренних органов. Он присел к Фрэнсису, тот слабо простонал что-то. Оливье отвернулся, не желая смотреть. Дин размял пальцы и приступил к осмотру. Фрэнсис страшно закричал: сильная боль пронзала тело от каждого прикосновения, Роберта попыталась помешать, но Грэм оттащил ее в сторону, а потом зажал Фрэнсису рот, чтобы вопли не услышали солдаты. Спустя несколько минут приглушенных, но от этого не менее истошных криков, Дин заявил, что закончил осмотр.

— Как ни странно, но в целом Фрэнсис в порядке, — сказал он. — Он не шутил, когда говорил, что его тело прочнее стали, — продолжил Дин, — позвоночник цел, я так думаю, голова тоже. Только руки сломаны, несколько ребер — и все!

Оливье ходил кругами, причитая без остановки. Грэм недоверчиво поглядел на чуть живого капитана.

— Он точно поправится! — воскликнула Роберта, — когда я увидела его в первый раз, он был намного хуже! Дайте два дня, и он встанет на ноги!

— Тут в лучшем случае месяца три-четыре, — покачал головой Грэм.

В разговор вмешался Оливье:

— Мы должны убираться с острова, — сказал он.

— Остров небольшой, нас легко найдут, — поддержал старика Грэм.

— Я бы не был так уверен, — решившись, сказал Дин, — нам следует остаться. Каким бы сильным Фрэнсис не был, сейчас ему нужен покой. Если мы отправимся в море, он может и не выдержать.

— Я поддерживаю, — сказала Роберта, — вернемся в дом Оливье.

Все согласились, что следует остаться на острове. Грэм поднял Фрэнсиса, и команда отправилась вслед за Оливье, который знал эти места как свои пять пальцев. Сделав большой крюк и обойдя стороной форт, в поселение зашли с задворок, опасаясь патрулей. К дому добрались уже на закате, и без

происшествий попали внутрь. Роберта сразу же осмотрела все комнаты, но внука нигде не оказалось. Кроме того, Оливье заметил, что тот забрал все свои вещи.

— Куда он мог подеваться? — недоумевал старый пират.

— Я, кажется, знаю, — сказала Роберта, — наверное, решил, что пришло самое время сбежать вместе со своей возлюбленной.

— Какой возлюбленной? — нахмурился Оливье.

Роберта замялась:

— Я же читала письма…

— Какие письма?!

— У тебя с памятью беда!

— Совсем старый, — покорно согласился Оливье.

Тем временем стемнело. Грэм запретил зажигать свечи, опасаясь патруля. Дин перевязал Фрэнсиса, после чего совершенно истощенные пираты улеглись спать. Проснулись поздно: первой встала Роберта, ругая себя за то, что они дрыхли, не выставив дозорного. Из последних запасов гороха она сварила кашу, и позвала всех к столу. За какую-ту минуту пираты смели все, что было, и потребовали добавки. Но более в доме ничего не имелось. Выходить было опасно, но выбора не оставалось, и пиратский совет постановил, что если Роберта сходит за пропитанием, беды не выйдет. По крайней мере, выглядит она безобидней остальных, и подозрений вызовет куда меньше. Когда Роберта ушла, Дин поднялся наверх, сказав при этом, что доктор из него никакой, а вот создать лечебный амулет он сумеет.

Грэм стоял у окна, выглядывая на пустынную улицу. Солнце, скрытое за тучами, тускло освещало дорогу, покосившиеся дома, бурьян, заполонивший все дворы. За столом сидел Оливье, положив голову на руки и закрыв глаза. Грэм задумался о событиях последних суток.

«Кто этот дьявол?» — спросил он себя, думая о Фрэнсисе.

Уже долгие годы никто не решался атаковать ни Бланкальер, ни любую другую тюрьму. Негласно позволялось грабить торговые суда, а пиратам, состоящим на королевской службе, можно было делать набеги на прибрежные города, но штурм правительственного форта равносилен подписанию себе смертного приговора. Такого человека Корона уже не упускает из виду, объявляет охоту и преследует до тех пор, пока он не познакомится с веревкой. Бывали случаи, когда пиратские флотилии штурмовали тюрьмы, но чтобы это взбрело в голову команде из трех человек — такого Грэм не припоминал.

Спустя час Дин спустился на кухню, где сидели задумчивый Грэм и Оливье, угрюмо поскабливающий ложкой по пустой тарелке. Демонолог торжественно продемонстрировал

малюсенький черный амулет, сделанный из пуговицы. Талисман был невзрачен, висел на тоненькой ниточке, и вовсе не походил на магический предмет. Оливье сказал об этом, на что демонолог обиделся, и, не задерживаясь, направился к Фрэнсису. Но тут на кухню вошел сам капитан. Предела не было их удивлению. Особенно поразился Грэм, который предрекал ему скорую смерть.

— Все болит, — пожаловался Фрэнсис, опускаясь на стул.

Первым опомнился Дин:

— Держи! Надень амулет!

Левая рука Фрэнсиса бессильно свисала к полу, правой он натянул амулет на шею.

— Спасибо.

Дин, спохватившись, быстро пошел наверх. Пираты услышали, как на ходу он рвет полотно. Дин вернулся и подвязал Фрэнсису больную руку. Тот кивнул, и попросил поесть. Вот тут-то все и встрепенулись. Роберты не было уже более часа. Оливье и Грэм встревожились не на шутку.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась запыхавшаяся пиратка, глаза ее были испуганными, а пальцы крепко сжимали мертвую курицу. Отдышавшись, Роберта рассказала, что ее заметил патруль:

— Пришлось свернуть во дворы, несла по огородам. Шум поднялся — ужас! А тут мне под ноги курица выскочила, ну я и… А потом солдаты вымотались, палили в воздух — вы слышали? — а я убежала, хотя думала все, конец мне…

— Я голоден, — перебил Фрэнсис.

Немедленно приступили к готовке: Оливье и Грэм на пару ощипывали курицу, Роберта, несмотря на опасность быть обнаруженными, разжигала огонь, а Дин раскупоривал последнюю бутылку рома.

— Они нас найдут, — сказала Роберта, вертя в руках ножик. — Теперь солдаты точно знают, что мы в городе! Капитан, что думаешь делать? — спросила она напрямую.

— Оливье, — позвал Фрэнсис, — ты отвечаешь за то, что твоя лодка на месте и сможет увезти нас с острова?

— Да, капитан!

Фрэнсис задумался и ничего не ответил, а Роберта время от времени украдкой посматривала на него.

Спустя некоторое время пятеро голодных накинулись на вареную курицу, от которой моментально остались лишь обглоданные кости. Потом приступили к рому. Когда в бутылке осталось около четверти, Фрэнсис отобрал ее у Оливье.

— Сегодня мы отправляемся в море! — торжественно произнес капитан.

— Бутылку отдай…

— Не перебивай! Послушайте все. Сегодня пришло время решить, кто идет со мной, а кто остается сам по себе. Но помните, что я собираюсь покорить море! Спрашивать буду по порядку. Роберта, ты со мной?

Пиратка отвела взгляд, раздумывая.

— Да, Фрэнсис, я с тобой.

— Оливье?

— Мне уже нечего терять. Я с тобой!

Фрэнсис кивнул.

— Грэм, что насчет тебя?

— Я говорил, что пойду за тобой. От своих слов не привык отказываться.

— Дин, а ты?

Тот поджал губы, взгляд уперся в пол.

— Фрэнсис, — выговорил он, — я…

— Ты говорил когда-то, что без меня будет скучно, — напомнил Фрэнсис.

Дин, не поднимая взгляда, улыбнулся.

— Ладно уж, я тоже с тобой, — сказал он.

— А теперь мы все поклянемся, — мрачно сказал Фрэнсис.

Повисла напряженная тишина.

— Пришло время побрататься, — проговорил капитан, обводя всех взглядом, — мне нужны люди, которые пойдут до конца самого конца.

Фрэнсис скинул куртку, пираты смотрели, как он достал кинжал, поднес его к левому плечу. Лезвие оставило тонкий порез, через мгновение выступила кровь, тонкой струйкой стекая по руке. Фрэнсис поднес горлышко бутылки, и в ром угодило несколько капель. Кинжал перешел к Роберте, она, не сводя с Фрэнсиса глаз, закатала рукав рубашки, поднесла лезвие к плечу и провела по нему кинжалом, разрезая кожу. Фрэнсис передал ей бутылку, и кровь Роберты смешалась с ромом и его кровью. Далее то же проделал Оливье, затем Грэм, и последним был Дин. Фрэнсис поболтал бутыль, перемешивая ром и кровь пятерых человек. Он сделал первый глоток, потом отпила Роберта. Фрэнсис поцеловал ее в губы, и передал бутылку Оливье.

— Теперь ты моя сестренка, — улыбнулся Фрэнсис, смотря Роберте в глаза.

Последний глоток сделал Дин и на этом ритуал закончился.

— Отныне, братья, — сказал Фрэнсис, — берегите свою сестру и друг друга. С этого момента мы навеки связаны кровью. Помните об этом. Нас ждет нелегкий путь, который мы сумеем пройти, только поддерживая друг друга. А теперь, в дорогу!

К полуночи пираты покинули дом Оливье, и направились к берегу моря. Лодка, в которую они сели, оказалась старой, но прочной, была оснащена парусом и двумя парами весел. Под покровом тьмы команда отчалила от берега, прощаясь с островом Бланк.

Глава 13. Махинации сэра Хауэлла

С утра Дайтоб бросил все силы на зачистку острова. Солдаты зашли в каждый дом, заглянули под каждый камень, допросили всех жителей, но преступников найти так и не удалось. К полудню Дайтоб был вынужден признать, что пираты вышли в море. Хауэлл пребывал в бешенстве, обсыпая окружающих страшными ругательствами. А Гелфорс Род спал в соседней каюте как младенец — судовой врач выдал ему лошадиную долю снотворного, потому как все равно вытянуть из коменданта какие-либо сведения не удавалось, он лишь называл всех ублюдками, трагично закатывал глаза и шатался по кораблю.

Часам к семи вечера Дайтоб решил обсудить все обстоятельства дела с Хауэллом, но нашел того усталым и осунувшимся, и решил объявить на сегодня выходной.

Зато на следующее утро Хауэлл выглядел бодрым и энергичным. Для начала он распорядился допросить всех служащих тюрьмы — наиболее детальные и красочные показания дала привратница, подробно описав внешность пиратов. Хауэлл привез с собой художника, который зарисовал преступников со слов старушки. Гелфорс Род с утра был мрачен и немногословен. Он сказал лишь, что его укачивает, а солнечный свет раздражает. Вопреки протестам врача, он сошел на берег, и вернулся в темницу.

После обеда Хауэлл сел за написание отчета Его Величеству. В каюте сидел и Дайтоб, мысленно проклинающий форт, который снова принес ему неудачу.

— За всю мою карьеру не было подобного, — сокрушался он.

— Дорогой сэр Дайтоб, — сказал Хауэлл, — если мы не примем меры, то рискуем на этом карьеру и окончить.

— Как! — воскликнул Дайтоб.

— Их было трое, а нас триста. И мы их упустили.

— Как же оправдаться?

— Я поговорил с Гелфорсом. И он согласились подыграть нам, — сказал Хауэлл.

— Что вы ему пообещали?!

— Мы сошлись на троекратном выделении средств для восстановления форта и усиления охраны.

— А привратница?

— Гелфорс сказал, что она в доле.

— Мы как будто делаем что-то противозаконное! — испугался Дайтоб.

— Так и есть. Посему держите рот на замке!

— Я понял, — проговорил Дайтоб, нервно оттягивая ворот сорочки.

— Сейчас мы напишем отчет Его Величеству, в котором несколько исказим факты.

— Исказим!? — ужаснулся Дайтоб.

— Простите, я неверно выразился. Кое-что забудем, во что-то привнесем свое видение, обманемся неточными показаниями свидетелей, и, глядишь, выйдет не так уж и плохо, — Хауэлл положил перед собой бумагу. Перо очутилось в чернильнице, а после забегало по чистому листу.

Хауэлл остановился:

— Напишем, что их была тысяча или две?

— Напишите пятьсот! — испугался Дайтоб.

— Пусть будет восемьсот, — пошел на компромисс Хауэлл, — а пока я пишу приветствие и вступление, придумайте, сколько у них было кораблей и с каким вооружением на борту.

— У них была пушка, — вспомнил Дайтоб.

— Пушка! — возмутился канцлер, — сто пушек, двести пушек! Включите фантазию!

— Я постараюсь, — обреченно пообещал капитан-командор, уже ругая себя за то, что впутался в это дело. Канцлер медленно выводил буквы, лист понемногу наполнялся текстом.

— Каллиграфия? — поинтересовался Дайтоб.

— Вы мне льстите. По сравнению с настоящими мастерами мои навыки просто ничтожны.

— Но у вас очень красиво выходит.

— Это вам так кажется, а настоящий каллиграф сказал бы, что мои буквы уродливы.

Сэр Хауэлл продолжить писать. В тишине поскрипывало перо.

Через полчаса он закончил и потянулся.

— Теперь вы, сэр Дайтоб. Пишите свой отчет.

— Я?

— Разумеется, вы же мой компаньон. Да вы не беспокойтесь, считайте, я уже выхлопотал для вас командование над всей Семнадцатой флотилией.

— Что!?

— Вы напоминаете чем-то сэра Гелфорса Рода, — улыбнулся Хауэлл, — не о чем волноваться, жизнь налаживается! Эта история поможет нам укрепить влияние. Король пусть думает, что Фрэнсис Эвери настоящий дьявол с огромной пиратской командой. Когда мы поймаем его, вас ждут адмиральские погоны, уж будьте уверены.

— Адмиральские!? — ахнул Дайтоб, — а вас что будет ждать

в таком случае?

— А у меня свои планы, — ответил Хауэлл, — но вы не отвлекайтесь, а пишите отчет.

— Сию минуту.

Дайтоб пыхтел, сопел, перо носилось по бумаге, но минут через десять доклад отправился в мусорную корзину.

— В чем дело? — поинтересовался Хауэлл.

— Ну, — замялся Дайтоб, — прежде я никогда не писал ложные отчеты.

— Как же вы дослужились до капитан-командора? — удивился канцлер, — ну хорошо, тогда пишите под диктовку.

Дайтоб взял новый листок, тщательно помакал перо в чернила. Хауэлл предупредил, чтобы он писал красивее.

— Ваше Королевское Величество, — продиктовал канцлер.

— Ва… ше… ко… ро… — засопел Дайтоб.

— Нижайше прошу ознакомиться с отчетом о штурме форта Бланкальер, состоявшимся восьмого дня девятого месяца.

— Помедленнее! — запротестовал Дайтоб, — я только успел написать «ваше королевское».

— Что за беда с вами! — воскликнул Хауэлл.

Спустя час в конверт из толстой желтой бумаги легло два отчета и пять портретов, написанных масляными красками. Конверт запечатали двумя оттисками по воску, и отложили в сторону.

— Отправим, как только окажемся на материке, — Хауэлл вздохнул, — что-то я притомился.

Как только конверт оказался запечатан, а план действий составлен, Дайтоб отпустил четыре корабля-охранника форта в Принстон. Не желая более сидеть без дела, компаньоны решили отплывать немедленно. Хауэлл поинтересовался относительно времени пути до материка, и Дайтоб сказал, что это займет около пяти дней.

Подняли паруса, попутный ветер расправил их, и каравелла пошла по волнам. Как только остров Бланк скрылся из виду, Дайтоб почувствовал себя увереннее и спокойнее, надеясь больше никогда сюда не вернуться.

«Это место приносит неудачи», — подумал он, стоя на носу корабля в полумраке приближающейся ночи, и с наслаждением ощущая легкий бриз, играющий в парусах.

В этот самый момент лодка пиратской команды Фрэнсиса Эвери шла по курсу, противоположному маршруту каравеллы Дайтоба. Весла отбросили, и только благодаря заштопанному

старому парусу продолжалось движение по волнам.

— Умираю с голода, — пожаловалась Роберта.

Оливье жалостливо промычал в ответ.

— А я привык, — сказал Грэм, — в тюрьме ужасно кормили.

— Хоть как-то, но кормили. А вот наш капитан совсем не заботится о пропитании команды, — проговорил Дин.

— Доберемся до суши — поедим, — ответил Фрэнсис.

— Как же мы доберемся, если ты не знаешь, куда плыть?

— Откуда мне знать! Я капитан, а не штурман!

— Об этом нужно было думать до того, как отправляться в море, — усталым голосом сказала Роберта, — кто виноват, что в команде нет штурмана?

— Ничего страшного, — сказал Фрэнсис, — можно и потерпеть немного без еды.

— Немного! — возмутился Дин, — ты, может, и не человек вовсе, а нам есть хочется!

— Не думал я, — проговорил Оливье, — что умру так быстро.

— Ну, хватит вам! Крепитесь! Я, к примеру, вообще есть не хочу.

— Ты монстр, — гордо проговорил Дин, — позавчера не мог пошевелиться, а теперь, без еды и отдыха, целый день под палящим солнцем, чувствуешь себя лучше всех!

— Твой амулет помогает, — пожал плечами Фрэнсис.

Дин слабо улыбнулся.

— Смотрите, звезды появились, — проговорила Роберта.

Все взглянули в небо.

— И правда.

— Я думаю, все будет в порядке, — в наступившей тишине сказал Фрэнсис, — давайте поспим. С утра что-нибудь придумаем.

— Трудно уснуть, когда ноет в животе, — сказал Грэм, — но так будет разумнее всего. Не стоит тратить силы.

— А если начнется шторм? Мы тут же потонем, — сказал Оливье, — вы об этом подумали?

— Небо чистое, никакого шторма быть не может! — нетерпеливо отозвался Фрэнсис, — что вы за команда такая. Еще ничего не произошло, а вы уже паникуете!

— Когда мы умрем, будет уже поздно паниковать, — поежилась Роберта.

— Лучше поздно, чем никогда, — угрюмо вставил Оливье.

Лодку несло по безбрежному морю, а команда потихоньку уснула, оставляя себя на милость судьбы и попечение ветра. Куда он пожелает их доставить, там они и окажутся. Звезды мерцали в высоте, вода плескалась о борта, а над головой скрипела мачта…

Часть 2. Алхимики Порт-Стена

Глава 14. Абордаж

Над морем поднималось солнце. Стоял полный штиль, и лодка со спящими пиратами покоилась на воде.

— Капитан! По левому борту! — вдруг завопил Оливье. Фрэнсис подскочил от неожиданности, да и все остальные проснулись от крика. Дин протер глаза:

— Корабль.

— Спасены! — воскликнула Роберта.

— Присмотритесь лучше — черный флаг. Это пираты!

— Грэм, — Фрэнсис разминал затекшую шею.

— Слушаю, капитан.

— Что ты можешь сказать об этом корабле?

— Флейт, двенадцать пушек. Отсюда плохо видно, но, думаю, судно в отличном состоянии. На борту как минимум шестьдесят пиратов.

— Такой корабль нам подойдет? — спросил Фрэнсис.

— Вполне, для пиратства сгодится, хотя это скорее торговое судно.

— Фрэнсис, ты что задумал!? — испугалась Роберта.

— Идем на абордаж.

Дин вскочил на ноги, лодка закачалась.

— Ты совсем сдурел!? Тебе ясно сказали, на борту более шестидесяти человек!

— А я падаю с голода. Как мы будем сражаться? — ужаснулась Роберта.

— Да мы и не будем сражаться, — сказал Оливье, — они дадут залп и потопят нас, вот и все.

— Слушать мой приказ! — рассердился Фрэнсис. — Всем готовиться к бою! Мы заберем этот флейт себе в качестве трофея. Раз уж вам так хочется есть, то подумайте, что трюмы ломятся от провианта.

На корабле их уже заметили. По верхней палубе забегали матросы. Грэм и Дин налегли на весла, и спустя дюжину минут лодка ударилась о борт судна. Фрэнсис с командой, не промолвив и слова, взлезли по сброшенному штормтрапу. На палубе столпились пираты, ядовито посмеиваясь и демонстрируя оружие: зазубренные ятаганы с запекшейся кровью, черные стилеты, изогнутые кинжалы, кортики с облупившейся позолотой. Вперед вышла мощная женщина в длинных мешковатых одеждах, с грубыми чертами лица, переломанным в нескольких местах носом, и злыми глазами.

— Пощады не будет, — хладнокровно сказал она вместо

приветствия.

Команду Фрэнсиса окружили десятки пиратов, поднимая пистолеты.

— Положим, пощада нам не нужна. Ты капитан этого корабля? — спросил Фрэнсис.

Женщина скривила губы, показывая тем самым, что ей противно говорить с ним, но все-таки ответила:

— Я капитан. Это пиратская шайка Черной вдовы. Теперь говори ты, и считай это единственным шансом остаться в живых. Если кто-то из вас окажется важной шишкой — оставим для выкупа.

— Меня зовут Фрэнсис Эвери. А это моя пиратская команда. С этого момента ваш корабль переходит в мое распоряжение.

Головорезы расхохотались, на палубе поднялся жуткий гомон.

— Заткнулись! — рявкнула Черная вдова, и смех тут же затих. — Пошутить решил со мной?

Лицо Фрэнсиса будто окаменело, он весь напрягся. Роберта нахмурилась, крепко сжав рапиру. Грэм стоял рядом, пальцы обхватили древко топора, который он прихватил с собой из оружейной комнаты Оливье. Сам старый пират стоял, гордо подняв голову и поигрывая пистолетом. Только Дин был безоружен, он опустил глаза, и шептал что-то себе под нос.

— Можете сдаться без боя, — предложил Фрэнсис, — отпущу вас с миром.

Черная вдова отвернулась, и через плечо бросила:

— Повесить на рее. Девку — мне.

Толпа головорезов со звериным ревом бросилась на них. Фрэнсис метнулся вперед. Раздались выстрелы. Свинцовый рой встретился с каменной кожей капитана и бессильно рассыпался по палубе десятками пуль. Дин произнес заклинание, пуская вокруг себя полупрозрачную магическую волну — нападающих разметало по сторонам, несколько человек вылетело за борт.

— Колдун! — завизжала Черная вдова, — убейте его!

— В атаку! — заорал Фрэнсис.

У первого попавшегося пирата он вырвал из рук саблю, и ей же располосовал бывшего владельца. Дин, обессилев, то ли от заклинания, то ли от голода, пошатнулся и упал на колени. А вот разбойники, которых раскидало по сторонам, живо поднимались на ноги. Пираты бросились на Дина, но перед ними возникла Роберта, взмахнув рапирой. Острие нашло первую жертву, брызнула кровь, и тело убитого рухнуло на палубу. К Роберте бросилось сразу трое. Она вскрыла глотку одного из них, отбила еще два удара. Жирный пират прошмыгнул сбоку, и оказался

очень близко к Роберте, та занесла рапиру для удара, но пират оказался быстрее и ударил кулаком по лицу. Она упала, покатилась по доскам. Другой пират в ярости ударил сапогом в бок. Роберта вскрикнула, корчась от боли. Глаза, сквозь пелену выступивших слез, уловили два коротких взмаха топором, и два трупа упали перед ней. Грэм, не задерживаясь, с грозным рыком бросился дальше. Топор мелькал в толпе, быстрые и точные удары закаленного в боях пирата обрушивались на противников.

В гуще врагов рубился Фрэнсис. Он получил уже с десяток ударов, которые были бы смертельными для любого человека, а на нем оставались лишь царапины. Зато сабля его не встречала преград, вновь и вновь находя жертву. Окровавленные тела падали на палубу.

— Это нелюди! — крикнул кто-то, бросаясь за борт. В стане врага нарастала паника.

У Дина кружилась голова. Он заметил избитую Роберту, из последних сил поднимающуюся на ноги. Ее дрожащие руки нащупали эфес рапиры, из брови хлестала кровь, застилая глаза.

Роберта сквозь пелену видела, что на нее бросается пират с огромной булавой. В последний момент она подставила под удар рапиру, но бесполезно — булава угодила пиратке прямо по лицу. И хотя часть силы была погашена, удар оказался очень мощным. Стальные шипы раздробили нос, порвали щеку, повредили скулы и выбили зубы. Роберта упала без сознания. Дин в ярости выкрикнул заклинание, и с пальцев его сорвалась молния. Пират с булавой сгорел заживо, так же как и десяток других, оказавшихся рядом.

Грэм в этот момент отчаянно рубился у бизань-мачты, уперевшись в нее спиной. Его окружили враги, по правой руке струилась кровь, но бой продолжался.

Фрэнсис, поглощенный битвой, не видел ничего вокруг, он выбирал себе следующую жертву, и бросался вперед. Пощады от него ждать не приходилось, сила была нечеловеческой, и еще никто не смог уйти от его сабли. Пираты поддались панике, бросаясь от него врассыпную, кое-кто, не дожидаясь погибели, прыгал за борт.

Фрэнсис вдруг остановился. Казалось, ничего не произошло, но его будто пронзило насквозь, и он замер на месте. В голове застучали молотки, в глазах потемнело. Его настигла жуткая слабость. Не в силах более стоять, Фрэнсис присел на колени, а потом плавно лег, обхватив голову руками. Пираты в недоумении остановились.

Воспользовавшись затишьем, Оливье прицелился и выстрелил в Черную вдову. Пуля угодила в ногу, пиратка вскрикнула, и

припала на одно колено. Оливье тут же очутился рядом, размахивая кортиком. Он выбил саблю из ее рук, тем самым вынудив сдаться.

— Бой окончен! — гаркнул он, — если вам дорога жизнь, то сдавайтесь! Ваш капитан повержен!

Фрэнсис лежал в полуобмороке, свернувшись в три погибели. Никогда прежде он не чувствовал такой слабости. Рядом с искалеченной Робертой сидел Дин, не в силах подняться. Грэм, прижавшись к мачте и тяжело дыша, продолжал отбивать атаки, но был наглухо окружен пиратами. И только Оливье стоял посреди побоища, приставив кортик к шее Черной вдовы. Кровь хлестала из ее ноги, но пиратка не смела пошевелиться, чувствуя холодное железо у глотки. Оливье объявил победу, но победой и не пахло. Пиратов Черной вдовы оставалось около трех десятков, и против них был один Оливье. Кто-то крикнул: «В атаку!» И все рванули вперед, добивать врагов, которые сражаться более не могли.

На ноги поднялся Дин. С уст его сорвалось заклятие, темная аура окутала пирата со всех сторон, и рассеялась в тот же миг от порыва ветра. На неприятном для слуха наречии колдун выкрикнул магические слова, с рук его слетели молнии, белыми вспышками испепеляя врагов.

— Сложить оружие! — кричал Оливье, заглушая вопли умирающих, — сдавайтесь, если жизнь дорога!

— Приказываю сложить оружие! — выкрикнула Черная вдова, — колдуна не победить!

Пираты в ужасе бросали сабли, кидая испуганные взгляды то на обгоревшие трупы товарищей, то на колдуна, который еле стоял на ногах, но снова что-то шептал.

— Мы сдаемся! — поддавшись панике, завопил окровавленный пират, выпуская из рук стилет. В смятении его соратники побросали оружие на палубу.

Грэм, недоверчиво подглядывая на лежащие под ногами сабли, растолкал окруживших его пиратов и бросился к Роберте. Вид ее порванного лица, заставил кровь застыть в жилах. У него задергался глаз, рука снова нащупала топор, Грэм тяжело поднялся, взглядом зверя озираясь на окружающих.

— Мы сдаемся! — снова крикнула Черная вдова, вид обезумевшего Грэма приводил ее в ужас.

В этот момент он почувствовал, что рука Роберты коснулась его штанины. Он отбросил топор и присел к ней. Она что-то шепнула, но Грэм не расслышал. Он поднес ухо прямо к ее изувеченному рту, в котором не хватало половины зубов, из порванных десен лилась кровь, а губы было не различить.

— Не надо, — слабо произнесла она, — пусть идут.

Грэм сидел над ней, позабыв про мир вокруг, все мысли и чувства умерли в голове. В полной отрешенности невидящими глазами он уставился куда-то вверх.

— Пускай он перестанет заклинать! — заверещала Черная вдова, — старик, скажи колдуну, что мы больше не сражаемся!

Но Оливье ее не слушал, он бросился к Фрэнсису. Тот пытался присесть, но у него не получалось.

— Ты ранен?! — воскликнул Оливье, схватив его за плечо.

Фрэнсис пальцем поманил его ближе. Оливье подставил ухо, и тот шепнул:

— Пусть убираются. Никого не убивать.

Оливье встал во весь рост:

— Приказ капитана! Вы можете проваливать! Фрэнсис Эвери дарует вам жизнь. Садитесь на шлюпки и уплывайте! Корабль со всем содержимым мы забираем в качестве трофея.

Пираты бросились к лодкам, с опаской оглядываясь на колдуна, который все так же стоял на месте, согнувшись в неестественной позе. Губы его более не двигались, он застыл, будто умер. Шлюпки спустили на воду, в них разместились остатки команды Черной вдовы. Они отчалили, прощаясь с флейтом, и каждую секунду ожидая пушечного залпа вдогонку. Но выстрелов не было, и только весла шлепали по воде.

Дин рухнул на палубу. Фрэнсис лежал, не шевелясь, Грэм сидел без движения, а Роберта истекала кровь. Вконец ошалевший Оливье не знал, что делать. Запаниковав, он носился кругами. После того, как он поглядел на Роберту, его начала бить дрожь, он понимал, что если сейчас ей не обработать раны, то она может на всю жизнь остаться с изувеченным лицом.

— Стойте! — крикнул Оливье вдогонку пиратам Черной вдовы, пока те не отплыли слишком далеко. — Нужен врач!

Гребцы подняли весла.

— Мы сражались честно, а теперь я прошу о помощи! Я умоляю! — дрожащим голосом кричал Оливье, кидая на них бешеные взгляды, — если среди вас есть врач, то я прошу о помощи!

Шлюпки покачивались на воде, весла повисли в воздухе.

— Я заплачу! Ну же! За помощь обещаю треть от всего, что есть в трюмах!

В одной из лодок поднялся курносый пират с глубоко посаженными глазами, и под осуждающие взгляды остальных прыгнул в воду. Оливье бросил ему канат, и тот быстро поднялся на борт. Оттуда он помахал своим:

— Простите, но я покидаю команду.

— Скорее, — нервно проговорил Оливье.

Пираты не сказали ни слова, весла упали в воду, и шлюпки продолжили движение.

— Я умоляю, помоги им!

— Спокойно, папаша! Все будет в лучшем виде.

— Господин доктор…

— Зови меня Пьер.

— Очень надеюсь на вас, — промямлил Оливье.

— Какие-то вы беспомощные, — первым делом Пьер подошел к Грэму.

Тот все так же сидел на месте, и не подавал признаков жизни. Доктор осмотрел его со всех сторон, а потом отвесил звонкую пощечину. В глаза Грэма вернулась понимание, он вздрогнул.

— Эй, бугай! Будешь тут сидеть, или поможешь мне? Смотри, девчонка истекает кровью, тебе ее совсем мне жалко?

Грэм резко встал, Пьер рванул назад, но поздно, на шее мертвой хваткой сомкнулись пальцы великана.

— Пусти его, пусти! — завопил Оливье, — пусти его!

Грэм ослабил хватку и Пьер вырвался.

— За такую грубость, — прокашлялся Пьер, — я потребую за работу половину того, что есть в трюмах.

— Хорошо, хорошо! — крикнул Оливье, — половину, так половину, только скорее!

— Что ж, приступим. Бугай, слушай меня. Сейчас ты берешь всех, кто остался жив, и несешь вниз. Знаешь что, тащи в трюм, я привык там работать. Только аккуратно, смотри, не убей их по дороге. Девчонка совсем плоха.

Грэм послушно поднял Роберту и понес вниз. Доктор тем временем удалился за инвентарем. Оливье оставался на верхней палубе, пока Грэм не перенес всех, и с последним заходом спустился вместе с ним в грязный трюм. Там уже был Пьер, аккуратно раскладывающий инструменты, среди которых оказалась пила, подозрительно напоминающая плотницкую.

Пьер обошел пациентов. Сначала оглядел Дина.

— Колдунов никогда не лечил, но вроде все нормально. Наверное, магия его добила. Бугай, отнеси его в каюту, поспит и очухается. Старик, раздобудь ром.

Следующим Пьер осмотрел Фрэнсиса, уважительно кивая:

— Здоров мужик, дважды меня чуть не убил, но сгубила его магия, — доктор провел пальцами по царапинам на теле. — Смотри, бугай, это я ему полоснул саблей. Ну, здоров! Его тоже тащи в каюту, если магия отпустит, будет жив. А потом беги на камбуз и найди там воду.

Оливье вернулся с четырьмя бутылками рома. Пьер

раскупорил одну из них, и хорошенько приложился.

— Ты тоже выпей, старик, — сказал он, — сейчас будем возвращать девчонку в наш мир.

Пьер склонился над Робертой, разглядывая ее лицо.

— А ну, кыш! — крикнул он крысе, пробежавшей мимо, а потом обратился к Оливье, — старик, она раньше красивой была?

— Да, — дрожащим голосом сказал тот.

— Жалко, — вздохнул Пьер, — была бы уродина, вроде бы и не велика потеря, да?

Зашел Грэм, неся перед собой целую бочку воды.

— Ставь сюда, бугай. Открой. Полей мне, — Пьер обмыл руки, — работа требует чистоты, хотя мало кто это понимает.

Он взял кусок марли, помакал в воде. Оливье сглотнул, внимательно наблюдая, а Пьер принялся смывать грязь и кровь с лица Роберты. Она пребывала в беспамятстве и не реагировала на боль. Куски мяса и кожи грязным месивом оказывались на полу, а Пьер макал в воду все новые куски марли. Понемногу лицо Роберты очищалось, открывая страшную картину. Хоть как-то восстановить прежнюю красоту было невозможно. Врач глотнул еще рома, и, вздохнув, принялся обматывать голову девушки. Потом бегло осмотрел остальное тело, и сказал, что все будет в порядке.

— Что же дальше? — спросил Оливье.

— Отнесите в каюту, пусть спит. Жива будет, так что ничего страшного. Завтра я осмотрю всех еще раз, а пока, я надеюсь, вы позволите мне удалиться и немного поспать. Хотя сейчас и утро, я жутко вымотался.

Глава 15. Черное колдовство

Вечером проснулся Фрэнсис, но с койки подняться не сумел, поэтому Оливье принес ему солонину и грог. Капитан пожевал кусочек, бутылка уменьшилась лишь на глоток, и сон вновь окутал капитана. В это время Грэм сидел на носу корабля, рядом с десятками трупов, которые так никто и не убрал. А Пьер заселился в капитанскую каюту, и пьянствовал там всю ночь.

Дин выглядел бодро, он объяснил, что перенапрягся с заклятиями, а теперь отдохнул и полностью здоров. Вместе с Пьером он направился к Роберте. Она бредила, сознание было мутным, сказать ничего не могла и никого не узнавала. Врач снял с лица повязку, и Дина будто пронзило молнией.

— В море всякое случается, — проговорил Пьер, макая в воду кусок марли, — бывает и не такое.

Он вновь обработал страшные раны, и на лицо Роберты лег сухой компресс.

После этого Пьер и Дин пошли к Фрэнсису. Тот проснулся, но лежал на койке и не мог ни встать, ни пошевелиться. Физических повреждений у него не было, а потому судовой врач оказался бесполезен. Пьер удалился, а Дин остался вместе с Фрэнсисом.

— Твой эликсир, — слабо прошептал Фрэнсис, — больше не действует.

Дин безмолвствовал.

— Ты сделаешь еще?

— Я не знаю, — ответил Дин, — надо понять, что произошло.

— Хорошо, забудь об этом на время. Сделай вот что: пригласи сюда Оливье, Грэма, Роберту и того врача. И принеси все навигационные карты, что найдешь.

— Роберта не сможет прийти.

— Что с ней? — проговорил Фрэнсис, закрывая глаза. Голова трещала, мышцы болели, а кости ныли, говорить очень было трудно.

— Она пострадала в битве, — проговорил Дин, смотря в пол, — ей повредили лицо.

— Потом, — прошептал Фрэнсис, — все потом. Зови Оливье, Грэма и врача.

Дин вышел, и вскоре с ним вернулся Оливье с картами в руках, мрачный Грэv и недовольный Пьер с бутылью рома.

— Тишина, — попросил Дин, — капитан будет говорить негромко.

— Спасибо, — шепнул Фрэнсис. — Разложите карты. Врач, покажи, где мы сейчас находимся.

Пьер нехотя ткнул пальцем.

— Далеко до суши? — спросил Фрэнсис.

Пьер пожал плечами:

— Смотря, куда надо.

— Рядом три острова, — разглядывая карту, сказал Оливье.

— Если не хотите на виселицу, — перебил Пьер, — то идти надо только к Порт-Стену, это пиратский остров, и законы короля там не действуют. Два других — правительственные.

Набрав воздух, Фрэнсис прошептал:

— Как далеко?

Оливье посмотрел на карту.

— Я полагаю, семьдесят миль, — сказал он.

— Все выйдите, кроме Дина, — из последних сил шепнул Фрэнсис.

Вскоре в каюте остались только капитан и демонолог. Дин напрягся в ожидании.

— Теперь слушай. Нужно попасть в Порт-Стен. Есть корабль, но нет команды. Если можешь применить колдовство, то приказываю сделать это.

— Сложно, — пробормотал Дин, просчитывая в голове варианты.

— Назначаю тебя судовым демонологом. Теперь постарайся привести корабль в Порт-Стен. А теперь я буду спать, ничто не променяю на сон…

Дин задумался, а потом резко сорвался с места, покинув каюту. Наверху Грэм выкидывал за борт тела убитых, Оливье начал драить палубу.

— Стойте! — крикнул Дин. — Ничего не трожь! Положи обратно!

Грэм удивился, но послушно опустил труп, который собирался бросить в море.

— Пьер, Пьер! — заорал Дин, — где он!?

Демонолог кинулся разыскивать Пьера, а Оливье и Грэм переглянулись. Спустя минуту Дин привел с собой врача, и тот, внимательно всматриваясь, разглядывал трупы.

— Тебе повезло, — сказал он, наконец, — вот он.

— Хвала богам, — выдохнул Дин.

— Что происходит? — нахмурился Оливье.

— Это штурвальный, — ответил Пьер, — вы убили его.

— К чему нам мертвый штурвальный? — спросил Грэм.

Пьер пожал плечами:

— У него спросите, — он кивнул на Дина.

— Нужно сварить сердце штурвального в морской воде, смешанной с кровью альбатроса, — сказал тот.

— Сердце? — удивился Пьер, — колдовство?

— Именно.

— Будет заклятие?

— Верно.

— Всегда хотел посмотреть. Позови, когда начнешь, — Пьер глотнул рома, и пошел вниз.

Дин взял ведро с веревкой и бросил за борт, раздался плеск. Демонолог черпнул воды и потянул обратно.

— Поскорее подстрелите альбатроса, — сказал он, доставая нож, — я подготовлю сердце.

Оливье сплюнул.

— Ты не сказал, что должно получиться, — напомнил Грэм.

— Я вызову попутный ветер, и проведу судно по курсу. Ничто на свете не может знать морских путей лучше, чем сердце штурвального и кровь птицы, которая всегда реет над водой.

— Неужели возможно вести корабль с помощью магии? — поразился Грэм, — никогда о таком не слышал!

— Так делают иногда, — сказал Дин, — но дешевле нанять команду. Услуги колдуна стоят намного больше.

С этими словами Дин всадил нож штурвальному в грудь. Оливье отвернулся, заряжая пистолет, а Грэм внимательно следил за происходящим, подойдя поближе. Острый нож сделал четыре глубоких пореза, Дин руками разорвал грудную клетку, и лезвием вырезал сердце. Закапала кровь, пачкая одежду.

— Грэм, — странным голосом проговорил демонолог, — теперь можешь убрать все трупы.

Дин удалился на камбуз, не позабыв прихватить ведро с морской водой, в которой предстояло варить сердце.

Грэм выкинул трупы за борт, и присоединился к охоте на птиц. Он зарядил мушкет, и присел на палубу, выжидая жертву.

— Ты знаешь легенду о человеке, который однажды убил альбатроса? — спросил Грэм.

— Не слышал, — отозвался Оливье, присаживаясь рядом.

— Однажды пиратскую команду посреди моря настиг штиль, — проговорил Грэм, — они ждали день за днем, запасы провизии заканчивались, но ветра не было. И вот однажды на бушприт сел альбатрос. Сначала моряки не обратили на него внимания, но вскоре подул ветер. Он расправил паруса, и корабль, наконец, продолжил путешествие. Многие посчитали, что птица принесла им спасение, но другие считали, что в ней воплощен сам дьявол, и ее следует убить. Команда разделилась, споря об этом, пока неожиданно один из матросов не схватился за лук и не выпустил стрелу в птицу. Он пронзил ее насквозь, и она замертво упала в море. Моряки испугались, что из-за этого

стихнет ветер, но ничего не произошло. Корабль продолжал идти на всех парах, и скоро они должны были достигнуть земли. Но спустя несколько дней всю команду настигла страшная болезнь. Каждый час умирало по несколько человек, и скоро вся палуба оказалась завалена трупами, а в живых остался только убивший альбатроса. Он в отчаянии смотрел на умирающих, понимая, что совершил страшное преступление, выстрелив в эту птицу. Он попытался убить себя, но не вышло.

— Что же с ним стало? — спросил Оливье.

— Он был проклят на вечную жизнь и вечные скитания. Вскоре он сошел на берег, оставив заваленный трупами корабль, и с тех пор постоянно странствует по земле, и нигде не может найти успокоения. Он ходит из поселения в поселение только для того, что бы рассказать свою историю.

— Только для этого?

— Говорят, что да, — сказал Грэм.

— Ты прав.

Оливье и Грэм обернулись, и увидели, что за ними стоит Дин.

— Извините, что просил убить альбатроса. Это действительно плохая примета. Я сам это сделаю, моя душа демонолога и так уже не станет прежней.

— Вот она, птица! — вскочил Оливье, прицеливаясь.

— Я сам! — Дин схватил его за руку, и отвел пистолет в сторону. Потом шепнул под нос заклятие, и птицу будто пришибло молотом, она свалилась с реи на палубу. Дин подошел к альбатросу, и Грэму показалось, что он поднял ее нежно, что было странно для человека, только что оборвавшего ей жизнь.

— Я отправлюсь готовить зелье, — сказал Дин, — готовьте корабль к плаванью! Поднимайте паруса!

Дин вошел на камбуз, налил в кастрюлю морской воды из ведра. Лезвие ножа распороло тушку птицы, кровь струйкой потекла вниз. Следом он бросил сердце, под кастрюлей весело заиграл огонь. Дин помешал ингредиенты, нашептывая заклинание. Прошло немало времени, пока он не решил, что колдовское зелье сварилось, и зачерпнул его кружкой. На камбуз зашел Пьер.

— Будь другом, вылей за борт, — Дин кивнул на кастрюлю.

— Я вообще-то зашел за ромом, — нахмурился тот, — ладно уж, давай. Жутко хочется посмотреть на заклятие.

Они поднялись на верхнюю палубу. Дин с кружкой внимательно рассматривал карту, а Пьер в это время выплеснул из кастрюли за борт. Грэм и Оливье поднимали паруса.

— Начнем! — крикнул Дин, влезая на марсовую площадку.

— Готовы! — крикнули ему в ответ.

Ветра не было, и паруса в этот момент были бесполезны. Стоя на площадке и держась одной рукой за мачту, Дин сделал глоток, и зелье потекло по горлу.

Дин откашлялся и, сверившись с компасом, принялся читать заклинание, то срываясь на крик, то мелодично напевая. Задрав головы, пираты с интересом наблюдали за ним. Демонолог замолчал, и сильный порыв ветра налетел на корабль, расправляя паруса. Удивлению Пьера не было предела, он бегал от борта к борту и оглядывался по сторонам. Флейт разогнался и теперь шел на всех парах, разрезая волны.

— Никогда такого не видел! — воскликнул Пьер.

Дин стоял, не шевелясь и глядя вперед по курсу. Пираты думали, что он спустится вниз, но демонолог продолжал стоять на марсовой площадке, и ветер трепал его волосы. Пираты подождали десять минут, потом еще столько же, наконец, Грэм не выдержал и полез к нему. По глазам Дина стало понятно, что сознание его отсутствует, а точнее, пребывает где-то в другом месте. Грэм не стал его трогать и спустился вниз. Пираты посовещались, и решили, что раз он не давал никаких указаний, то и делать ничего не надо. Они подумали, что пришло время поесть, и отправились на камбуз. Вид крови и мертвого альбатроса, которая так и осталась лежать на столе, и вокруг которой бегали крысы, отбил им аппетит, поэтому они взяли по бутылке рома и поднялись обратно, наблюдать за демонологом. Взошла луна, а Дин все направлял движение ветра, вызванного магией.

И закончилась ночь, с первыми лучами солнца впереди показалась земля, а Дин все еще продолжал колдовство. И только когда они вошли в бухту Порт-Стена, он остановил заклинание, и чуть было не рухнул вниз, сумев в последний момент сохранить равновесие. Ветер в одно мгновение стих. Грэм спустил Дина вниз, тот еле передвигал ноги, и блаженно упал на койку, оказавшись в каюте. Оливье, Грэм и Пьер убрали паруса, и корабль замер на воде, в какой-то полумиле от острова. Теперь оставалось лишь драить палубу и ждать приказа капитана.

Глава 16. Лавка алхимика

Поговаривают, будто слухи распространяются быстрее ветра. Так, до пиратского острова Порт-Стен уже долетели новости о произошедшем в форте Бланкальер. О Фрэнсисе Эвери заговорили с почтением и одобрением. На улицах, в кабаках и кают-компаниях рассуждали о его огромной команде: одни упоминали цифру в тысячу человек, другие в две, а самые завравшиеся шептали о флотилии из пятидесяти кораблей. Чуть позже прилетела новая весть: команда Черной вдовы потерпела сокрушительное поражение от Фрэнсиса Эвери. Нельзя было сказать, что Черная вдова славилась сильной командой, но уважение было на ее стороне. Во-первых, женщина-капитан всегда привлекает внимание, а во-вторых, она сумела наладить регулярные поставки контрабанды с материка.

Утром пятнадцатого дня девятого месяца выяснилось, что корабль Фрэнсиса Эвери, отбитый у Черной вдовы, стоит в бухте Порт-Стена. Среди пиратов только и было разговоров, что о человеке, посмевшим атаковать форт Бланкальер, тем самым подписав себе смертный приговор. Говорили, что он ничего не боится, потому что ему уже нечего терять. Он жесток, беспощаден и жаждет крови.

К полудню флейт Фрэнсиса Эвери причалил в порт. С него сошли четыре человека и затерялись в толпе. Казалось, на корабле никого не было и можно было забирать без боя. Но пираты знали, что это лишь приманка — не может такой капитан оставить судно без присмотра. Кроме того, ходили слухи, что на борту находятся несколько колдунов, сила которых несравненно выше королевских. Поговаривали о Дине Лайлойде, широко известном в чрезвычайно узких кругах. Ближе к вечеру дошел слух, что из форта Бланкальер был освобожден никто иной как Грэм Блэксмит, известный в прошлом пират, лишь чудом не окончивший капитанскую карьеру на виселице. Теперь же он присягнул на верность Фрэнсису Эвери, и сказал, что пойдет за ним хоть на морское дно. Ажиотаж нарастал: открылась пикантная подробность — якобы в команде Эвери так же находится Роберта, бывшая любовница Грэма Блэксмита, которая бросила его в тот самый момент, когда их загнали в тупик правительственные войска. Пока не было ясно, как они теперь уживаются. Кое-кто поговаривал, что они примирились, но большинство утверждало, что Грэм ее люто ненавидит, но терпит из-за Фрэнсиса, хотя и обещает при первой возможности пустить пулю в спину. Разговоров об этом было немало, но любой из них

заканчивался рассуждениями о темной лошадке, пирате, до сих пор не показавшим своей истинной сущности. Некто Оливье Шарм так же состоял в команде Эвери. О нем мало что было известно, кроме той подробности, что кровожаднее него на свете никого нет и быть не может. Его жестокость заставляет кровь стыть в жилах, к тому же поговаривали, что лучшего канонира не найти, и если вы собираетесь покорить море, то без Оливье Шарма у вас нет ни единого шанса. Более никаких подробностей об этой команде не было, все прочее называлось домыслами и байками.

К вечеру на борт ступили первые любопытные. Вместе с Пьером, которому было поручено продать все, что есть на корабле, и половину забрать себе, в трюм вошли скупщики краденого. Черная вдова везла на продажу десятки мешков с пряностями, в большинстве своем гвоздику. Контрабандисты оценили товар в полторы тысячи золотых крон, но Пьер отчаянно торговался, и они сошлись на трех с половиной. Трюм опустел, и в городские слухи добавились новые факты. Оказалось, что на судне действительно никого нет, но якобы установлено сторожевое заклинание, которое испепелит любого, кто посмеет проникнуть на корабль, а если и не испепелит то, по крайней мере, проклянет до третьего колена. И хотя пираты на долгую жизнь не рассчитывали, но умирать так глупо не собирались — куда лучше во время абордажа получить саблей в грудь.

Пьер отсчитал Фрэнсису, который уже мог сидеть на койке, тысячу семьсот монет, рассказал о городских слухах, и пожелал удачи. Врач сошел с корабля со своей долей и скрылся в закоулках Порт-Стена.

Дверь распахнулась, и Дин Лайлойд вошел в алхимическую лавку своего старого приятеля Ян Ван Ремма. В помещении витал аромат бесчисленных ингредиентов: порошков, трав, минералов и настоек. За прилавком стояла молоденькая девушка с короткими каштановыми волосами и любопытными глазами. Дин попросил ее позвать хозяина. Она сказала, что господин Ремм занят и просил не беспокоить. Тогда демонолог попросил передать, что к нему пришел Дин Лайлойд, и пообещал, что подарит ей золотое колечко с изумрудом, если господин Ремм не пожелает видеть гостя. Девушка удивилась и пошла наверх. Спустя минуту к Дину выбежал толстяк с добрыми глазами, Ян Ван Ремм, исследователь мироздания, как он себя называл.

— Дин, дружище! — воскликнул он, тряся его за руку.

Тот улыбнулся:

— Давно тебя не видел. Но я по делу.

— Есть что рассказать? — глаза Яна сузились.

— Кое-что есть, но это потом. Сперва одно дело, и кроме тебя я не знаю на кого надеяться.

— Можешь на меня положиться! — заверил его Ян, — идем наверх, расскажешь все по порядку.

Они поднялись в кабинет алхимика, заваленного кипами бумаги и сотнями книг.

— Дочка! — крикнул Ян, — встань за прилавок!

— Дочка? — поразился Дин, — она же совсем маленькая была, когда я был тут в последний раз.

— Время летит, — отмахнулся Ян, — если бросишь сомнительные занятия, и спокойно займешься со мной исследованиями, то выдам ее за тебя!

— Звучит чертовски заманчиво, — проговорил Дин, присаживаясь.

— Ну же! Это ведь мечта любого изыскателя! От лавки идет хороший доход, у меня куча книг, тысячи ингредиентов, любое оборудование!

— Прости, Ян, но я сейчас ввязался в одно более чем сомнительное дело, как ты говоришь.

— Неужели правда, что говорят?!

— Смотря, что ты имеешь в виду…

— Ты стал пиратом!

— Да.

— Ты понапрасну тратишь свой талант, — всплеснул руками Ян, — когда я тебя встретил впервые, ты был куда старательнее! Такой маленький был, но сообразительный, а сейчас что!?

— Послушай, у меня есть две проблемы, и я надеюсь на помощь.

— Ты меня разочаровал, — покачал тот головой.

Дин прошелся по комнате, разглядывая книги, беспорядочно разваленные по полу.

— Могу поспорить, некоторые из них стоят целые состояния, — сказал Дин.

— Да что там! У меня есть и подлинники, единственные в мире экземпляры. Они бесценны!

Пират сел на стул:

— Дело такое. У нас в команде есть девушка, и в последней битве ее сильно изуродовали. Капитан приказал вернуть ей прежний вид, даже если придется вызвать всех демонов преисподней.

— Он не знает, о чем говорит! — воскликнул Ян.

— Конечно, не знает. Это оборот речи. Если б он видел, как мы с тобой призывали Аглосиса, то до конца жизни не посмел бы

произнести что-то подобное.

— Верно, верно, — закивал Ян.

— И второе. Я создал эликсир, вселяющий Белвела в человека.

Ян Ван Ремм раскрыл рот от удивления.

— Побочные эффекты? — пролепетал он.

— Запредельная сила, неуязвимое тело, колоссальная скорость регенерации.

Ян вытер со лба испарину.

— Не может быть, — прошептал он, — Панагам готовит этот эликсир уже лет пять, я готовлю его не меньше, а у тебя получилось! Как!?

— Ваша ошибка была в том…

— Стой! Не говори! — Ян вскочил и завесил тяжелые шторы, комната погрузилась в полумрак, — дочка! Бонни, иди сюда!

Через минуту девушка вошла в кабинет.

— Скорее, запри лавку! Никого не пускай, и следи, что бы нам никто не мешал. Постой! Познакомься с господином Дином Лайлойдом! Он величайший человек в мире!

Девушка удивленно распахнула глаза.

— Это преувеличение, — хмурясь, проговорил Дин.

— Меня зовут Бонни Ван Ремм, я помогаю отцу в лавке, — представилась девушка, — а вы чем занимаетесь?

— Я естествоиспытатель, — ответил Дин, — алхимик, колдун и демонолог на пиратском судне.

— На пиратском судне, — передразнил его Ян, — постыдился бы.

Дин сделал вид, что не заметил этого и продолжил:

— Очень рад познакомится с вами, Бонни.

— Я тоже очень рада, а вы правда пират?

— Пиратство привлекает вас больше, чем алхимия?

— Это в самом деле так, — проговорила Бонни.

— Какая глупость! — возмутился Ян, — ну все, ступай и закрой лавку!

Девушка удалилась, а Ян уставился на приятеля, ожидая подробностей.

— Ваша ошибка состояла в том, что вы пытались создать эликсир лишь средствами алхимии.

— А как же по-другому!?

— Алхимики не смотрят дальше своих колб, колдуны заучивают заклинания и последовательности, а демонологии зубрят классификации демонов. Я смотрю куда шире!

Ян почесал за ухом.

— И где же подопытный? Насколько велика его сила?

— Сила была велика… но демон вырвался наружу. Подопытный был на грани смерти, но сейчас поправляется.

— Понимаю. Пока не получилось. Будем разбираться, исследовать! Должно выйти. Расскажи мне рецепт, скорее!

— Нет, Ян. Сейчас мы должны заняться другим.

— Другим!? Как это другим? Что на свете может быть важнее такого исследования? Ты понимаешь, что сделал?! Ты заключил демона Белвела, заставил служить! Это невероятно, поразительно!

— Я понимаю. Но я теперь пират, и не могу не выполнять приказов капитана. Сначала займемся другим.

— Что еще? — проговорил разочарованный Ян Ван Ремм, блеск в его глазах пропал.

— Я говорил, у нас в команде есть девушка, и ей очень сильно повредили лицо. Теперь мы должны как-то помочь ей.

Ян Ван Ремм задумался:

— Сложно.

Дин кивнул в ответ:

— Спору нет.

— Мы с тобой не справимся, слишком специфично. Придется просить помощи Панагама, он настоящий гений относительно работы с человеческой кожей и костями, сухожилиями и связками.

— Ни за что! — Дин вскочил и принялся мерить комнату шагами, — я с ним не стану работать! Да и за какую цену он станет помогать!?

— Придется поделиться с ним относительно твоего открытия…

— Да ни за что! Пусть он великий алхимик, но мы соперники! Я не стану, — заявил Дин.

— Тогда забудем. В конце концов, руки-ноги у нее на месте, и ладно.

Дин обхватил голову руками, напряженно размышляя.

— Что же делать!? Я не брошу Роберту, но Панагам… старый черт, я бы не стал с ним делиться таким секретом!

— Как долго демон держался в подопытном?

— Меньше месяца.

— Дело сложное, Панагам поможет.

— Понимаю, но… я вовсе не уверен, что хочу довести это дело до конца… Я говорю о том, что после этого изобретения мир может перевернуться. И никто не предскажет, в какую сторону!

Ян задумался, доставая из шкафчика сигару.

— Хочешь? — предложил он.

— Не люблю сигары.

Ян раскурил, пуская к потолку колечки дыма, и заговорил:

— Возможно, ты и прав. Но как настоящего исследователя меня просто трясет о мысли, что я стою на пороге великого открытия. Эликсир все равно изобретут. Не мы, так королевские маги, но я хочу быть первым!

— Я тебя хорошо понимаю, — проговорил Дин.

Помолчали, размышляя о своем.

— Так звать Панагама? Намекну, о чем идет речь, и он прилетит сюда быстрее пули.

— Зови. Без него, видимо, никак.

— Не думай о нем плохо, он, может, и сварливый, но настоящий исследователь. Таких мало! Он все силы отдает алхимии, всю свою жизнь! — Ян достал бумаги, — я черкну ему письмецо.

Пират кивнул:

— Что нам понадобится? У команды есть деньги, и мы заплатим…

— Ты меня совсем не уважаешь! — воскликнул Ян, не отрываясь от писанины, — все, что есть в лавке, отдам бесплатно! Всего, чего нет, куплю на свои деньги!

— Спасибо, на тебя действительно можно положиться.

Ян отбросил перо, чернила заляпали и без того замызганную столешницу.

— Бонни, дочка! — крикнул он, запечатывая конверт, — иди же сюда!

Девушка вошла, осторожно прикрывая за собой дверь.

— Вот письмо! Считай, что это важнейшее письмо на свете! Важнее любых королевских указов и прочей дребедени! И я доверю его только тебе. Беги скорее на почтовый корабль и передай письмо, сделай одолжение.

Бонни взяла письмо.

— Важнейшее в мире? — засомневалась она.

— Верно, верно!

— Мы будем очень признательны за помощь, — сказал Дин.

Девушка улыбнулась и вышла, Дин посмотрел ей вслед.

— Пират клятый! — не выдержал Ян, когда дверь закрылась, — смотри же, выдам ее за кого-то поприличнее тебя, жалеть будешь!

— Я вроде не говорил ничего такого.

— Тьфу на тебя! — обиделся Ван Ремм.

Глава 17. Воля капитана Эвери

Фрэнсис поднялся с койки, его мутило, ноги дрожали, а голова кружилась. Он сделал шаг, потом еще один. Хотелось лечь обратно, но Фрэнсис влепил себе пощечину, чтобы взбодриться. Рядом валялись башмаки, он надел их, рука коснулась двери, и, пыхтя, он вышел из каюты. Вокруг бегали крысы.

— Свистать всех наверх! — сказал им Фрэнсис.

Одна крыса остановилась, внимательно посмотрела на него, и побежала дальше.

— Что за неуважение? — нахмурился Фрэнсис, — думаете, я больше не капитан? Да как бы не так!

Он поплелся дальше. Крысы разбегались прочь, и наблюдали за ним, покуда капитан не поднялся по трапу на верхнюю палубу. Там его встретило яркое солнце и теплый ветер. Поскрипывали снасти, перед Фрэнсисом раскинулся Порт-Стен: несуразные дома, яркие наряды, запах пряностей и пороха. Город, куда пираты возвращаются как домой, где сбывают награбленное и спускают выручку. Кроме пиратов здесь живут все, кто скрывается от правосудия и находится вне закона. И все благодаря лорду Мейнингу, в прошлом знаменитому пирату, а теперь самопровозглашенному губернатору Порт-Стена, человеку, который презирает королевские законы.

От былой силы Фрэнсиса не осталось и следа, он еле ходил, весь сгорбившись, с впавшими глазами и лицом серого цвета. Губы его были бледны, как мрамор, а руки стали худыми и костлявыми. На пристани он заметил толпу любопытных, столпившихся у корабля.

Сил более не осталось, Фрэнсис еле удерживал равновесие, глаза закрывались сами собой, в голове свербело, будто те самые крысы, которых он распугал только что, сидели в черепе и скреблись о стенки. Поплелся проведать Роберту.

Он тихо подошел к ее каюте, из-за двери доносился плач. Фрэнсис не стал входить, а присел рядом.

«В конце концов, — подумал он, — священное право каждого человека — поплакать в одиночестве».

Фрэнсис сидел, задумавшись, вновь и вновь раздавались рыдания Роберты. Прибежала крыса, порыскала по углам, Фрэнсис заметил ее и приложил палец к губам, показывая, чтобы она вела себя тише. Крыса села и принюхалась.

— Я — капитан, — одними губами сказал Фрэнсис, указывая на себя.

Крыса пошевелила ушами.

— Мотай на ус, — погрозил он пальцем.

Крыса посидела еще немного, и под очередной всхлип Роберты убежала.

«На этом корабле крыс в тысячу раз больше, чем людей», — подумал Фрэнсис.

В конце концов, Роберта успокоилась, плач стих. Фрэнсис постучал и вошел в каюту. Роберта лежала на кровати, на лице ее была повязка.

— Это я, — сказал Фрэнсис, — я посижу тут немного, хорошо?

— Да, — покорно сказала Роберта.

Фрэнсис присел рядом.

— Я тебя подвела, прости, — проговорила она.

— Ты достойно сражалась.

Под марлей у Роберты задрожали губы.

— Как же я теперь? — задыхаясь от слез, проговорила она.

Фрэнсис вздохнул:

— Все будет нормально.

— Лучше бы меня убили.

— Конечно, не лучше. Я поговорил с Дином, и он сказал, что поможет тебе.

— Я не верю! — воскликнула Роберта.

— Плохо его знаешь. Сказал, что призовет всех демонов преисподней, и ты станешь даже красивее прежнего.

Роберта снова разревелась. Фрэнсис подсел поближе и молча погладил по волосам. Она затихла.

— Фрэнсис, — позвала она тихо, — что будет дальше?

— Планы не изменились. Мы пройдем море от края до края и прославимся на целый свет. Я полон сил!

Роберта помолчала, задумавшись.

— Ни о чем не переживай, — сказал Фрэнсис, с трудом поднимаясь.

— Да… капитан.

Дверь захлопнулась за Фрэнсисом, он вышел, радуясь, что Роберта не видела его бессилие. Он отдышался, и хотел пойти в свою каюту, но слабость одолела его, и Фрэнсис присел на палубу.

«Да что же со мной», — в отчаянии подумал он.

Оливье пьянствовал в грязном кабаке с замызганными столами и обшарпанными стенами в кампании молодых, но подающих надежды пиратов.

— Если вы не видели Фрэнсиса Эвери, значит, не представляете, как выглядит настоящий капитан! — крикнул Оливье, ударив об стол кружкой с хмельным напитком.

— А правда, что у вас в команде Грэм Блэксмит? — набравшись смелости, спросил один пират.

— Ну, еще бы! Эй, наливай, не видишь, что моя кружка пуста! — крикнул Оливье, — я тебе так скажу: Грэм голову всякому снесет, кто на пути встанет!

— А… Роберта, правда, что…

— Что!? — взревел Оливье, — договаривай до конца! Что ты там удумал себе? Предупреждаю, что любого отправлю на тот свет, кто хоть одно слово скажет в сторону Роберты! Понял, ублюдок!?

Пираты замолкли.

— Эй, налей еще!

— Послушай, старик, — проворчал кто-то из посетителей кабака, — закрой уже пасть!

Все испуганно покосились на смельчака.

— Кому не терпится умереть?! — рявкнул Оливье, резко оборачиваясь и пиная табуретку. Та кубарем покатилась прочь.

Со стула поднялся мужчина лет тридцати, с завитыми усами и сосредоточенным взглядом. Среди посетителей разнесся шепот:

«Это же Нойль Элонь, пират-наемник!»

— Я вижу, меня узнали, — он поклонился как на выступлении, — я и правда Нойль Элонь. А вот ты кто такой, старик? И по какому праву ты кричишь так, что пена в моей кружке оседает быстрее должного?

— Я — Оливье Шарм из команды Фрэнсиса Эвери! Ты смеешь мне указывать?

Пиратов, собравшихся вокруг Оливье, смело как ветром. Посетители кабака перешептывались, готовясь к представлению: знаменитый пират-наемник бросил вызов загадочному офицеру команды Эвери.

— Я полагаю, — проговорил Нойль Элонь, — это вопрос можно уладить только дуэлью. Что ты предпочитаешь: сабли или пистолеты?

Оливье протрезвел в тот же миг.

«Сабли или пистолеты? — подумал он, — мне конец».

— А я искал именно тебя! — воскликнул вдруг Оливье.

Посетители прислушались.

— У меня поручение от Фрэнсиса Эвери к Нолоню Элонолю!

— Мое имя Нойль Элонь, — наемник важно покрутил ус.

— Верно! Совсем старый стал, язык заплетается.

Оливье подошел к наемнику, дружески приобнял за плечо, тот нахмурился, но сопротивляться не стал, и они уселись за столик.

— Эй, плесни нам еще выпивки! — крикнул Оливье.

— Какое дело имеет ко мне Фрэнсис Эвери? — спросил Нойль Элонь.

В ту же секунду к столику подлетел кабатчик, радуясь, что конфликт, суливший серьезные финансовые потери, решился миром, и поставил перед пиратами кружки. Он заискивающе улыбался и старался не смотреть в глаза. Посетители были разочарованы, многим хотелось увидеть в деле единственного в мире пирата-наемника. И только хозяин заведения знал, что если бы Нойль Элонь вступил в бой, то не ограничился бы только стариком. Почуяв кровь, он теряет голову и продолжает убивать всех, кого видит. Это нравится некоторым капитанам, нанимающим его за огромные деньги. Многие пираты хотели пойти по его стопам и стать наемниками, но никому так и не удалось.

— Фрэнсис Эвери хотел бы нанять меня? — подсказал Нойль Элонь, отхлебнув из кружки.

— Верно, — подумав, кивнул Оливье, — сколько будут стоить твои услуги?

— Триста золотых марок перед выходом в море и десять долей добычи во время плавания.

— Десять! Даже капитан получает только две! — воскликнул Оливье.

— Я не напрашиваюсь, — покрутив ус, сказал наемник.

Оливье пробормотал что-то и опрокинул кружку.

— Умеете вы пить, сэр, — уважительно сказал Нойль Элонь.

— Десятилетия практики, — ответил старик.

Они заказали еще пива, и разговор продолжился.

— Скажу по правде, капитан вовсе и не собирался тебя нанимать, — проговорил Оливье.

— Неужели? — усомнился тот, — в чем же дело?

Оливье поманил его поближе к себе:

— Капитан приказал мне искать тайны!

— Что искать? — не понял наемник.

— Секреты и тайны.

— Это еще зачем?

— А ты подумай немного. Нам нужно отправляться в плавание — настоящему морскому волку на твердой земле дольше двух дней и стоять противно. Но капитан не хочет просто так плавать.

— Торговать думает? — предположил наемник.

— Нет, — решительно помотал головой Оливье.

— Работорговля?

— Ха, черта с два!

— Что же тогда?

Оливье лишь усмехнулся и заказал еще выпивку. Нойль Элонь залпом опустошил кружку, и тут же принялся за следующую.

— Ну, так… — произнес наемник, позабыв, о чем шел разговор.

Оливье, расхохотавшись, треснул по столу ладонью.

— А вот ты пить совсем не умеешь!

Нойль Элонь надулся, пена густо покрывала его усы.

— Так чем же собирается торговать твой капитан? — спросил он, вспомнив, о чем шла речь, и внимательно рассматривая Оливье.

— А вот ничем и не собирается!

— Значит, грабить будет?

— Грабить, конечно, будет. Но дело не в этом.

— В чем же тогда?

— Капитан приказал искать секреты.

— Да что за секреты! — вскипел наемник, ударил кружкой по столу, пиво подпрыгнуло и выплеснулось ему на руку.

— Секреты и тайны, — прошептал Оливье.

Нойль прищурился, пытаясь понять, о чем идет речь.

— Не понимаю, — сдался он.

— Да вот и я толком не пойму, — признался Оливье.

Наемник расхохотался, и так долго не мог успокоиться, что Оливье на него обиделся.

— Тоже мне! — воскликнул старый пират, — да что ты понимаешь-то!?

— Сам не знаешь, что искать!

— Как найду секрет, так сразу пойму, подходящий или нет. Другими словами, капитан хочет отправиться в плавание с некой целью.

— С какой?

— До чего же ты непонятливый! Скажу откровенно, я бы тебя даже за полдоли не взял на судно.

— Но, но! — повысил голос наемник, — ты мою репутацию не подрывай!

— Ты, может, и не плох, но Фрэнсис Эвери набирает лучшую команду на свете!

— Значит, пусть берет меня!

— За полдоли если только, — сказал Оливье.

— Ну, знаешь ли, мне даже одноглазый Бальтозар платил десять долей!

— Знаешь, где я твоего Бальтозара видел!? — Оливье показал неприличный жест, — кто он такой!? Его даже упоминать стыдно, когда речь идет о Фрэнсисе Эвери!

Нойль Элонь хмыкнул и замолчал, Оливье тоже наговорился и уставился на дно кружки.

— Хватит, наверное? — спросил он сам у себя.

Единственный в мире пират-наемник ни с того ни с сего обхватил голову руками. Взгляд его выражал вселенскую скорбь, а с губ сорвался мотив грустной песни про сундук Дэви Джонса. Оливье похлопал наемника по плечу.

— Бывай, еще свидимся, — сказал он.

Нойль Элонь отрешенно кивнул и продолжил напевать что-то про бедного моряка, который так и не вернулся домой. Оливье вышел из кабака. Несмотря на поздний час, улица была полна. Старый пират смешался с толпой, исчезая из виду.

Фрэнсис бессильно валялся на койке, полудрема, как забвение, окутала его. Отгоняя сон, капитан собирался с мыслями. Роберте он дал обещание, что путешествие продолжится, но сам в этом уверен не был. С самого начала все пошло не так.

Столько лет Фрэнсис жил неизвестно для чего, но демон, запертый у него в теле, в один момент наделил невиданным ранее могуществом. И, главное — целью. Фрэнсис вспоминал тот сладкий момент, когда мышцы налились силой, и, казалось, ничего невозможного не существует, и мир будто лежал на ладонях. Тогда Фрэнсис подумал, что это единственный шанс бросить жизнь бродяги и взлететь высоко, к самой вершине. Странным стечением обстоятельств он оказался вне закона, поэтому не видел другого пути, кроме как податься в морской разбой. На суше не укрыться от королевской воли, а море дает такую возможность. Только среди волн можно обрести свободу, так думал Фрэнсис.

У него болезненно сжалось сердце, его пронзило острое чувство вины перед Робертой. Сила демона, на которую он так надеялся, подвела в самый ответственный момент, перед врагами, которые почти были повержены. Роберта права: то была ненастоящая сила. Фрэнсис почувствовал в тот миг, что демон разорвал путы, вырвался на свободу.

Сначала казалось, что лишился внутренностей, остались только кости, мясо и кожа. Но после стало понятно, что физически не изменился, а исковерканным оказался ментальный двойник. Внешняя оболочка не только утратила демоническую силу, но и получило в наказание слабость.

Трудно пошевелить пальцем, временами казалось, что контроль над организмом утрачен, и он более не сможет двигаться. Пугаясь, Фрэнсис доказывал себе, что это не так, с

огромным усилием поднимая руку или переменив положение ноги. Он до сих пор не понимал, как ему удалось дойти до каюты Роберты, да еще и поговорить с ней так уверенно и спокойно.

Но более всего ему было жалко ее. Он взял на себя ответственность, повел команду вперед — и проиграл. И пусть они захватили корабль — это невозможно назвать победой. Теперь единственной надеждой был Дин и его навыки в демонологии, колдовстве и алхимии. Фрэнсис снова и снова убеждал себя, что его друг — гений, и ему под силу вернуть Роберте прежний вид, потому как для демонов такое — раз плюнуть. Дин подчинит их волю, и все вернется на свои места. Фрэнсис повторял эти слова десятки раз, стараясь убедить себя, но одна скептическая мысль, неуловимая и неистребимая, раскидывала в разуме семена сомнения. Они всходили поразительно быстро, и если не прополоть вовремя, то очень быстро вырастет дремучий лес отчаяния.

А ведь Фрэнсис обещал команде продолжить путь, говорил уверенно, раздавал приказы. Оливье, не задавая вопросов, немедленно отправился в город. Дин хотел помочь Роберте не меньше Фрэнсиса, а вот с Грэмом пришлось говорить долго и обстоятельно, что оказалось мучительно при такой слабости, когда приходится перебарывать себя, произнося каждое следующее слово. Грэм слушал внимательно, говорил мало, но по существу: резал как по живому. Фрэнсис с покорностью принимал все упреки, но, собрав волю, отдал новый приказ. Как бы там ни было, он все еще оставался капитаном. Грэм послушался, и удалился следом за Оливье и Дином. С того времени прошел день или два, Фрэнсис сбился со счета.

На корабле никого не было, и ему приходилось ухаживать за собой и за Робертой, которая лежала трупом и все время молчала. Фрэнсис был слаб, но пусть сегодня он целых двадцать минут будет добираться до каюты Роберты, отдыхая по дороге, но уже завтра он дойдет за пятнадцать. Несмотря на бедственное положение, ростки сомнения постепенно отступали перед огоньком уверенности, временами переходящим в бушующее пламя ярости. С каждый часом и днем размышлений, вера Фрэнсиса в себя становилась все крепче, и он твердо решил идти вперед и не оборачиваться.

Фрэнсис присел на койке. Сегодня ему было лучше, слабость как будто начала отступать. С остервенением он потер плечи, размял затекшую шею. Перед глазами все плыло.

«Нужно придти в себя, — подумал он, — приказы уже отданы, механизм запущен. Неужели я буду тем, кто отнимет надежду у

своих друзей?»

Пальцы стиснули лицо, Фрэнсис заскулил, осознавая свое бессилие, оставалось только ждать и надеяться. Сможет ли он побороть слабость? И вновь его единственной надеждой был Дин.

«Только бы он повторно провел ритуал», — подумал Фрэнсис.

Он уповал на это, и было наплевать, даже если демон вырвется вновь, даже если во второй раз тело не выдержит. Фрэнсис дал клятву на крови, и теперь нужно ее исполнить, или, по крайней мере, умереть, стремясь к цели.

В любом случае, сила эта принадлежала демону, тут Роберта была права. Глупо было думать, что демон станет служить вечно. Фрэнсис поверил в иллюзию и поплатился.

— Чертовщина! Проклятые мысли!

Нужно было встать, пойти куда-то, неизвестно куда и зачем, но Фрэнсис ощутил потребность в движении. Слабость накинулась с тройной силой, словно организм испугался, что придется потрудиться. Рыча от злости, Фрэнсис опустил ноги на палубу и встал. В глазах потемнело, зазвенело в ушах. Боль в голове нарастала, и, достигнув пика, утихла. Зрение вернулось, мир насытился красками, проснулись звуки реальности. Фрэнсис покрылся испариной, глубоко вздохнул.

Он вышел из каюты. Шаг за шагом, Фрэнсису стало полегче, слабость на время отступила. Он улыбнулся, радуясь хоть секунде бодрости. По трапу поднялся наверх. Налетел свежий ветерок. Фрэнсис прилег на палубу и, убаюканный плеском волн, заснул. Когда он очнулся, солнце стояло высоко и ощутимо припекало. Сон подействовал как лекарство, и Фрэнсис отправился на камбуз.

Еще издалека он услышал, что кто-то гремит там. Фрэнсис открыл дверь. Спиной к нему, опустив голову, стояла Роберта. На столе была миска с куском недоеденного мяса. Фрэнсис захотел уйти, но почувствовал, что сил не осталось, поэтому только присел на стул.

— Ты уже ходишь? — слабо спросил он, коря себя за такой болезненный голос.

— Да, — коротко ответила Роберта, проведя ладонью по волосам. На лице не было повязки, и Роберта не поворачивалась.

Фрэнсис попытался подняться со стула, но колени задрожали.

— Роберта, — позвал Фрэнсис.

— Да?

— Тебе уже лучше?

— Немного.

Наконец, поборов слабость, Фрэнсис поднялся на ноги, но тут же рухнул. Роберта испуганно обернулась. Капитан валялся на

палубе, и, похоже, силы покинули его. Она подошла, помогла встать. Фрэнсис вытер испарину, тяжело дыша, кивнул Роберте: взгляд его упал на искалеченное лицо. Капитан быстро отвел глаза.

— Дойдешь сам? — спросила Роберта, вновь отвернувшись.

— Конечно, — кивнул тот, хотя не был уверен. — Прости.

С этими словами он вышел, считая нетвердые шаги. Роберта смотрела вслед, потом увидела недоеденное мясо и апатично села за стол.

Глава 18. Алхимики берутся за дело

Сэр Панагам, первый мастер гильдии алхимиков, сошел с корабля в Порт-Стене, предварительно обругав матросов и повздорив с капитаном. Алхимик ступил на пристань налегке, захватив лишь старый кожаный чемоданчик. Вспотев под ярким солнцем, он с удовольствием поцапался с торговкой в тени ее лабаза. Трижды спросив дорогу, и получив туманные разъяснения — каждый следующий указывал противоположное направление, Панагам спустя несколько часов вошел в лавку Ян Ван Ремма. За прилавком, скучая, сидела Бонни.

Панагам прикрыл дверь, наслаждаясь прохладой.

— Добро пожаловать в алхимическую лавку господина Ремма, — произнесла Бонни заученную фразу.

Панагам, отдышавшись, прошел вперед, рассматривая выставленные на продажу ингредиенты.

— А это что? — Панагам ткнул пальцем в один из множества пузырьков.

— Вытяжка из панциря глубоководного рака.

— Почему в синем стекле? — нахмурился Панагам.

— А разве есть разница? — Бонни вышла из-за прилавка, рассматривая посетителя. Он был на голову ниже ее, но зато чуть ли не втрое шире. Панагам, в свою очередь, пристально оглядел девушку с ног до головы.

— Сколько стоит? — спросил он.

— За пузырек просим восемнадцать марок.

— А в свой сосуд?

— Продаем только в этих.

Панагам хмыкнул, и отошел к шкафчику, где за стеклом стояли ступки с порошками.

— Алмазную пыль продаете?

— Да. Вам для какого зелья?

— Для сонного.

— Вовсе и не нужна алмазная пыль для сонного зелья, — сказала Бонни.

— Соображаешь, — похвалил Панагам.

— Вы можете купить готовое зелье, есть целая пинта, могу разлить порциями.

— Сдалось мне твое зелье, — проворчал Панагам и перешел к другой стенке, где пучками висели целебные травы.

— Может быть, вам помочь выбрать?

— А ты знаешь, кто я? — спросил он, отрывая взгляд от ягод белладонны.

— Нет, сэр.

— Ты — Бонни?

— Да. Вы знаете моего отца?

— Знаю этого старого лентяя, — кивнул Панагам.

— Отчего же лентяя? Он усердно трудится изо дня в день.

Панагам громко рассмеялся.

— Мне позвать его? — спросила девушка, — как вас представить?

— Скажи, что пришел сэр Панагам.

— Так это вы! — воскликнула Бонни.

Алхимик приподнял бровь.

— Я думала, вы совсем по-другому выглядите!

— Ну, хватит меня рассматривать, — проворчал Панагам, — зови старика.

Бонни пошла наверх, а Панагам остался изучать банки с сушеными червями. В магазин вошел посетитель, высокий мужчина с обвисшими усами, держа трость подмышкой.

— Вы хозяин лавки? — важно осведомился мужчина, поглаживая сальные волосы.

— Допустим, — буркнул Панагам.

— Давеча я покупал у вас приворотное зелье.

— И что?

— Не помогает.

— Разогревали перед применением?

— Все делал по инструкции! — сказал посетитель, — почему не работает? Это безобразие!

— А ты усы сбрей, — хмуро посоветовал Панагам.

— Это еще зачем!?

— Да с такими усами ни одно зелье не поможет! — взорвался алхимик.

Посетитель сделал грозный вид, и, задыхаясь от возмущения, хотел что-то сказать.

— Пошел прочь, и что б я тебя тут не видел! — крикнул Панагам.

— Это возмутительно! — воскликнул посетитель, — я требую возврата денег!

— Зелье было безукоризненным! — покраснев от злости, закричал Панагам, — Ян Ван Ремм варит только высший сорт!

Посетитель выпучил глаза. Панагам сделал шаг, показывая всем видом, что сейчас выкинет того на улицу. Мужчина выскочил за дверь, на ходу выкрикивая угрозы.

— Верно сказал, — донеслось за спиной Панагама, — я варю зелья только высшего сорта.

Из-за спины Ян Ван Ремма высунулась Бонни:

— Он к нам почти каждый день ходит и ругается, — пожаловалась она.

— Пусть еще сунется! — пригрозил Панагам.

Ян сошел с лестницы.

— Мы тебя ждали, идем скорее, — сказал он, похлопав по плечу друга и одновременно соперника.

Они поднялись наверх, где их ждал, листая книги, Дин.

— И ты тут, — проворчал Панагам.

— Доброго дня, — безмятежно ответил Дин.

Ян хотел предложить гостю сесть, но тот и без него плюхнулся на стул.

— Как твои успехи, Панагам?

— К черту манеры! — вскипел тот, — я приехал затем, чтобы узнать о ваших успехах! И если ты скажешь, что это шутка, и я зря потратил четыре дня, добираясь на этот клятый остров, то я сотру тебя в порошок и буду продавать в синем пузырьке!

— Я не видел тебя уже шесть лет, — ухмыльнулся Дин, — а ты все такой же ворчливый.

— А ты все такой же бездарный сосунок! — огрызнулся тот.

— А ведь ты не знаешь, какое открытие он сделал…

— Было б все было гладко, вы бы не позвали меня, так? Говорите же скорее! — поторопил Панагам.

— Зашторь, — строго сказал Ян.

Дин нехотя слез с подоконника. Заскрипел карниз, и шторы преградили солнечному свету доступ в комнату. Панагам замер в ожидании, Ян улыбнулся в предвкушении его реакции. Дин прошелся по комнате, раздумывая.

— Я расскажу, но есть условие, — сказал он.

— Говори, — спокойно сказал Панагам.

— Если расскажу, ты нам поможешь.

Панагам сделал скучающее лицо и промолчал.

— Я сумел вселить Белвела в тело человека.

В этот момент Панагаму показалось, что сердце его остановилось. Он тяжело задышал, обдумывая сказанное.

— Обогнал меня, — промолвил алхимик. — Клянусь: если обманул, я сверну тебе шею!

— Это правда, — сказал Дин.

— Я так хотел быть первым, — проговорил Панагам, — с тех пор как открылось существование Белвела, я так хотел сделать этот эликсир!

В разговор вмешался Ян:

— Сейчас не время переживать, — сказал он, — эликсир далек от совершенства, и ты приглашен в команду.

— В чем подвох? — оживился Панагам.

— Нужна твоя помощь.

— Все, что в моих силах!

— Как бы это… — замялся Дин.

— Он вступил в пиратскую команду, — сказал за него Ян, — у них в команде есть девушка, которой изуродовали лицо. Теперь нужно вернуть все как было.

— На пороге такого открытия заниматься ерундой! — заорал скорый на гнев Панагам, — ты в своем уме!? Ты променял изучение мира на морской разбой!?

— И, тем не менее, это открытие сделал я…

— Правда, о чем теперь говорить? — заступился за него Ян.

— Я вынужден работать с идиотами, — пожаловался Панагам и целую минуту глубоко дышал, пытаясь успокоится. — Сперва мне надо осмотреть пациентку. Но знайте, что даже у моих возможностей есть предел.

Спустя час алхимики ступили на пиратский флейт, который, как гласила надпись, назывался «Блаженный Липли-син».

К алхимикам вышел Фрэнсис.

— Добро пожаловать, — негромко сказал он, — я капитан этого судна, мое имя Фрэнсис Эвери.

— Доброго дня, меня зовут Ян Ван Ремм, я исследователь мироздания.

Панагам не удостоил Фрэнсиса даже взгляда, лишь спросил, куда идти дальше. Они спустились, и Дин постучал в дверь каюты Роберты. Она подала голос, и Дин вошел, попросив алхимиков пока остаться снаружи.

— Что за ужасное судно, — проворчал Панагам, — хуже не видел.

Спустя минуту Дин высунулся из-за двери и пригласил их внутрь.

— Здравствуйте, — проговорила Роберта, лежа на койке, лицо было скрыто за слоем ткани.

Ян хотел было поздороваться, но Панагам, кинув на него взгляд, рявкнул:

— К черту манеры! Это пиратское судно или богадельня!?

Роберта, не ожидав крика, вздрогнула.

— Веди себя тише, — нахмурился Дин.

— Поучи меня жить, — огрызнулся Панагам, и, подсев к Роберте, мягко сказал, — сейчас я сниму повязку.

— Хорошо, — голос ее дрожал.

Панагам аккуратно снял слой марли, и лицо Роберты открылось взору. Раны понемногу заживали, кое-где были

нарывы, но в целом кожа затягивалась. В глазах Роберты стояли слезы.

— Не реви, — сказал Панагам, — знаешь, кто я?

Роберта покачала головой.

— Перед тобой кудесник Панагам. Покажи зубки.

Пиратка приоткрыла рот.

— С зубками тоже беда, — Панагам задумался.

— Что скажешь? — спросил Ян.

Панагам потер переносицу, потом повернулся к Роберте:

— Послушай, девочка…

Она вопросительно посмотрела на него, в глазах был страх.

— Обещать ничего не буду, но сделаю, что смогу.

С этими словами Панагам покинул каюту, за ним вышли Дин и Ван Ремм. А Роберта лежала, уставившись в потолок.

Исследователи поднялись на верхнюю палубу. Панагам остановился, рассматривая городской пейзаж.

— Что скажешь? — снова спросил Ян.

— Есть надежда?

— Надежда есть, — растерянно проговорил Панагам, — но раны почти зажили. Даже не знаю, как теперь быть.

— Сделай что-нибудь! — сорвавшись, крикнул Дин, потом, пристыженный, закрыл лицо ладонями, пытаясь успокоится.

— Мне надо подумать, идем пока в лавку, — даже не взглянув на него, сказал Панагам.

Алхимики неспешно пошли через город. Ян был поражен увиденным и думал о том, что женщины не должны быть пиратами. Панагам перебирал в голове десятки формул и рецептов. А Дин плелся за ними, совсем опустошенный, целиком полагаясь на приятелей. В лавке их ждала Бонни.

— Она будет помогать? — спросил Панагам.

— У нее и спрашивай, — пожимая плечами, сказал Ян.

— Будешь помогать?

— Да! — воскликнула Бонни, — а в чем?

— Единственная в мире уникальная операция! — Панагам развел руки в стороны, — невыполнимая задача, за которую взялся кудесник Панагам, непревзойденный алхимик и мастер зелий!

— Клоун, — укоризненно шепнул Ян.

Зато Бонни вдохновилась:

— Теперь я точно буду помогать! Говорите, что делать!

— Первое задание: разыщи лучшую в городе настойку Тысячелистника.

— Бонни, дочка, купи в аптеке у Долми-пота.

— Знаю я! — Бонни выскочила в другую комнату, накинула

на плечи куртку, и выбежала на улицу.

— Теперь серьезно, — мрачно проговорил Панагам.

Повисла тревожная тишина.

— Я не знаю, что делать, — признался он, — лицо изуродовано до неузнаваемости, половины зубов нет, губы я вообще не увидел, хорошо хоть глаза на месте. И что хуже всего — все раны уже затянулись. Будут шрамы. Что теперь прикажете делать?

Дверь распахнулась, в лавку вошла толстая тетка с улыбкой до ушей.

— Господин Ремм! — пролепетала она.

Ян схватил ее за плечи:

— Мы закрыты, — сказал он и выставил тетку за дверь. Щелкнул замок, Ян задернул шторы, и вернулся к прилавку.

— Как же быть? — проговорил Дин.

«Кожу я могу создать, — размышлял про себя Панагам, — но куда девать старую?»

— Господин Ремм, — прервав тишину, обратился он.

Ян удивился: до сих пор первый мастер гильдии алхимиков звал его не иначе как старым лентяем и бездарем, в лучшем случае по имени.

— Нужна хорошая лаборатория.

— Есть, и не одна, — сказал Ян.

— Хорошо, — подумав, Панагам продолжил, — теперь ты.

— Что делать? — спросил Дин.

— Иди обратно и сдери с девчонки кусок кожи.

Дина передернуло:

— Ты чего говоришь-то?

— Неженка, — поморщился Панагам, — принеси мне квадратный дюйм ее кожи.

— Х-хорошо, — запнулся Дин, и бросился к двери.

Вскоре он оказался на корабле. Его встретил Фрэнсис, попытавшись расспросить, но Дин сказал лишь, что они делают все возможное. Капитан в ответ задумчиво почесал за ухом. Алхимик спустился вниз и вошел в каюту Роберты. Хлопнула дверь. На пиратке вновь была повязка, она ничего не видела.

— Кто это? — спросила она.

Дин лишь сглотнул, но ничего не ответил.

— Я слышу, как ты дышишь, — с тревогой произнесла Роберта.

Дин провел рукой себе по лицу, в ладонь лег нож. В тишине было слышно, как звякнула сталь. Испугавшись, Роберта скинула повязку. Напротив кровати стоял Дин с застывшим взглядом и

ножом в руках.

— Дин, — прошептала Роберта, присев и подобрав одеяло, — ты что?

— Мне… — он осекся, — прости, я вне себя.

Дин присел рядом, нож лег на стол. Колдун, глубоко вздохнув, взял стоящую рядом бутылку вина и сделал приличный глоток. Молча передал ее растерянной Роберте, она аккуратно отпила, не сводя с него глаз.

— Мне нужен кусок твоей кожи, — немного успокоившись, сказал Дин.

Тишина.

— Где-то вот столько, — он показал пальцами сколько надо, — откуда будем срезать?

У Роберты заколотилось сердце.

— Панагам сказал, что нужна твоя кожа. Я бы отдал свою, если б было можно, — торопливо сказал Дин, в руке его снова оказался нож, — так откуда?

— Раз уж все вернется как было… тогда с лица, — пролепетала Роберта, — вот тут… осталась здоровая…

— Выпей еще, — Дин протянул бутылку, крепче сжимая нож.

Страшный крик огласил судно. Фрэнсис услышал даже наверху. Как можно быстрее спустился, и когда вошел, то увидел бледную как снег Роберту. Она прижимала руку к левой щеке, с которой стекала кровь. Рядом сидел не менее бледный Дин с окровавленным ножом в руках.

— Какого черта?! — воскликнул Фрэнсис, входя в каюту.

Дин встал и помахал перед носом Фрэнсиса куском кожи. Отдал капитану нож и вышел прочь. Роберта сидела неподвижно, но сердце ее бешено колотилось.

— Вы что творите?!

— Это — алхимия, — шепнула Роберта.

Глава 19. Мастерство Панагама

Прошло два дня. После заката, когда улицы города заметно опустели, и лишь из кабаков доносились пьяные крики; дождавшись, пока взойдет луна, освещая путь во тьме, Дин взял под руку Роберту и повел в лабораторию Ян Ван Ремма. На девушке был длинный плащ, полы которого подметали землю, а капюшон скрывал лицо. Они быстро шли по переулкам Порт-Стена, не останавливаясь ни на секунду. Молча обходили шумные компании подвыпивших пиратов, и двигались дальше.

Вскоре они вышли к низкому одноэтажному зданию с толстыми каменными стенами, и Дин кулаком забарабанил в дверь. Спустя минуту внутри раздался приглушенный шум, щелкнул замок, загремел засов и заскрипели петли. Дин и Роберта зашли внутрь, их встретила Бонни. Она робко помогла снять Роберте плащ; глаза их встретились. Бонни невольно ахнула, увидев ужасные раны на лице. Дин повел Роберту по лестнице в подвал, где располагалась алхимическая лаборатория.

Ян поболтал в колбе мутноватую зеленую жидкость, она ужасно пахла, и на вид была не аппетитна, но служила обезболивающим. Роберта выпила его, сморщилась. В центре подвальчика расчистили место, и поставили массивный дубовый стол. В углу располагалась печь, с другой стороны находился алхимический стол, эдакий верстак с десятками колб и фиалов. По стенам стояли сундуки и шкафы, висели инструменты. Панагам подвел Роберту к печке, там, над тлеющими углями, на распорках висел большой кусок человеческой кожи, обуглившийся по краям. Роберту передернуло. Бонни, которая стояла у лестницы, увидела это, и сердце ее сжалось.

По указу Панагама, Роберта легла на стол, ее крепко связали ремнями и надежно зафиксировали голову. Обезболивающее зелье начало действовать, девушка успокоилась и расслабилась, сердце стучало мерно, приятная тяжесть сомкнула веки. Дин растопил воск, и когда тот уже начал застывать, алхимик толстым слоем залепил глаза Роберты, чтобы они не пострадали. Дин наклонился и шепнул ей на ухо заговор, девушка тут же провалилась в глубокий сон.

Панагам начал с зубов. До этого момента он потратил два дня, чтобы сделать слепки, и вытачивал зубы из прожженного мрамора вместе с алмазной пылью и хитиновым порошком из панцирей прибрежных крабов. Зубки получились аккуратные, ровные и белоснежные. Алхимик вставил в рот Роберты распорку и разложил на столе рядом необходимые инструменты:

скальпель, молоточек и миниатюрной дрелью. Бонни, не выдержав зрелища, вышла из помещения. Панагам не торопился, он аккуратно ввинчивал новые зубы прямо в кость, они становились на место, и выглядели так, будто всю жизнь там росли. Дин сидел, глубоко дыша, ногой непрерывно выбивал беспокойный ритм.

— Пошел вон, сопляк, — не отрываясь от работы, проговорил Панагам, — без тебя справимся.

Дин послушно вышел. Смотреть на эту сцену у него больше не было сил, а он знал, что это только прелюдия. Он поднялся по лестнице, и столкнулся на первом этаже с Бонни.

— Не могу это видеть, — пожаловался Дин.

— Я тоже.

Они помолчали, разглядывая огонь одинокой свечи.

— А я бы все равно хотела выйти в море, — задумчиво проговорила Бонни, — почему вы стали пиратом?

— Давай на ты. Мы же друзья теперь?

— Хорошо, — улыбнулась Бонни, — почему ты стал пиратом?

— Фрэнсис…наш капитан, вытащил меня из тюрьмы, и я вступил в команду.

— Форт Бланкальер?

Дин кивнул.

— Об этом только и говорили. Наверное, Фрэнсис Эвери очень страшный, — проговорила Бонни.

— Нисколько.

Бонни задумалась, а потом сказала:

— А мне никогда не хватит духу стать пираткой…

— Зачем тебе? Пиратами становятся те, кому терять нечего.

— И тебе нечего?

— В этом и состоит ирония, — проговорил Дин с горькой усмешкой, — теперь у меня появилась команда. Теперь я боюсь за них.

Панагам закончил вкручивать зубы, и, смахнув пот, отошел выпить воды. Ян тем временем проверял, ровно ли они стоят, и красиво ли получилось. Он смотрел и так и сяк, и даже постучал, но спустя минуту признал, что вышло неплохо.

Тем временем доварилось необходимое зелье, и Ян потушил огонь спиртовки. Панагам взял колбу: забулькала фиолетовая жижа, алхимики пристально посмотрели ее на свет, но дефекта не обнаружили. Ян набрал зелье в толстый стеклянный шприц без иголки, и операция началась.

Панагам провел пальцем по самому толстому и уродливому шраму Роберты, коснулся раны от срезанной со щеки кожи.

— Сюда, — он указал на большой нарыв у переносицы.

Ян выдавил из шприца всего каплю, она упала точно на нужное место, и в тот же миг кожа вместе с гноем превратились в кисель, в мутную жижу. Панагам аккуратно счерпнул ее ложкой и смахнул в стоящий рядом тазик.

— Отлично действует, — проговорил он, — теперь помоги снять кожу.

Алхимики подошли к очагу, клещами сняли с распорок кусок искусственной кожи и бросили, как тесто, на специально подготовленный стол. Ян взялся за нож и отрезал немного.

Панагам одобрил, и они прилепили этот кусок на место разъеденной кожи.

— Теперь сюда.

Ян капнул на следующий шрам.

— Больше, растворяй весь.

Фиолетовая жижа бесшумно и мгновенно обращала кожу в кисель, Панагам счерпывал его, а Ян в это время нарезал новый кусок, который ложился на пустое место, Панагам помогал себе тонкой деревянной указкой.

— Вырежи квадрат на щеку.

Ян молча выполнил, и заплатка легла на поврежденный участок. Роберта все это время пребывала без чувств, не двигалась, и лишь мерно посапывала. Панагам коснулся ее лба.

— Хоть тут цело, — прошептал он.

Нож бегал по столу, разрезая заготовку, Ян со стороны был похож на портного, кроящего ткань, или же на повара, работающего с тестом. Он и сам вошел во вкус, кожа была эластичной, мягкой и теплой. Панагам продолжал сосредоточенно накладывать полоски.

С Яна сошло семь потов, он раскраснелся от жары, то и дело облизывая губы, а Панагам как будто находился в другом месте — на нем не было ни капельки.

— Ян, внимательно. Отрежь ровнее.

Панагам осматривал лицо, выискивая необработанные места. Последний лоскут искусственной кожи лег на место растворенной, и Панагам заявил, что теперь все готово. Ян нервно сглотнул.

— По-моему стало еще хуже, — сказал он, — кажется, мы сделали что-то не то.

— Заткнись, — попросил Панагам.

— Ты погляди, — почти в отчаянии воскликнул Ян, — что мы натворили! Раньше это было хоть похоже на лицо!

— А теперь на что стало похоже!? — крикнул Панагам, в один момент выйдя из себя.

— На плохо сшитую тряпичную куклу! Сшитую дрожащими руками запойного пьяницы!

— Заткнись! — рявкнул Панагам.

По лестнице спустился Дин.

— Что вы кричите? — с тревогой спросил он.

— Уйди с глаз моих! — взревел Панагам.

— Правда, лучше уйди сейчас, — поддержал Ян.

— Что случилось?

— Пошел к черту! — крикнул Панагам и швырнул в Дина клещи.

Тот увернулся, хотел сказать что-то, но к нему подлетел Ян, схватил за рукав, и выдворил прочь.

Два бывалых алхимика остались наедине со своей спящей жертвой.

— Что думаешь делать? — спросил Ян, — смотри, шрамов было всего нечего, а теперь пол-лица паутиной.

— Помолчи, я тебя прошу, помолчи, — раздраженно сказал Панагам, — дай мне подумать. До сих пор я не делал ничего подобного.

Ян подошел к Роберте, глаза ее были запечатаны воском. Новая кожа, хотя и чистая, и красивая, лежала на лице неестественно.

— Есть мысль, — сказал Панагам, массируя виски, — давай обожжем ей всю кожу.

— Ты чего выдумываешь-то!? — ужаснулся Ян.

— Зато когда она восстановится, все будет однородно, — сказал Панагам, — сварим эликсир, и все заживет быстро.

— Ты что говоришь!? А если не заживет?

— Давай выпьем, — предложил Панагам, доставая ром.

Жадно пили из горла, быстро опустошая бутылку.

— Ну, господин Ремм, что будем делать?

— Сэр Панагам, вы — изобретатель искусственной человеческой кожи, посему решайте сами.

— В таком случае, будем жечь, — сказал Панагам.

В этот самый миг их подслушивал Дин.

— Что вы будете жечь? — вмешался он, выходя из темноты.

— Господин Ремм.

— Да, сэр Панагам?

— Выкиньте этого сопляка прочь.

— Как скажете, сэр.

Ян, потрясая почти пустой бутылкой рома и тихо сопя, медленно надвигался на Дина. Тот с удивлением смотрел то на него, то на покрасневшего от спиртного Панагама.

— Вы что, напились!? И это в такой момент! — воскликнул

он.

— Слабак! — рявкнул Панагам, — пират должен быть вечно пьян!

— Вы же не пираты, вы… — Дин не успел договорить, к нему подскочил Ян Ван Ремм и треснул его по голове бутылкой, ром на дне заплескался словно штормовое море. Дин ухватился за лоб, нога запнулась о ступеньку, и он упал.

— Вы чего?! — Дин неуклюже поднимался.

— Добивай его! — рявкнул Панагам.

Ян сделал последний глоток, и снова ударил парня, тот успел подставить руки.

— Не смей подслушивать! — крикнул Ян и отвесил ему пинка.

Громко ругаясь, Дин ретировался.

— А теперь серьезно, — Панагам помрачнел, — я предлагаю жечь под эликсиром саламандры.

— Корень ясеня с чешуей морского конька, — определил Ян.

— Добавим туда пальмовое масло, и разведем водой три к одному.

— Разумно, — кивнул Ван Ремм.

— Ингредиенты в наличии? — спросил Панагам.

— Только в лавке, — покачал головой Ян.

— Пусть Бонни сбегает, и бездаря этого с ней отошли.

Ян поднялся к ним.

— Получилось? — встрепенулась Бонни.

— Пока нет, — мрачно сказал Ян. — Вы двое идите в лавку и принесите корень ясеня и чешую морского конька. Бонни, дочка, она лежит в шкафчике с порошками, под пергаментом.

Бонни повторила шепотом названия ингредиентов, и, кивнув, скрылась за дверью. За ней вышел Дин.

Тем временем Ванн Ремм вернулся в подвал. Панагам уже стоял у алхимического стола и варил зелье. На глазок он отмерял нужные количества, даже если речь шла о точности до грамма. Порошки сыпались на дно колбы, горела спиртовка. Запахло свежей землей и чесноком…

По темным закоулкам бежали Бонни и Дин. Она хорошо знала город, ведь провела здесь всю жизнь, и часто гуляла по улицам, несмотря на то, что они всегда полны отчаянных головорезов. Друзей у нее никогда не было, поэтому главным развлечением были прогулки до пристани, откуда можно смотреть на море.

Спустя десять минут они забежали в лавку. Дин остался у входа, переводя дыхание, а Бонни кинулась искать нужные

предметы. Спустя пару минут она появилась в дверях, заперла лавку, и они побежали обратно, нога в ногу. Мимо пролетали дома, мелькал свет. Темнота расступилась перед ними, под фонарем дорогу им преградили четыре небритые рожи. Дин и Бонни резко остановились.

Бандиты без лишних слов продемонстрировали заточенные лезвия длинных ножей.

— С дороги, — отдышавшись, проговорил Дин.

— Чей будешь?

— Дин Лайлойд, пират из команды Фрэнсиса Эвери.

— Докажи, — усмехнулся один из разбойников.

— Как тебе доказать? Спалить дотла? — из ладони Дина вылетел сноп искр.

Бандиты испуганно отшатнулись. Дин недоверчиво поглядел на них, потом схватил Бонни за руку, и они побежали дальше. Он не оборачиваясь, а Бонни постоянно оглядывалась, удивляясь, отчего он не боится удара в спину.

Добежали до лаборатории, Дин постучал в дверь. Тут же Ян впустил их, взял из рук дочери ингредиенты.

— Ждите тут, — бросил он и скрылся в темноте.

Свеча на столе почти прогорела. Бонни достала другую и зажгла от первой. Тени от двух огоньков заплясали на стене.

Получив ингредиенты, алхимики сварили эликсир саламандры. Панагам убедился, что Роберта спит, и вылил из колбы на ладонь получившуюся тягучую смесь. Он аккуратно растер зелье по лицу Роберты, добиваясь равномерности слоя.

— Давай, — кивнул он.

Ян подал другую колбу с прозрачной жидкостью, будто бы с водой. Панагам поболтал ее, и, глубоко вздохнув, плеснул на лицо девушки. Раздалось шипение, пошел пар, Роберта очнулась и дико закричала.

— Держу, — рявкнул Панагам, схватив ее за плечи.

Действие зелья утихло спустя пару секунд, но Роберта продолжала вопить. В подвал влетел Дин, но на входе его встретил Ван Ремм со страшным лицом и грозным взглядом. Он указал ему глазами на лестницу, и вывел из помещения.

— Теперь… все будет нормально, — напряженно проговорил Панагам, — только бы губы восстановились. Ян, будь другом, доведи дело до конца, я что-то утомился.

Тот кивнул, и, успокаивая Роберту, принялся осторожно смазывать ей лицо заживляющим бальзамом.

— Все уже прошло, все позади, — приговаривал он, — теперь все будет хорошо, будет как надо.

Поверх он наложил компресс, и только после того

отковырнул воск с век и развязал Роберту, которую всю трясло. Он накинул на нее покрывало, и она уснула прямо на столе, свернувшись калачиком.

Глава 20. Эликсир Белвела

К четырем часа следующего дня на палубу флейта, который, как оказалось, называется «Блаженный Липли-син», ступил Грэм Блэксмит. Его встретил Фрэнсис, который уже пришел в себя и оправился от слабости. Он сообщил, что Роберту принесли на корабль под утро, но в сознание она не приходила.

Грэм пришел в роскошном камзоле, с завитой бородой, перстнями на пальцах и внушительным чеканом. От вида сбежавшего из тюрьмы преступника не осталось и следа. Грэм намекнул, что пора бы и Фрэнсису приодеться, потому как на корабль скоро придут первые люди и будут удивлены, что свирепый капитан Эвери, о котором ходит столько слухов, предстанет перед ними в рванье, на которое даже бродяга не позариться. Фрэнсис согласился привести себя в порядок, благо денег было предостаточно.

Грэма в Порт-Стене знали все, потому его появление подняло шумиху. Времени он не терял: узнал все новости, послушал, что говорят, распустил пару слухов. Теперь он доложил Фрэнсису, что любой свободный пират на острове пойдет за Эвери.

Фрэнсис назначил Грэма квартмейстером, и приказал завтра же начинать набор команды, которая сможет повести корабль. Грэм еще раз спросил, стоит ли это все затевать в такой момент, когда капитан потерял силу, к тому же, состояние Роберты вызывает тревогу. Фрэнсис ответил, что планы не меняются, и в плаванье состоится как можно раньше.

Тем временем Дин, Панагам и Ян Ван Ремм заперлись в лавке, ломая голову над эликсиром, вселяющим Белвела в человеческую плоть. Дин подробно рассказывал каждый свой шаг, Панагам молча внимал, а Ян, удивляясь и причмокивая, то и дело что-то записывал. Едва Дин договорил, как его попросили рассказывать все заново; он покорно начал с того момента, когда впервые услышал, что королевская академия открыла в иерархии демонов новую сущность, но никакими методами не сумела призвать, и, не имея возможности узнать его имя, дала созвучное с рядом стоящим по классификации Белволом, безобидным и бесполезным бесенком. Шли годы, и академики забросили любые попытки призвать в мир Белвела, тогда то Дин, как и другие независимые алхимики, подумали о возможности воплотить его через эликсир. В лабораториях по всему миру шли подобные эксперименты, да все без толку. Было не понятно, что именно мешает демону воплотиться. Тогда то и возникла мысль о том,

чтобы изначально связать с ним человеческое тело. Шли дни напряженной работы. А когда подвернулся удобный случай — в город вернулся его друг-бродяга Фрэнсис — Дин провел эксперимент, который вышел из-под контроля. Произошел сильный взрыв, и еще стоит разобраться, вставил Ян, из-за чего конкретно. Тем не менее, результат полностью оправдал ожидания. Как и предполагалось, Белвел оказался демоном могущества.

— Действие заключим в эликсире, — задумчиво проговорил Панагам, — недостойно алхимика канителиться с колдовством.

Дин хмыкнул.

— Составим точную формулу, подумаем. Ян, найдутся ингредиенты?

— Найдутся, — кивнул тот, — в Порт-Стене чего только нет.

— Не представляю, как можно обряд висельника свести до алхимии, — сказал Дин, — это невозможно.

— Надо думать, — сказал Панагам, — эликсир должен помещаться в колбу, в пузырек, должен действовать через испитие, тогда это будет высшим классом. А по-другому я не работаю!

Оливье продолжал выполнение важного задания капитана. Вот уже который день он не мог протрезветь, выведывая тайны и секреты. Успехи можно было бы приравнять к нулевым, если бы не один случай. Однажды, прогуливаясь по улице, он увидел, что в переулке, в двух шагах от него, трое пьяных пиратов избивают кого-то, поднимая тучи пыли. Оливье, который и сам немало выпил с самого утра, решил вмешаться, и грязными ругательствами остановил бандитов. А когда чуть было не получил от них по шее, то заявил, что Фрэнсис Эвери не оставляет в живых тех, кто имеет наглость хоть как-то задеть его команду. Эти слова образумили пиратов, которые слышали много кровавых историй о загадочном капитане, чей корабль теперь стоит в Порт-Стене.

Пыль осела, и Оливье поднял с земли парня лет двадцати. Из-за грязи трудно было определить цвет его одежды. Он откашлялся и молча пошел по дороге. Старый пират почувствовал, что это как раз тот, кого он искал. Оливье остановил его и предложил выпить. Парень сказал, что не пьет. Вот тут-то Оливье и удостоверился, что с ним что-то нечисто: на пиратском острове просто не может быть таких людей!

Парень пошел дальше, но старый пират следовал по пятам. Он шел за ним битый час, пока к парню снова не пристали пьяные бандиты, и не начали избивать. Оливье снова спас его, отметив

про себя, насколько полезным бывает знать имена нужных людей. Парень, поднимаясь, сплюнул кровь из разбитой губы и на этот раз поблагодарил.

— Как твое имя? — спросил старый пират.

— Фаскол Ли, — ответил парень, потирая помятые бока.

Оливье оглянулся по сторонам, и шепнул на ему ухо:

— За сколько продашь свой секрет?

— Ни за какие деньги! — отшатнулся парень.

— Двадцать крон, — предложил Оливье.

— Ни за что!

— Тридцать.

— По рукам, — вдруг согласился Фаскол.

— Идем в таверну, перекусим, и ты расскажешь.

— У меня нет денег…

Оливье отсчитал ему тридцать крон, и они пошли в таверну, что стояла через дорогу. Фаскол заказал жареного поросенка, Оливье — ром.

— Откуда ты узнал про мой секрет? — с набитым ртом спросил Фаскол Ли. Могло показаться, что он несколько дней ничего не ел.

— Чутье морского волка, — ответил Оливье, — ну, рассказывай.

— Да что тут говорить, — отмахнулся Фаскол, — дело обычное. Попал я на этот клятый остров и выбраться не могу, и в пираты меня не берут, и не знаю что делать, а ведь есть кое-чего за душой-то.

— К примеру? — осведомился Оливье.

— Музыкант я, — крякнул Фаскол, отбрасывая очередную обглоданную кость в тарелку.

Оливье подумал о том, что напрасно отдал тридцать крон, но делать было нечего, да и ром еще недопит.

— На чем же играешь?

— На дудочке.

Оливье дважды пожалел, что отдал деньги.

— Какого беса тебя принесло в Порт-Стен?

— Да вот, — Фаскол поджал губы и задумался, — купил я однажды фрегат себе.

— На какие деньги? — удивился Оливье.

— Ну так… по дешевке продали. Там такое дело… не пойму почему, но корабль тот был королевского флота.

— Дальше говори, — поторопил его Оливье.

— Что тут говорить, меня, в общем, в розыск объявили. Ну, я сел на пиратский корабль, удалось уплыть…

— Стал пиратом?

— Нет… я там палубу драил, в общем, неприятная история. Вот там-то я наслушался много всяких секретов.

— Секретов? — оживился Оливье.

— Именно что секретов, — заговорчески прошептал Фаскол, — меня капитан хотел на рее вздернуть, потому как я одну любопытную тайну выведал.

— Что же за тайна? — в нетерпении спросил Оливье.

— Слышал о капитане Райсе?

Оливье задумался, хлебнул рома:

— Не припоминаю.

— Был такой пират, — сказал Фаскол, выплевывая очередную кость, — я с ним плавал, у него сокровищ было мерено-немеряно: золото, украшения, и эти, как их…

— Бриллианты?

— Нет.

— Изумруды?

— Да нет же, — парень задумался, и даже перестал жевать, — артефакты!

— Какие такие артефакты? — не понял Оливье.

— Тут уж не знаю, но выглядели зловеще.

— Странный тип ты, Фасколь…

— Фаскол Ли, — поправил его парень, четко выговаривая каждый звук.

— Да какая разница после бутыли рома! — гаркнул Оливье, и саданул кулаком по столу.

Парень вздрогнул и вытаращил на него глаза.

— Рассказывай, где сокровища лежат! — крикнул старик.

На них покосились посетители таверны, среди которых были весьма неприятные субъекты. Оливье замолчал и нахмурился. Фаскол продолжил есть, свинина источала аппетитный аромат, и на вид была хороша. Он рвал ее зубами, жевал плохо, а посему ел быстро, тушка поросенка заметно уменьшилась.

— Говори, где сокровища, — сказал Оливье спустя минуту, когда на них перестали обращать внимание.

— А на борт возьмете? Нет мне жизни на этом острове!

— Говори давай, я тебе тридцать крон заплатил, — прошипел Оливье, плохо сдерживая эмоции.

— Что мне тридцать крон? — Фаскол выплюнул хрящ, тот попрыгал по тарелке и затих, — там сокровищ на сто тысяч, а, может быть, на двести или триста. Берите меня на корабль, и считайте, что деньги у вас в кармане.

Оливье почесал бороду, раздумывая на тот счет, что он пьянствует в Порт-Стене какой день, может быть, целую неделю, а капитан наверняка ждет результаты. Старый пират подумал, что

надо предоставить Фрэнсису хоть какой-то плод своего труда.

— Сделаем так, — решил Оливье, — все расскажешь капитану, и он скажет, что с тобой делать.

Фаскол кивнул:

— Но если вздумаете повесить меня на рее, я совсем разочаруюсь в людях.

Алхимики заперлись на втором этаже лавки и уже который час чертили схемы. Ян макнул в чернильницу гусиное перо.

— Давайте сначала, — спокойно предложил он.

— К черту! — крикнул Панагам, — ясно, как день — переделаем все, что после добавления соли!

Ян перелистнул на четыре страницы назад.

— Хорошо, начнем с этого. Какую соль берем?

— А я считаю, нужно переписать весь процесс, используя медь, — настаивал Дин.

Панагам перевел дыхание, пытаясь успокоиться.

— Вот бумага, — он протянул Дину листок, — нарисуй схему. Обрати внимание на процесс ферментации.

Дин, нахмурив брови, взял листок, пододвинул к себе чернильницу.

— Надо было не развлекаться в море, а учить формулы, — упрекнул Панагам, — не говорил бы такие глупости.

Дин не отвечал, перо носилось по бумаге, пункт за пунктом развивая последовательность операций. Спустя минуту он сдался:

— Действительно, не выходит, — буркнул он, — придется фиксировать через соль.

Панагам демонстративно усмехнулся.

— Итак, друзья! — подал голос Ян, — возвращаемся к четвертой странице. Какую соль используем?

— Каменную.

Ян задумался, на уголке листка черканул несколько формул.

— Да, пожалуй, — согласился он, — значит, дистиллируем?

— Фиксируем, — поправил Дин.

Ван Ремм почесал за ухом, зевнул:

— Сколько времени мы не спали? — спросил он.

— Кто знает, — рассеянно проговорил Панагам, перебирая в уме десятки формул и вероятностей.

В комнату, постучавшись, вошла Бонни.

— Доброе утро, — поздоровался Дин.

— Уже восемь вечера, — сказала она.

Дин протер глаза, уставился на часы, мерно стучащие на столике.

— И верно, — пробормотал он.

— Я подготовила лабораторию, — сказала Бонни.

Алхимики брели по городу. Отступил дневной зной, и в воздухе разлилась вечерняя свежесть. Для них было настоящим наслаждением проветриться после долгих часов пребывания в комнате с задвинутыми шторами и закрытым окном — Ян Ван Ремм заботился о секретности.

Уже смеркалось, когда алхимики ступили на порог лаборатории, в которой делали операцию Роберте. Тут-то Дин и вспомнил о ней, вспышкой мелькнул образ: изуродованное лицо. Ему стало совестно, что он позабыл, посвятил все мысли эликсиру. Но теперь оставалось только ждать. Панагам действовал на гране возможностей, Дин признался себе, что в мире никто не сделал бы лучше. Дело было сложным, а ставка высокой.

«Только бы все было хорошо», — обратился он к небесам.

Тем временем алхимики спустились в подвальчик, Панагам уже разжигал печь.

— Итак, немного серебра, — запыхтел Ян, — немного нефрита.

— О! — воскликнул Дин, — может быть, использовать слюду?

Панагам на секунду задумался, но тут же отверг мысль:

— Нет. Можешь взять лист бумаги и просчитать, — сказал он.

— Постой, постой, — торопливо проговорил Дин, — чему эквивалента скорбь в алхимии?

— Купферникель, — не задумываясь, ответил Панагам, который был настоящей энциклопедией, тем более что половина трудов, хранящихся в королевской библиотеке, принадлежала ему.

— Вот и подумай! — торжествующе воскликнул Дин.

— Намекаешь на растворение скорби и последующую варку со слюдой? — хмыкнул Панагам, — еще раз говорю, возьми бумагу и просчитай, прежде чем говорить глупости.

Дин вздохнул:

— Что ж, признаю, в алхимии я вам двоим не ровня.

Ян Ван Ремм не обратил на это внимания, зато Панагам заулыбался за двоих:

— Продолжай работать, и когда-нибудь достигнешь моего уровня, — сказал он.

— Зато он колдун, каких в наше время не найти, — заступился за него Ян, — колдует на уровне мастеров древности!

— Блажь это все, — отмахнулся Панагам. — Алхимия — высшее искусство и высшая наука!

Алхимики взялись за дело. Панагам корпел над котлом. Ян

продолжал высчитывать последовательности, а Дин, будто подмастерье, создавал простейшие смеси и собирал дистиллятор. Исследование только начиналось.

Роберта проснулась: воздух в каюте был сперт, в постели стало нестерпимо жарко. Девушка скинула одеяло, ступни коснулись холодного пола. С трепетом коснулась лица через компресс. Сердце заколотилось от страха. Дрожащими руками пиратка сняла повязку, аккуратно отлепляя ткань от кожи. В глаза ударил свет. Роберта зажмурилась, но вскоре глаза привыкли, и она осмотрелась. Все та же каюта. Будто и не уходила отсюда. Вспомнились события вчерашнего, а, может быть, и позавчерашнего дня, по спине пробежал холодок. Девушка встала, держаться на ногах было непривычно. Едва не падая, она подошла к тумбочке, и тут же взгляду ее предстал отличный кинжал с блестящим лезвием.

Собрав волю в кулак, Роберта повернула его широкой стороной, и увидела свое отражение. Задрожали губы, она судорожно ощупала лицо пальцами. В отражении на нее смотрела измученная, но красивая девушка с правильными чертами лица и очень красивой, здоровой кожей. Не было ни единого шрама или пореза. Роберта помяла и потрепала щеки, кожа растягивалась как обычно, болела, если ущипнуть, другими словами, все было как раньше. Мягкие губы обнажили в улыбке стройный ряд зубов. Роберта разрыдалась от счастья, слезы потекли ручьями. Девушка вернулась в постель и продолжала плакать и судорожно всхлипывать, пока не уснула.

Глава 21. Новый экипаж пиратского флейта

Солнце палило нещадно: на голубом небе не было ни облачка. На пристани, у флейта «Блаженный Липли-Син», собралась толпа желающих попасть в команду — едва ли не половина всего Порт-Стена. Фрэнсис поправил черную треуголку, на плечи лег темный плащ, свет ударил в глаза, и капитан вышел на верхнюю палубу, представ перед сотнями пиратов, собравшихся у корабля. Толпа взревела, приветствуя его.

У трапа стояли Грэм и Роберта, одетые изысканно и пышно. Фрэнсис подумал даже, что вырядились они излишне дорого, будто аристократы, а не морские разбойники. Роберта улыбалась солнышку, но рука ее крепко сжимала новую рапиру самой тонкой работы. Фрэнсис обвел взглядом толпу. Вооруженные до зубов пираты переминались с ноги на ногу и громко переругивались.

— Есть из кого выбрать, квартмейстер? — спросил Фрэнсис.

— Да, капитан, — кивнул Грэм.

— Первый помощник! Вместе с Грэмом отвечаешь за подбор команды.

— Будет сделано, — откликнулась Роберта.

— Начинаем, — кивнул Фрэнсис и, оперевшись о фальшборт, пальнул в воздух из пистолета.

Толпа затихла, ловя каждое слово.

— Я — капитан Фрэнсис Эвери! — крикнул он, — и я намерен покорить море от края до края. Мне нужна лучшая команда! Кто не готов пойти со мной до конца, пусть катится к черту прямо сейчас!

Толпа неистово заревела.

— Начинай набор, — сказал Фрэнсис.

Грэм бросил сходни, и головорезы по одному взбирались на борт. Каждый стремился пролезть вперед, из-за чего завязывались потасовки на кулаках, а чаще с оружием: холодным и огнестрельным.

Квартмейстер спрашивал имя и навыки, хотя для него достаточно было одного взгляда, чтобы определить, подходит ли им этот человек. Право голоса имела и Роберта, и если ей кто-то не нравился, Грэм тотчас отсылал его. Иногда вмешивался и Фрэнсис, чаще наблюдавший со стороны. Пираты косились на него, ведь от такого кровожадного человека ожидать можно чего угодно. Несколько раз Фрэнсис без объяснений отправлял прочь

кандидатов, которых и Грэм, и Роберта были готовы взять в команду. Понемногу шайка собиралась.

Сквозь толпу, страшно ругаясь, пролез Оливье Шарм, таща за собой Фаскола Ли. Когда они подошли к Фрэнсису, рядом шел разговор с очередным пиратом.

— Навигация? — строго спросил Грэм.

— Не обучен, сэр, — прохрипел бандит.

— Фрэнсис, смотри, кого я привел! — воскликнул Оливье.

— Потом, Оливье. Сначала я уточню насчет твоих навыков канонира, — перебил Фрэнсис, — ты умеешь что-то, кроме как поджигать фитиль?

Оливье почесал затылок:

— Собственно, нет.

— Ничего, если я сниму с тебя звание канонира? У тебя и так две должности, ты, должно быть, сильно устаешь…

— Как угодно, канонир я и в самом деле неважный.

— Слышишь, Грэм? Нам еще нужен канонир, — громче сказал Фрэнсис.

— Слышу капитан. А этого берем?

Фрэнсис оглядел охрипшего пирата с ног до головы.

— Роберта, что скажешь?

— Возражений нет.

— Тогда берем.

— Благодарю, капитан, — прохрипел тот.

— Следующий! — рявкнул Грэм, — быстрее, черт тебя раздери!

Оливье снова подставил капитану под нос Фаскола.

— Погоди, Оливье. Дай подумать. Итак, у меня есть первый помощник, квартмейстер, писарь и дипломат, демонолог, вроде все?

— Кажется, да, — задумался Оливье, — так вот, его зовут Фаскол Ли.

— Ты кто такой? — спросил Фрэнсис.

— Я — музыкант.

— О! Музыканта нам как раз не хватает! На чем играешь?

— На дудочке.

Фрэнсис потер нос.

— Ну, сыграй что-нибудь, — сказал он.

— Инструмента нету.

— Грэм, слышишь? — громко сказал Фрэнсис.

— Слышу, — откликнулся тот.

— Музыканта не надо, Оливье уже нашел одного.

— Понял, — кивнул квартмейстер.

— Ну, пойдешь ко мне музыкантом?

— Почему бы и нет.

— Капитан! — спохватился Оливье, — он же тут по другому делу!

— Что такое? — не понял Фрэнсис.

— Секреты, — шепнул Оливье.

— Нашел!?

Оливье глазами указал на Фаскола.

— Молодец, Оливье! Хвалю!

— Да, капитан! — гаркнул Оливье, да так, что очередной соискатель вздрогнул.

— Этого не берем, — сказал Фрэнсис, — слишком нервный.

Грэм показал жестом, что бы тот уходил, и позвал следующего.

— Оливье, тебе следующее задание. Смени свои лохмотья, а то Роберта ругается, что у нас команда оборванцев. Видишь, мне самому пришлось хотя бы в плащ закутаться.

— Есть, капитан! — снова прокричал Оливье.

Грэм и Роберта набрали уже восемь матросов, которые тут же принялись драить палубу и гонять крыс. Оливье отправился к портному, прихватив деньги из выручки от груза специй. Толпа с уважением и страхом расступилась перед ним, и снова сомкнулась, как только он прошел.

— Капитан, этот человек говорит, что он хороший канонир, — сказал Грэм.

Фрэнсис подошел, разглядывая пирата. То был мужчина лет сорока с густой бородой, и светлыми волнистыми волосами ниже плеч.

— Филипп Красс, — представился он.

— Канонир? — уточнил Фрэнсис.

— Да, сэр, я плавал с капитаном Мартином, а после с одноглазым Бальтозаром.

— Отлично, ты в команде, — сказал Фрэнсис. — Спустись на пушечную палубу, в крют-каюту, приведи пушки в порядок. Купи, чего не хватает. Скоро мы отплываем, и все должно работать как часы.

— Есть, капитан, — невозмутимо проговорил Филипп.

— Грэм, навигатора нашел?

— Нет пока, — ответил тот.

Фрэнсис отвел его в сторону.

— Я не хочу видеть в роли штурмана постороннего человека. Понимаешь?

— Не до конца, — признался Грэм.

— Я подумал, лучше бы тебе стать навигатором. Ведь когда ты был капитаном, то сам прокладывал курс?

Грэм задумался.

— Если хочешь, — сказал он, — то так тому и быть, но лучше бы назначить отдельного человека…

— Спасибо, Грэм, надеюсь на тебя, — сказал Фрэнсис, — ах, вот еще что. Как только найдешь кока, отправь в город за провизией, нам должно хватить на три месяца пути.

— Понял, — кивнул Грэм.

Фрэнсис повернулся к Фасколу Ли, который присел отдохнуть на кнехт.

— Так, теперь с тобой, — сказал он, — слезь оттуда, чудик.

Фаскол вскочил на ноги. Капитан отвел его в сторону от любопытных ушей, и сказал:

— Ну, что можешь поведать?

Фаскол немного растерялся, ощутив на плече руку кровожадного пирата, но собрался с духом и заговорил:

— Я знаю, где капитан Райс, ныне покойный, спрятал свои сокровища.

— Сокровища… — задумался Фрэнсис, — насколько ценные?

— Двести, а может быть, и триста тысяч крон. Золото, драгоценности и эти… артефакты.

— Акулу мне в глотку! Двести тысяч! — выругался Фрэнсис. — Пока останешься на корабле. Смотри никому не проболтайся.

— Я — могила! — заверил его парень.

— Смотри у меня, — пригрозил Фрэнсис, — ладно, пока гуляй. Хотя нет, бери швабру и драй палубу.

Фаскол вздохнул и присоединился к другим морякам. Тем временем команда увеличилась еще на двенадцать человек. Фрэнсис довольно кивал и расхаживал кругами. Пока все шло по плану, и беспокоило только одно: что случится, если пираты откроют никчемность капитана как в морском деле, так и в обычной драке?

Глава 21. Новый экипаж пиратского флейта

Солнце палило нещадно: на голубом небе не было ни облачка. На пристани, у флейта «Блаженный Липли-Син», собралась толпа желающих попасть в команду — едва ли не половина всего Порт-Стена. Фрэнсис поправил черную треуголку, на плечи лег темный плащ, свет ударил в глаза, и капитан вышел на верхнюю палубу, представ перед сотнями пиратов, собравшихся у корабля. Толпа взревела, приветствуя его.

У трапа стояли Грэм и Роберта, одетые изысканно и пышно. Фрэнсис подумал даже, что вырядились они излишне дорого, будто аристократы, а не морские разбойники. Роберта улыбалась солнышку, но рука ее крепко сжимала новую рапиру самой тонкой работы. Фрэнсис обвел взглядом толпу. Вооруженные до зубов пираты переминались с ноги на ногу и громко переругивались.

— Есть из кого выбрать, квартмейстер? — спросил Фрэнсис.

— Да, капитан, — кивнул Грэм.

— Первый помощник! Вместе с Грэмом отвечаешь за подбор команды.

— Будет сделано, — откликнулась Роберта.

— Начинаем, — кивнул Фрэнсис и, оперевшись о фальшборт, пальнул в воздух из пистолета.

Толпа затихла, ловя каждое слово.

— Я — капитан Фрэнсис Эвери! — крикнул он, — и я намерен покорить море от края до края. Мне нужна лучшая команда! Кто не готов пойти со мной до конца, пусть катится к черту прямо сейчас!

Толпа неистово заревела.

— Начинай набор, — сказал Фрэнсис.

Грэм бросил сходни, и головорезы по одному взбирались на борт. Каждый стремился пролезть вперед, из-за чего завязывались потасовки на кулаках, а чаще с оружием: холодным и огнестрельным.

Квартмейстер спрашивал имя и навыки, хотя для него достаточно было одного взгляда, чтобы определить, подходит ли им этот человек. Право голоса имела и Роберта, и если ей кто-то не нравился, Грэм тотчас отсылал его. Иногда вмешивался и Фрэнсис, чаще наблюдавший со стороны. Пираты косились на него, ведь от такого кровожадного человека ожидать можно чего угодно. Несколько раз Фрэнсис без объяснений отправлял прочь

кандидатов, которых и Грэм, и Роберта были готовы взять в команду. Понемногу шайка собиралась.

Сквозь толпу, страшно ругаясь, пролез Оливье Шарм, таща за собой Фаскола Ли. Когда они подошли к Фрэнсису, рядом шел разговор с очередным пиратом.

— Навигация? — строго спросил Грэм.

— Не обучен, сэр, — прохрипел бандит.

— Фрэнсис, смотри, кого я привел! — воскликнул Оливье.

— Потом, Оливье. Сначала я уточню насчет твоих навыков канонира, — перебил Фрэнсис, — ты умеешь что-то, кроме как поджигать фитиль?

Оливье почесал затылок:

— Собственно, нет.

— Ничего, если я сниму с тебя звание канонира? У тебя и так две должности, ты, должно быть, сильно устаешь…

— Как угодно, канонир я и в самом деле неважный.

— Слышишь, Грэм? Нам еще нужен канонир, — громче сказал Фрэнсис.

— Слышу капитан. А этого берем?

Фрэнсис оглядел охрипшего пирата с ног до головы.

— Роберта, что скажешь?

— Возражений нет.

— Тогда берем.

— Благодарю, капитан, — прохрипел тот.

— Следующий! — рявкнул Грэм, — быстрее, черт тебя раздери!

Оливье снова подставил капитану под нос Фаскола.

— Погоди, Оливье. Дай подумать. Итак, у меня есть первый помощник, квартмейстер, писарь и дипломат, демонолог, вроде все?

— Кажется, да, — задумался Оливье, — так вот, его зовут Фаскол Ли.

— Ты кто такой? — спросил Фрэнсис.

— Я — музыкант.

— О! Музыканта нам как раз не хватает! На чем играешь?

— На дудочке.

Фрэнсис потер нос.

— Ну, сыграй что-нибудь, — сказал он.

— Инструмента нету.

— Грэм, слышишь? — громко сказал Фрэнсис.

— Слышу, — откликнулся тот.

— Музыканта не надо, Оливье уже нашел одного.

— Понял, — кивнул квартмейстер.

— Ну, пойдешь ко мне музыкантом?

— Почему бы и нет.

— Капитан! — спохватился Оливье, — он же тут по другому делу!

— Что такое? — не понял Фрэнсис.

— Секреты, — шепнул Оливье.

— Нашел!?

Оливье глазами указал на Фаскола.

— Молодец, Оливье! Хвалю!

— Да, капитан! — гаркнул Оливье, да так, что очередной соискатель вздрогнул.

— Этого не берем, — сказал Фрэнсис, — слишком нервный.

Грэм показал жестом, что бы тот уходил, и позвал следующего.

— Оливье, тебе следующее задание. Смени свои лохмотья, а то Роберта ругается, что у нас команда оборванцев. Видишь, мне самому пришлось хотя бы в плащ закутаться.

— Есть, капитан! — снова прокричал Оливье.

Грэм и Роберта набрали уже восемь матросов, которые тут же принялись драить палубу и гонять крыс. Оливье отправился к портному, прихватив деньги из выручки от груза специй. Толпа с уважением и страхом расступилась перед ним, и снова сомкнулась, как только он прошел.

— Капитан, этот человек говорит, что он хороший канонир, — сказал Грэм.

Фрэнсис подошел, разглядывая пирата. То был мужчина лет сорока с густой бородой, и светлыми волнистыми волосами ниже плеч.

— Филипп Красс, — представился он.

— Канонир? — уточнил Фрэнсис.

— Да, сэр, я плавал с капитаном Мартином, а после с одноглазым Бальтозаром.

— Отлично, ты в команде, — сказал Фрэнсис. — Спустись на пушечную палубу, в крют-каюту, приведи пушки в порядок. Купи, чего не хватает. Скоро мы отплываем, и все должно работать как часы.

— Есть, капитан, — невозмутимо проговорил Филипп.

— Грэм, навигатора нашел?

— Нет пока, — ответил тот.

Фрэнсис отвел его в сторону.

— Я не хочу видеть в роли штурмана постороннего человека. Понимаешь?

— Не до конца, — признался Грэм.

— Я подумал, лучше бы тебе стать навигатором. Ведь когда ты был капитаном, то сам прокладывал курс?

Грэм задумался.

— Если хочешь, — сказал он, — то так тому и быть, но лучше бы назначить отдельного человека…

— Спасибо, Грэм, надеюсь на тебя, — сказал Фрэнсис, — ах, вот еще что. Как только найдешь кока, отправь в город за провизией, нам должно хватить на три месяца пути.

— Понял, — кивнул Грэм.

Фрэнсис повернулся к Фасколу Ли, который присел отдохнуть на кнехт.

— Так, теперь с тобой, — сказал он, — слезь оттуда, чудик.

Фаскол вскочил на ноги. Капитан отвел его в сторону от любопытных ушей, и сказал:

— Ну, что можешь поведать?

Фаскол немного растерялся, ощутив на плече руку кровожадного пирата, но собрался с духом и заговорил:

— Я знаю, где капитан Райс, ныне покойный, спрятал свои сокровища.

— Сокровища… — задумался Фрэнсис, — насколько ценные?

— Двести, а может быть, и триста тысяч крон. Золото, драгоценности и эти… артефакты.

— Акулу мне в глотку! Двести тысяч! — выругался Фрэнсис. — Пока останешься на корабле. Смотри никому не проболтайся.

— Я — могила! — заверил его парень.

— Смотри у меня, — пригрозил Фрэнсис, — ладно, пока гуляй. Хотя нет, бери швабру и драй палубу.

Фаскол вздохнул и присоединился к другим морякам. Тем временем команда увеличилась еще на двенадцать человек. Фрэнсис довольно кивал и расхаживал кругами. Пока все шло по плану, и беспокоило только одно: что случится, если пираты откроют никчемность капитана как в морском деле, так и в обычной драке?

Глава 22. Фрэнсис на улицах Порт-Стена

Раздался взрыв, по стенам пошли трещины, осыпалась штукатурка. Едкий дым вперемешку с горячим паром и пылью заполнил лабораторию. Первым из помещения выбрался Ян Ван Ремм, отплевываясь и откашливаясь. Глотнув свежего воздуха и оглядевшись, осознал, что выбрался один. Помялся на пороге, и уже хотел было возвращаться за другими, как ему навстречу вылетел Панагам, хватая ртом воздух.

— Определенно, почти получилось, — проговорил он, тяжело дыша.

— Где Дин!?

Панагам соскреб с языка штукатурку и оглянулся:

— Чертов сопляк, — процедил он сквозь зубы.

Послышался кашель, тяжелые шаги, из клубов черного дыма на свет выбрался Дин. Он свалился на пол, и пополз, надрываясь от кашля, а слезы текли ручьями, размазывая грязь по лицу. Дин перевернулся на спину и тяжело задышал, наслаждаясь чистым воздухом.

— Клянусь всем несотворенным, мы были близко! — воскликнул Ян.

— Очень близко, — подтвердил Панагам.

— Где-то была ошибка, — сказал Дин, вытирая слезы и стряхивая с волос грязь и пыль.

— Согласен, — откликнулся Ян, — надо меньше селитры, я так думаю. Идем же, теряем время!

Алхимики вышли из дома, и Ян запер дверь. Из щелей заструился дым.

— Сколько времени мы уже не спали? — спросил Дин.

— День… или два, — ответил Панагам.

— Нет, — задумался Ян, — когда мы начали, было утро? Или вечер? С тех пор прошло дня три, кажется.

— Может, и правда поспать? — предложил Дин.

— А меня взрыв порядочно взбодрил, — проговорил Панагам, — теперь не усну, да и вертятся в голове формулы… записать бы.

Они остановились у лавки, и Ян зашел внутрь. Навстречу ему выбежала Бонни, встревоженная поднявшимся шумом.

— Скорее, неси бумагу! — Ян Ван Ремм стряхивал с полок в сумку многочисленные мешочки, пузырьки и коробочки. Едва Бонни притянула ему кипу чистых листов, как он чуть ли не выбежал на улицу, хлопнув дверью и потрясая мешком.

— Засыпаю на ходу, — пожаловался Дин, когда они вышли на широкую улицу, полную разношерстного сброда, что со всего света съезжается в Порт-Стен, город, где не действуют королевские законы, а царят пиратские обычаи.

— Слабак, — сказал Панагам.

— Вот поэтому я и не хотел с тобой работать! — не выдержал Дин.

Алхимики прошли еще несколько миль по грязным улочкам Пираты косились на них, но трогать не решались. Вторая лаборатория Яна выглядела совсем по-другому. Это был ничем не примечательный деревянный домик, таких кругом предостаточно. Два этажа, крыша из дранки, обшарпанные стены и рассохшаяся дверь.

— А мы не сгорим? — скептически поинтересовался Панагам.

— Будем осторожнее, — ответил Ян, отпирая замок.

Внутри оказалось пыльно и светло, стоял низкий стол и пара стульев, а в следующей комнате располагалась лаборатория. Панагам разложил схемы, а Дин развел огонь в алхимической печи и взялся протирать колбы.

Небо затянули темные тучи, грозно опускаясь над морем. Началась сильная качка. Хауэлл коснулся пера, задумался. Жирная клякса, воспользовавшись рассеянностью пишущего, упала на лист.

Единственное место на свете, где канцлер был бессилен, находилось на пиратском острове Порт-Стен, но именно там необходимо было действовать.

Хауэлл достал из стопки новый лист, но слова не складывались в предложения, писалось вязко и трудно, и он бросил это занятие. Обтер пальцы от чернил, и задумчиво поглядел на статуэтку короля Теадора Третьего, облупившуюся от времени.

Сэр Дайтоб получил в командование Семнадцатый флот Его Величества и погоны контр-адмирала. Двадцать два корабля подошло к Порт-Стену, оставшись, однако, на безопасном расстоянии от острова. Хауэлл рассердился от одной мысли, что на свете есть такое ужасное место, где царит беззаконие. Будь его воля, он бы отправил туда весь королевский флот и сравнял город с землей. Но Короне было выгодно каперство. Даже самопровозглашенный губернатор Порт-Стена, который презирает любые законы, кроме своих — в прошлом был пиратом и состоял на королевской службе.

Курс на остров был закрыт для правительственных кораблей. Те, кто заплывали в эти опасные воды по вине штурмана или по

какой-то другой причине, немедленно бывали атакованы и разбиты. Хауэлл раздумывал, что, ежели выйдет уничтожить последнее пристанище морских разбойников, проклятый Порт-Стен, то можно будет покончить с пиратством раз и навсегда.

Канцлер потянулся и потряс головой, отбрасывая бесполезные мысли: сейчас необходимо было думать о том, как выкурить Фрэнсиса Эвери в открытое море, где с ним можно было бы расправиться. Позавчера пришло сообщение от осведомителя из Порт-Стена, в котором говорилось, что «вокруг интересующего их пирата собралась команда числом в сорок шесть человек. Дин Лайлойд, так же замеченный там, в сотрудничестве с местным алхимиком Яном Ван Реммом занимается исследованиями характера презренного и богомерзкого».

Хауэлл догадался, что речь идет об эликсире, наделившим Фрэнсиса огромной силой, и ужаснулся, представив, что случится, если они напоят зельем всю команду. Рисовалась катастрофа впечатляющего масштаба. Канцлер смекнул, что под это дело вполне можно получить под руководство весь флот, а, может быть, и армию. Сладкие картины всплывали в мозгу, Хауэлл задумался, а стоит ли наносить удар по Фрэнсису сейчас — если дать ему время, то можно будет подняться еще выше. Канцлер растер лицо ладонями, собираясь с мыслями, и щелкнул по громадному, поднятому кверху носу Теадора Третьего, точнее, по его статуэтке.

«Нет, — подумал он, — брать надо сейчас. Неизвестно, насколько велики возможности Лайлойда. Ясно же, что он — заводила в этой компании».

Который день у Хауэлла болела голова, и настроение было плохим, и он решил как можно быстрее довести дело до конца. В дверь постучали, и вошел солдат, доложив, что пришло сообщение голубиной почтой. Канцлер оживился, служивый подал ему свернутый клочок бумаги и вышел. Вооружившись лупой, Хауэлл приступил к чтению.

Осведомитель из Порт-Стена донес, что удалось купить расположение знаменитого наемника-пирата под именем Нойль Элонь. Теперь необходимо только подать сигнал об атаке на лабораторию. Канцлер дочитал и поднес бумагу к зажженной свече, лист загорелся, спустя мгновение черный пепел осыпался на стол.

Спустя минут двадцать в каюту вошел Дайтоб.

— Пришло время действовать, — сказал он решительно.

— Я купил наемника по имени Нойль Элонь, — апатично проговорил Хауэлл.

— Я слышал, он сущий безумец, и веревка по нему плачет, — сказал Дайтоб, — не зазорно вам работать с такими?

— Бросьте, — отмахнулся Хауэлл и вздохнул, — расскажите лучше, как ваши успехи.

— Мои агенты заявили о готовности, — важно сказал Дайтоб, усевшись на стул, — я вижу, вы что-то невеселы сегодня.

— И то правда, — вздохнул Хауэлл, — хандра замучила. Я бы, сейчас, честное слово, вернулся б домой и спокойно пожил в тишине. По сосновому лесу погулял, в кресле посидел. Вы знаете, сколько времени я трубку нормально не курил? Все как-то урывками, только начну, уже приходится тушить.

— Схватим сейчас этого злодея, и сможете отправиться на отдых.

Хауэлл грустно усмехнулся.

— Кабы так! Потом еще интереснее игра начнется, — сказал он.

— Что вы подразумеваете?

— Вы хотите стать адмиралом? Как насчет главнокомандующего?

Дайтоб вскочил, как ошпаренный.

— Вы что такое говорите! Вы мне разве что корону не предложили…

— Корона мне и самому нужна, — задумчиво произнес канцлер.

— Что вы!? — испугался Дайтоб. — Я прошу, не говорите при мне такие вещи! Не хватало мне отправиться вместе с вами на виселицу!

— Не берите в голову, — Хауэлл выпрямился на стуле, и шумно выдохнул, пытаясь взбодриться. — Для начала надо силой взять рецепт эликсира, — сказал он. — Приведите все корабли в боевую готовность. Эвери наверняка попытается сбежать с острова. Было бы неплохо схватить его живым.

— Король будет доволен! — воскликнул Дайтоб.

— Да что вы все о короле, мыслите шире.

— Перестаньте! — возмутился Дайтоб.

Хауэлл слабо улыбнулся и взялся за перо.

— Я напишу, чтобы наемник сегодня ночью атаковал алхимиков, ваши агенты пускай приходят за ним следом, — сказал он.

— Главное, что б они с острова выбрались живыми вместе с рецептами, — неуверенно проговорил Дайтоб.

Они задумались.

— Если чертежи попадут кому-то, кроме нас, случится катастрофа.

— Пусть отправят с голубем, — предложил Дайтоб.

— Вы не знаете алхимиков? Они три слова пишут на трех листах, бумагу совершенно не жалеют. Ни один голубь не дотащит.

— А может, просто уничтожим, что б никому не досталось?

Хауэлл вскинулся, чтобы возразить, но потом задумался.

— Нет, все-таки нет, — сказал он, поразмыслив, — сэр Дайтоб, эти бумаги слишком важны. Мы должны рискнуть.

— Наверное, вы правы. Хотелось бы, конечно, заполучить рецепт, — сказал Дайтоб, — представьте, какие возможности откроются перед нами! Усилим королевскую армию, флот, победим всех врагов, остановим пиратство! Как славно станет!

— Кое в чем вы правы, — согласился Хауэлл, — возможности откроются колоссальные. Вопрос в том, как их употребить.

— Если вы хотите намекнуть на свержение Короны, — нахмурился Дайтоб, — то, прошу вас, воздержитесь.

— Что вы! Как вы могли о таком подумать!?

— Не прикидывайтесь, — рассердился Дайтоб.

— Перестаньте, — отозвался Хауэлл, — у меня и так хандра, вы усугубляете.

Спустя час, согласовав действия всех участников операции, канцлер и контр-адмирал отправили голубиной почтой сигналы о времени начала операции — через час после заката. Теперь оставалось только надеяться на кровожадность наемника, который должен убить всех, кроме агентов Дайтоба, которым придется завершить работу, захватив рецепт эликсира в свои руки.

Хауэлл предложил выпить вина, дабы скоротать время, но Дайтоб отказался, и они принялись чаевничать, ожидая хоть каких-то вестей.

За час до заката, Фрэнсис, закутавшись в плащ, покинул корабль. В первом же переулке, не успел отойти и полусотни шагов от судна, его окружили, противно улыбаясь, несколько бандитов с ножами и кортиками, предложив ему раскошелиться.

— А не прогуляться бы вам до морского дна и обратно? — мрачно поинтересовался Фрэнсис, хотя и понимал, что теперь, когда он потерял демоническую силу, даже такие грязные разбойники с легкостью побьют его. На этот счет он не строил иллюзий, но по-другому ответить не мог, поскольку уже крепко вошел в роль бесстрашного капитана Эвери. На счастье, один из бандитов узнал его высокую треуголку, и, приглядевшись, понял, что угрожает тому самому капитану, перед которым стоял давеча, просясь в команду. Он крикнул, что это, дескать, тот самый, и

бандитов как ветром сдуло.

Фрэнсис пожал плечами и пошел дальше. Уже взошел месяц, тускло освещая улицы этого странного города, где никогда не горят фонари. Скоро предстояло выйти в море, команда уже была набрана, а Дин так и не появлялся на корабле с тех пор, как привел Роберту. Без него продолжать плаванье они не могли, к тому же, Фрэнсису хотелось поблагодарить алхимиков, которые совершили чудо, восстановив Роберте лицо.

Перекресток. Однообразные, сокрытые во мраке дома, луна над головой, теплая и спокойная ночь, свежий воздух. Фрэнсис мог бы назвать это ощущением свободы, если бы не та зудящая мысль, что он заблудился. Подумал, что надо было выходить засветло, тогда были бы шансы добраться до места. Хотя он и не знал, где искать Дина, но предполагал, что отыщет его в лавке Ван Ремма, о которой тот упоминал дважды. Темнота сгущалась, и Фрэнсис почувствовал, что ходит по кругу.

На следующем перекрестке он встретил двух пьяных в доску пиратов.

— Здорово, братишки, — сказал Фрэнсис, подходя к ним.

— Да ты… Да я тебя! — запинаясь, хрипло проговорил один из них.

Фрэнсис не успел моргнуть, как его окружило двадцать дюжих молодцов с ножами, дубинами, и рогатинами. Пират, который заговорил с ним первым, ни с того ни с сего протрезвел:

— Кто такой будешь? — спросил он, сплюнув на землю.

— Капитан Фрэнсис Эвери, — громко представился он, раздумывая, что делать: стрелять и бежать или сразу бежать.

Окружившие его разбойники зашевелились. До ушей Фрэнсиса донесся шепот: бандиты решали, верить ему или нет, а так же раздумывали, не перепадет ли им что-то с головы Эвери, хотя королевский двор награду вроде бы не назначил. Наконец, посовещавшись, они вынесли вердикт, и один из них объявил:

— В общем, это… Можешь идти, куда шел.

— Да черта с два! — усмехнулся Фрэнсис.

— Не понял, — прохрипел бандит.

— Вы потратили мое время, теперь так просто не отделаетесь.

Разбойники снова зашептали.

— Ты это, не наглей, — неуверенно проговорил разбойник, — ты все-таки один.

— У меня было хорошее настроение, — сказал Фрэнсис, — которое вы попытались испортить. Придется отрабатывать.

— Ты это… чего удумал? — с тревогой в голосе спросил бандит.

— Лавку Ван Ремма знаете? — спросил Фрэнсис.

— Алхимика что ли? Знаем, как же.

— Доведете меня туда, и сочтемся.

Разбойники обеспокоено загудели.

— Мочить его надо, и дело с концом! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Кому это жить надело!? — взревел Фрэнсис.

Все замолчали, над улицей повисла тревожная тишина.

— Ладно уж, чего рассуждать-то, — прошепелявил кто-то, — помочь известному пирату — хорошее дело.

— Всяко знамо! — поддержал другой.

— Ну, — решился хриплый бандит, — не признали сразу, ну и… это самое.

Фрэнсиса довели до лавки Ван Ремма за какую-то четверть часа, да и еще и под надежным конвоем: перед такой толпой случайные прохожие ныряли в переулки, скрываясь из виду. Фрэнсис признался себе, что без сопровождения он плутал бы здесь до самого утра. У дверей лавки он дал бандитам короткое напутствие бросать мелкий разбой на суше и выходить в море, дабы стать благородными пиратами. Они обещались так и сделать, и он их отпустил.

Свет в окнах не горел. Фрэнсис постучался. В ответ — тишина. Походив из стороны в сторону, он забарабанил еще раз, посильнее. Внутри дома послышались шаги, у двери кто-то остановился, и раздался женский голос:

— Кто пришел?

— Я ищу Дина Лайлойда, — громко сказал Фрэнсис.

— Дина Лайлойда здесь нет.

— Это разве не лавка Ван Ремма?

— Это она.

— Прошу, позовите в таком случае господина Ремма.

— Его здесь тоже нет, — донеслось из-за двери.

— Откройте, прошу! Мне совершенно необходимо узнать, где находится Дин.

— Кто вы?

— Фрэнсис Эвери.

Стало тихо, из дома более не доносилось ни звука, потом дробно застучал засов, и дверь открылась. Бонни жестом пригласила гостя войти.

— Вы спали? Простите, что потревожил, — сказал он.

— Нет, не волнуйтесь.

— Позвольте узнать ваше имя?

— Бонни Ван Ремм, дочь господина Ремма, — представилась она, — а вы и есть капитан Фрэнсис Эвери?

— Это я.

— Дин говорил, что вы ни капли не страшный, а я не верила, — сказал Бонни.

— Отчего же я должен быть страшным? — удивился Фрэнсис.

— Много чего рассказывают.

— Не верьте.

— Простите, я держу вас в дверях… проходите!

— Нет, благодарю, — сказал Фрэнсис, — мне необходимо узнать, где находится Дин, и я сразу же отправляюсь туда.

— Он вместе с моим отцом и господином Панагамом находятся в лаборатории, — ответила Бонни.

— Опять заплутаю, — буркнул Фрэнсис под нос, а вслух сказал: — Как мне добраться туда?

— Если позволите, я вас провожу, — сказал она.

— Нет, не смею вас тревожить. Просто расскажите. Я прекрасно ориентируюсь на местности, а этот город мне почти как родной.

Бонни объяснила, что необходимо вернуться на главную площадь, свернуть в третий переулок после таверны, на вывеске которой нарисован крокодил, и пройти до перекрестка. После чего отсчитать седьмой дом по правой стороне, это и будет лаборатория. Фрэнсис поблагодарил, и хотя ничего не понял, сказал, что ему не составит труда пройти по такому пустяковому маршруту.

«Надо было брать с собой Оливье, — подумал Фрэнсис, — он то излазил Порт-Стен вдоль и поперек».

— Ах да, — спохватился Фрэнсис, — Дин рассказал мне, что вы помогали проводить операцию. Огромное спасибо!

— Что вы! Я ничего не делала, все это заслуга господина Панагама и моего отца.

— Дин сказал, что вы помогали, и этого мне достаточно. Если однажды вам понадобится помощь, то можете обращаться ко мне. Я не забываю тех, кто оказал услугу мне или моей команде.

Бонни улыбнулась.

— Доброй ночи, — попрощался Фрэнсис, выходя на улицу.

Бонни пожелала ему удачи в поисках, и дверь в лавку захлопнулась.

Фрэнсис развернулся, раздумывая, куда ему идти. Решил, что, направо, и, весело насвистывая, зашагал по переулку, высматривая в темноте своих проводников — разбойников, но улица была пуста.

«Придется искать», — с горечью подумал капитан.

Глава 23. Единственный в мире пират-наемник

«Время повернулось вспять», — подумал Нойль Элонь.

Ему вдруг стало ясно, что жизнь завязалась в цикл, и он снова проживает тот самый момент, с которого началась его карьера наемника. Тогда за пустяковое дело ему предложили огромную сумму в золоте. Одиннадцать лет прошло с тех пор, как его фальчион впервые опробовал вкус крови. С того момента наемник никогда более не расставался с мечом. Нойль считал его чем-то большим, нежели просто оружием, меч стал его единственным товарищем. Тогда, одиннадцать лет назад, им двоим заказали убийство алхимика. Нойль расправился с жертвой и вернулся за платой. Наниматели не согласились оплатить работу. Тогда Нойль Элонь убил всех, но меч потребовал еще крови, и пришлось продолжить мясорубку, располосовав случайных прохожих. За это Нойля объявили в розыск, но ему удалось уйти от правосудия, скрывшись на пиратском корабле. В команду он вступать не стал, а сделался наемником. После этого Нойль Элонь стал известен среди пиратов. Много воды утекло с тех пор, а он так и остался единственным в мире пиратом-наемником.

«Все повторяется, — решил Нойль, шагая по улицам Порт-Стена, — снова придется пролить кровь алхимиков. Жаль, что мне заплатили вперед. А то бы пришлось убить всех».

Нойль Элонь положил руку на эфес фальчиона, убедившись, что тот готов к бою. Хотя меч служил ему уже много лет, но имени у него не было. И не потому, что Нойль его никак не назвал, а потому, что его нельзя было называть, у него не могло быть имени.

Ночь окончательно опустилась на город, тусклая луна скрылась за порванными полотнищами облаков, сгустился мрак. Нойль давно уже слушает шепот тьмы, отдается на ее милость, и она помогает, ведь нет ничего естественнее, чем наступление ночи. В этом его преимущество перед остальными — он принимает мир таким, какой он есть.

Наемник шагал, наслаждаясь ночью. Он уже представил, как убил алхимиков. Как наяву увидел их мертвые тела. Он знал, что если вообразить заранее, то никаких проблем не возникнет. Вот он врывается в лабораторию, меч сам собой ложится в руку — удар, другой, третий — и жертвы падают на пол. Меч получит кровь, Нойль отработает деньги, и они возвратятся домой. Там наемник оботрет клинок и ляжет спать.

Тьма уступила кусочек пространства бьющему из окошка свету. Нойль остановился, прислушался. Тишина. Наемник деликатно постучал по стеклу. Спустя пару секунд показалось осунувшееся лицо молодого парня, измазанного в саже. Он вопросительно посмотрел на Нойля. Тот кивнул на дверь, призывая открыть. Из дома послышалось ругань: кто-то кричал, что следует послать этого негодяя заглянуть в сундук Дэви Джонса, но спустя минуту дверь все-таки приоткрылась.

— Прошу прощения за столь поздний визит, — сказал Нойль.

— Вы кто? — нахмурился Дин.

— Извините, это здесь находятся три алхимика, промышляющие делами презренными и богомерзкими?

Дин оглянулся назад, алхимики обменялись парой слов, и он снова обернулся к незнакомцу.

— Вы попали по адресу, — подтвердил он.

— Очень хорошо, — успокоился Нойль, — было бы некстати тратить время на поиски. Мне заплатили золото, чтобы я убил вас троих. Так что, защищайтесь!

Фальчион еле заметно мелькнул в воздухе, точным движение Нойль направил его прямиком в горло Дина. Алхимик дернул дверь, и лезвие впилось в дерево. Он выкрикнул заклинание, бесшумная и невидимая сила отправила наемника в полет шагов на двадцать.

Громыхнул засов, тишина и покой вернулись на улочку, только вот меч торчал из двери.

— Доигрались! — Ян метался по лаборатории, собирая записи.

— Бежать надо! — крикнул Дин, — на корабль!

Панагам хладнокровно заряжал пистолет.

— Записи, — запаниковал Ян, — что с ними делать!?

— Дьявол! — выругался Дин, — быстро же они прознали, что эликсир готов!

— Заткнулись оба! — рявкнул Панагам.

— Как же быть!? — заныл Дин, выглядывая на улицу.

— Отойди от окна! Одна пуля, и отправишься на тот свет. Демоны тебя не любят, много их тревожил при жизни.

Ян собирал листки с записями, раскиданными по комнате.

— Так что же делать?!

— Я беру эликсир и покидаю остров, — сказал Панагам, — уничтожим записи, рецепт и без того помним. Ян идет в лавку к Бонни, и отсиживается там. Дин возвращается на корабль.

— Постой-ка, а с чего это эликсир ты себе берешь? — возмутился Дин.

— Ты и в такой ситуации решил пыль поднять!? — вышел из

себя Панагам.

— Я предлагаю взять Бонни, эликсир, и всем вместе отправится на корабль! — воскликнул Дин, — там будем в безопасности.

Стекло разлетелось вдребезги, треснула рама, и в глаза ударил яркий магический свет, ослепляя алхимиков — такие хитрости используются тайной полицией Короны. Дин услышал, как через окно пролезло несколько человек. Опасаясь в любой момент удара, он выкрикнул заклинание. Раздался глухой треск, короткая вспышка огня молнией пронеслась из стороны в сторону, запахло сгоревшей пылью, а то же мгновение прогорел и воздух. Зрение вернулось, Дин увидел, что в лаборатории, помимо его друзей, находятся еще шесть человек в черном одеянии с короткими клинками. Лица их закрывали темные маски.

Все в помещении, кроме Дина, задыхались, глаза выражали испуг и недоумение. Дин точным ударом сбил с ног ближнего к нему противника, тот тяжело рухнул и пополз к окну. С короткой вспышкой, будто всполохом костра, в помещение вернулся воздух. И нападавшие, и обороняющиеся, задышали полной грудью, будто вынырнули на поверхность после долгого погружения.

— Чертов колдун! — выругался Панагам, — всех чуть не угробил!

— Заткнись! — зашипел Дин.

Агенты Дайтоба приходили в себя. Навстречу им вылетел Ян, хищно оскалившись, с аркебузой наперевес. Грянул выстрел. Кортик брякнул об пол, нападающий, хрипя, упал. Дин шепнул заклинание, и неведомой силой королевских агентов подкинуло под потолок, как игрушечных, и шмякнуло вниз. Тела замерли без движения.

— Все, я ухожу, — хмуро сказал Панагам, перешагивая через них, и пряча бутылочку с эликсиром во внутренний карман. — А главное ведь, уже получилось! Не дали испытать!

Он скинул засов и распахнул дверь. За ней стоял, не двигаясь, Нойль Элонь, из носа его струилась кровь.

— Мне не сказали, что будет колдун, — проговорил он, — придется убить за это всех.

Панагам резко направил на него пистолет. Щелкнул курок и грянул выстрел. Наемник оказался чуть быстрее, лезвие фальчиона коснулось дула, и пистолет оглушительно разорвался прямо в руке алхимика. Тот отпрянул, хватаясь за рану. Нойль ворвался в дом, ударом ноги отбросил Панагама прямо на Дина, они столкнулись и упали на пол. Ян прицелился и выстрелил из

аркебузы. Нойля снесло как от пушечного выстрела. Кровь брызнула на стены. Ян вздохнул, положил оружие на стол. Панагам яростно ругался, стискивая раненые пальцы.

Нойль с перекошенным лицом снова вскочил на ноги, меч взмыл вверх, в один прыжок наемник оказался у Яна, и фальчион опустился на него. Дин вовремя произнес заклинание, Нойля отбросило в одну сторону, меч полетел в другую, слышно было, как у наемника затрещали кости. Ян, придя в себя, снова схватился за аркебузу.

— Добей его наконец! — крикнул Панагам.

С улицы грянул шквал выстрелов — алхимики бросились на пол. В дом как вихрь влетело еще с десяток человек в черной одежде и с кортиками. Ян вскинул аркебузу, но поздно — агенты уже схватили Панагама, приставили лезвие к горлу Дина.

— Не двигаться! — крикнул один из агентов.

— Всем бросить оружие, — вторил ему знакомый голос. Все оглянулись — на порог ступил Фрэнсис. Он заметил под ногами фальчион, отброшенный заклинанием, и поднял его.

— С этой секунды лаборатория переходит под контроль Фрэнсиса Эвери, — проговорил он, неумело покрутив мечом.

Агенты замешкались. Но вдруг раздался страшный крик:

— Отдай!

Из темноты выскочил Нойль Элонь и ринулся на Фрэнсиса. Агенты решили, что он собирается напасть на них, и бросились в контратаку. Нойль смел двоих, получил кортиком в бок, но еще два агента разлетелись по сторонам. Ярость ослепила наемника, он устремился вперед, видя только свой меч в руках чужака. Не думая ни о чем другом, наемник стал уязвим, и в спину его вонзилось клинки. Нойль неестественно изогнулся, принимая боль, но даже не обернулся, а только сделал еще один шаг к Фрэнсису. Дин выкрикнул заклятие, и противников, оставшихся на ногах, отшвырнуло к противоположной стене. Агентам этого хватило, а вот Нойль снова поднялся на ноги, хрипя от боли, с губ его капала слюна и кровь, глаза сделались звериными.

— Он бессмертен!? — воскликнул Ян, целясь из аркебузы.

— Стреляй же! — выкрикнул Панагам.

Раздался выстрел, пуля угодила Нойлю в спину, он упал на колени, потом перевалился на бок и затих. Фрэнсис неторопливо прошел на середину комнаты.

— Что происходит-то!? — спросил он, удивленно осматривая тела.

— Бежим! — воскликнул Дин, — теперь точно!

— Бумаги, бумаги, — запричитал Ян Ван Ремм, вновь собирая разлетевшиеся листки.

— Бросай, — строго сказал Панагам, — шкуры спасать надо.

Фрэнсис кивнул и вышел из дома первым, сжимая в руке фальчион Нойля Элоня. И тут же забежал обратно, громко захлопнув дверь.

— Их там человек пятьдесят, — объявил Фрэнсис.

— Пропали, — пробормотал Ян.

— Эликсир готов? — спросил Фрэнсис.

— Только доделали, и… — Дин замолчал, размышляя о превратностях судьбы.

— Дайте мне выпить, — Фрэнсис повертел в руках меч.

— Черта с два, — фыркнул Панагам, — не для тебя делали.

— Помни, что я пират, и отбираю силой то, что мне надо.

— Не угрожай мне! — гаркнул Панагам.

— Эликсир отдай, — грозно проговорил Фрэнсис.

— Отдай ему, — сказал Дин, — напоследок хоть эксперимент проведем!

— Я не против, — пожал плечами Ян.

— Пусть идет к черту, — проворчал Панагам, — я лучше сам выпью.

Он вынул из кармана пузырек. Все напряженно замерли. Алхимик отвернул и отбросил крышку, она стукнулась о половую доску, Панагам поднес горлышко к губам, но получил удар под дых. Фрэнсис вырвал у него пузырек и в один глоток опустошил емкость. Вся феерия красок, что только существует в мире, ударила в глаза, все звуки природы захлестнули разум, каждая частичка тела умерла и родилась заново. Терзая рассудок, пронесся вихрь эмоций и чувств. Белвел явился в мир людей, шепнул на ухо Фрэнсису о своей злобе, и вселился в его тело, дабы служить до тех пор, пока не сумеет вырваться на свободу. К Фрэнсису вернулся разум, и опьяняющая сила перешла в подчинение. Он почувствовал себя всесильным, и дико рассмеялся.

— Ублюдок, — прошипел Панагам.

— Не обижайся, — весело сказал Фрэнсис, — сваришь себе новый эликсир. Отсюда есть другой выход?

— Нет, — придя в себя, откликнулся Ян.

— Значит, сделаем! — Фрэнсис рванул вперед и разнес стену в щепки. — За мной!

— Бумаги, записи… рецепт! — беспомощно выкрикнул Ян.

— Оставьте рецепт! Он им не пригодится! — воскликнул Фрэнсис. — Теперь, за мной!

Ян побежал в образовавшийся проем, следом рванул Дин, а за ним и Панагам. Фрэнсис вылетел на улицу, и бросился вперед, упиваясь свободой и приливом демонической силы. На

перекрестe он остановился — погони не было. Спустя некоторое время, тяжело дыша, его нагнали алхимики.

— Ублюдок, — прохрипел Панагам, — я тебя достану.

— Бежим к нам на судно, — предложил Дин, на что Ян возразил:

— Я отправляюсь в лавку, там Бонни.

— Ее возьмем с собой, — Фрэнсис оглядывался по сторонам.

— Я отправляюсь на материк завтра же с утра, — проговорил Панагам, зло смотря на Фрэнсиса, — и твою выходку не забуду.

— Я укроюсь в лавке, — сказал Ян, — она стоит добрых шестнадцать лет, и успешно отразила почти сорок налетов.

— Тогда, удачи вам, — сказал Фрэнсис, — мы с Дином покидаем Порт-Стен. И вот еще, чуть не забыл: я выражаю вам сердечную благодарность за помощь Роберте.

— Это была твоя сердечная благодарность!? — заорал Панагам, тыкая в него пальцем.

— Можешь ругать меня сколько хочешь, от того моя благодарность не станет меньше. Когда-нибудь верну вам долг. А пока — прощайте.

На перекрестке они разбежались. Фрэнсис пропустил Дина вперед, чтобы тот указывал дорогу. Оглянулся: Ян и Панагам скрылись в ночи. А пиратам пришло время снова отправляться в плаванье. Слишком долго они были на суше.

Часть 3. Сокровища капитана Райса

Глава 24. В море!

До рассвета оставался еще час-другой. Ветер, ликуя, поднимал серые волны высоко к небу. Море не желало потопить флейт, отчаливший от Порт-Стена, а лишь показывало свою силу. Смотрите, говорило оно, насколько безгранично мое могущество: пока я всего лишь играю, но могу и рассердиться по-настоящему.

Фрэнсис и Дин, не встретив препятствий, вернулись на корабль, и тут же подняли всю команду. Корабль покинул тихие воды острова, а очень скоро чистое небо сменилось грозовыми тучами, закрывшими звезды. На паруса набросился сильный ветер.

Флейт шел, распарывая волны, поднимаясь и опускаясь, словно плечи великана, с ленцой шагающего по равнине. На верхней палубе неистовствовал Грэм, отдавая приказы матросам. К ним вышел Фрэнсис, собираясь набраться премудрости управления кораблем. Но вскоре отвлекся, проникшись величием бушующего моря. Фрэнсиса охватило ощущение могущества только оттого, что он бросил вызов неукротимой стихии, оттого, что встал с ней вровень. В лицо бил ветер и капли воды, дышалось нестерпимо сладко.

Шторм отступил мгновенно, не успев начаться. Ветер успокоился, волны притихли, и судно мерно пошло вперед. Но Фрэнсис не почувствовал себя победителем, он знал, что стихия наигралась и уступила им дорогу.

С утра небо заволокло высокими серыми тучами, они бежали, пеленой нависая над водной гладью. Теперь для флейта «Блаженный Липли-син» предстояло определить курс. В капитанской каюте Фрэнсис собрал совет, куда вошла постоянная пятерка, а так же Фаскол Ли. Ожидая Фрэнсиса, все сидели молча, за исключением Фаскола, нарушавшего тишину извлечением звуков из тонкой дудочки. Получалось неумело, мелодия не складывалась, звуки были уродливы и грубы.

— Заткнись! — не выдержала Роберта.

— А мне даже нравится, — возразил Оливье.

Фаскол поблагодарил его, но инструмент все же спрятал, боязливо косясь на Роберту.

Вошел Фрэнсис, объявив пиратский совет. На стол Грэм положил толстый атлас, нарисованный неизвестным, но талантливым географом, в масштабе один к пяти тысячам. Фрэнсис сказал, что для начала следует выслушать уважаемого Фаскола, и решить, скормить его акулам или же повесить на рее.

Тот обиделся, хотя Фрэнсис и оговорился, что это только шутка. Оливье подбодрил парня, тот прокашлялся, раздумывая, с чего бы начать рассказ. Роберта положила ногу на ногу, и пристально посмотрела на него.

— Я вообще-то музыкант, — неуверенно начал Фаскол, коснувшись кармана, где покоилась дудочка, — с этого все и началось. Играл я там, сям… Но талант мой понятен не многим, потому я часто получал по шее.

Фаскол бросил короткий взгляд на Роберту и продолжил:

— Однажды я играл на улице, радуя прохожих, и ко мне подошел один неприятный тип, предложил купить корабль по дешевке. Дело было беспроигрышным, я отдал все свои сбережения, коих было немало — полсотни золотых крон! Привел он меня, значит, в порт, и говорит: вот твой корабль, забирай на здоровье. Шикарный фрегат был, потрепанный немного, но дело поправимое. Только я обрадовался и взошел на палубу, как нагрянула полицейская инспекция. Говорят, мол, этот корабль я отбил у какого-то купца, не помню точно, или даже у самого Короля, чушь в общем! Я ничего не отбивал, понятное дело, и посему случаю нырнул за борт. Плаваю я на высшем уровне, в этом никто не усомнится. В двух словах, ушел я от них. Но куда потом деваться было? Я же на острове тогда был — бежать некуда. А в порт как раз зашло пиратское судно. Пришлось к ним проситься. Капитан поначалу показался мне добродушным, он вошел в положение и пригласил на борт. Спустя несколько дней мы покинули остров, инспекция и рядом к нам подходить боялась, подмогу ждала, наверное.

Капитана звали Райс, знаменитый пират был. Мои настоящие таланты он не оценил, и мне пришлось драить палубу. С этой ужасной командой я провел целых два месяца, а потом мы попали в ловушку королевского флота. Первый раз удалось уйти, но отступаться они не собирались и вели нас к материку, загоняли, как охотничьи псы загоняют лисицу. Мы сумели оторваться почти на день пути, и оказались в безопасности, но дело состояло в том, что в трюме у нас лежали сокровища, награбленные еще до того, как я попал на борт. Капитан Райс решил, что пусть он сам попадет в лапы правосудия, но вот пиратского золота им не видать.

В полдень одного дня вахтенный доложил, что по правому борту лежит небольшой остров. Его не было на карте, и никакой другой земли поблизости не располагалось, потому капитан и решил спрятать там сокровища. Пираты перевозили богатства лодками. Они отправились на остров, а мне этого видеть было нельзя, потому я остался на корабле. Но краем глаза кое-что

видел: несколько лодок золота, разные монеты, все больше старые, статуэтки, слитки. Потом украшения с камнями, много их было. И целая лодка артефактов. Ходили слухи, что магических. У нас колдуна не было, поэтому просто спрятали их вместе с другими сокровищами. Через неделю, когда мы приблизились к материку, капитан напился даже сильнее обычного, и в голову ему взбрело, что я видел, куда они прятали драгоценности. Я сказал, что ничегошеньки не видел, а кок, до чего противный был человек, тоже начал поддакивать, что я все видел и разболтаю. Так или иначе, они решили вздернуть меня на рее. Мертвые не болтают, так сказал капитан. И в этот самый момент меня спасло чудо. Нас атаковал королевский флот! Команда была пьяна, мало кто на ногах стоял, поэтому нас обстреляли, порвали паруса, пробили корпус. Судно пошло ко дну, но я-то плаваю превосходно. Я не только остался жив, но и отплыл так далеко, что военные меня не увидели или решили не преследовать. Думали, что сам утону, посреди моря. Как бы не так! Я ухватился за доску и дрейфовал в море двое суток. Страшно было, но мне везет по жизни. На третьи сутки меня подобрал проходящий мимо корабль одноглазого Бальтозара. Пираты, конечно. Он узнал, что я из команды Райса, и очень обрадовался, что нас потопили. Но меня не тронул, а доставил в Порт-Стен, за что я ему спасибо сказал от всей души. В Порт-Стене я ошивался месяца два-три, пока не встретил Оливье Шарма. Теперь я с вами.

Наступила тишина, все молчали, обдумывая сказанное.

— Почему ты рассказал это Оливье, а не кому-то другому? — спросила Роберта.

— Если честно, мне очень хотелось кушать, а никто более не предлагал за мой секрет деньги.

— Оливье, сколько ты ему заплатил? — спросил Фрэнсис.

— Тридцать крон, — ответил тот.

Фрэнсис потер переносицу:

— Вернемся к делу. Ты можешь показать остров на карте?

— Я плохо ориентируюсь в географии, но попробую, — ответил Фаскол.

Грэм развернул к нему атлас. Музыкант поморщился, и неуверенно перелистнул пару страниц.

— Покажи место, где вас потопили, — подсказал Грэм.

Фаскол полистал, и задумчиво ткнул пальцем на карту.

— Сколько вы добирались до Порт-Стена? — уточнил квартмейстер.

— Неделю… или две.

Грэм покачал головой, посмотрел на Фрэнсиса:

— Он сам не знает.

— Ясно теперь, почему ты никому не рассказывал о сокровищах! — воскликнула Роберта. — Понятно, тебя любой вздернет, чтобы вспоминалось лучше! Еще и Оливье ограбил на тридцать крон!

— Нет, я помню, где это, — поспешно сказал Фаскол, — только показать не могу. Это разные вещи! Тут я не соврал ни капельки. Если бы не знал, другое дело…

— Спокойно, друзья, — сказал Фрэнсис, — давайте думать вместе. Первый помощник, что скажешь?

— Выкинем его за борт, — пожала плечами Роберта.

Фаскол хотел что-то сказать, но Фрэнсис погрозил ему пальцем, показывая, что ему слова пока не давали.

— Квартмейстер, твой вердикт? — продолжил капитан.

— Блуждать по морю можно бесконечно. Проще отыскать иголку в стоге сена, — сказал Грэм.

— Понял тебя. Оливье, что скажешь?

— Вовсе и не жалко мне тридцать крон, зато музыкант появился.

— Судовой демонолог, как смотришь на этот вопрос? — спросил Фрэнсис.

— Я слышал, в былые времена колдуны играли с памятью, — сказал Дин, — можно попробовать вторгнуться к нему в голову и выудить нужные сведения. Успех гарантировать не могу.

— И в последнюю очередь слово переходит к музыканту.

— Я, честное слово, покажу место на карте! — горячо заговорил тот, вытаращив глаза, — вот увидите, прямо сейчас и найду, только не надо мне голову удить!

— Нет проблем, показывай, — кивнул Фрэнсис.

Грэм снова повернул атлас к Фасколу. Тот закряхтел, запыхтел, судорожно перелистывая страницы. Он нашептывал названия островов, течений и проливов, потом перешел на города и селения, некоторые из которых находились на материке.

— Азимут, азимут, — Фаскол, перебрав все знакомые ему топонимы, теперь зациклился на этом слове, — какой же это азимут!?

Пираты терпеливо ждали вердикта, но Фаскол и не думал указывать на место, где их ждали сокровища. Спустя минут пять, не выдержав более, Роберта накричала на него, и Фаскол в тот же момент ткнул пальцем на карту.

— Здесь! — торжественно произнес он.

Все склонились над атласом.

— Но тут ничего нет, только океан, — произнес Грэм.

— Я и говорил, что этого острова нет на карте! Это замечательный секретный остров, ну!

— Врет он все, — хладнокровно сказала Роберта.

— А я считаю, нужно дать шанс, — проговорил Оливье.

Грэм посмотрел на них и повернулся к капитану:

— Что думаешь?

Фрэнсис побарабанил пальцами по столу. У Фаскола забегали глазки, в любой момент он ожидал от Роберты очередной провокации.

— Слишком запутано, — подумав, сказал Фрэнсис, — будем действовать методами колдовства.

— Я отказываюсь! — вскочил Фаскол.

— Деньги уже уплачены, — сказала Роберта, — а секрет мы так и не получили.

— Я хочу немедленно сойти на берег!

— Без музыканта мы не обойдемся, — улыбнулся Фрэнсис, — успокой его, Дин, скажи, что колдовство в данном случае безопасно и безболезненно.

— Рад бы, да не могу, — ответил тот, — придется срезать скальп и раскрыть череп.

Фаскол побледнел, губы беззвучно зашептали молитвы.

— Но могу предложить алхимию, — сказал Дин, — сейчас мне в голову пришел один преинтересный рецепт. Он просто выпьет зелье, и расскажет все, как было.

— Это какое-то издевательство, — проскрипел Фаскол.

— В таком случае, капитан, куда держать курс? — спросил Грэм.

— Дрейфуем. До тех пор, пока Дин не подготовит эликсир.

Судовой демонолог Густав Клиффер сосредоточенно изучал бумаги из лаборатории Ян Ван Ремма. Рядом сидел сэр Хауэлл. Агенты Дайтоба сумели доставить записи алхимиков в целости и сохранности. Хауэлл загорелся идеей создать эликсир в обход короля, и обратился к демонологу, служащему на флагманском судне Семнадцатого флота. Густав Клиффер внимательно осмотрел заметки, прочел каждое слово. Хауэлл терпеливо ждал, пока тот рассматривал десятки схем и формул. В конце концов, Густав неожиданно заявил, что ничего не смыслит в алхимии, что он, дескать, демонолог, эликсиры не по его специальности. Хауэлл раздраженно забрал бумаги к себе в каюту, и до самого материка больше не доставал их.

В то время как Хауэлл ступил на твердую землю, Дайтоб оставался в море, продолжая преследование Фрэнсиса. Канцлер взял на себя все обязательства по общению с королем. Первым делом, оказавшись на суше, Хауэлл подумывал обратиться к

независимым алхимикам, исключая королевскую академию. Но время не ждало, король требовал результатов. Под строжайшим секретом Хауэлл передал записи в гильдию алхимиков, и отправился в королевский дворец. Его обещал принять лично Теадор Третий, но неожиданно захворал, и с канцлером говорил первый адъютант короля. Хауэллу это не понравилось и он говорил кратко и по только существу. В двух словах: Фрэнсис Эвери, использовав немыслимую демоническую силу, сумел сбежать от специально обученных агентов, но в руки им попал рецепт эликсира, который столь интересует Его Величество. Отныне создание зелья Белвела становится лишь вопросом времени. Адъютант выслушал, пообещав передать королю все слово в слово, и Хауэлл покинул дворец.

Спустя сутки появилось предположение насчет третьего алхимика, который, помимо Дина Лайлойда и Яна Ван Ремма, участвовавшего в создании эликсира. Хауэлл оказался удивлен, что все указывало на сэра Панагама. Но факты говорили против него: он без предупреждения отбыл несколько недель назад в неизвестном направлении и с тех пор не вернулся и не подал ни единой весточки, что очень радовало прочих королевских алхимиков, которые терпеть его не могли — в отсутствие Панагама гильдия задышала свободно. Нынешнее его местонахождение было неизвестно, так же как и Дина Лайлойда. Чего нельзя было сказать о Яне Ван Ремме, который вместе с дочерью находился в своей лавке в Порт-Стене. Выкурить его оттуда не представлялось никакой возможности, поскольку он находился под защитой самопровозглашенного губернатора Порт-Стена, лорда Мейнинга. А кроме того, следует помнить о чудесной алхимической лавке, способную выдержать осаду целой армии. Говорят, много лет назад ее заколдовал великий чародей Крийнолей.

Прошел день, потом еще один. Хауэлл ждал вестей из гильдии. Как только они сделают образец, канцлер предоставит его королю и, несомненно, тот проявит милость и наградит его. А если Дайтоб сумеет поймать Эвери за это время, то все выйдет в высшей степени превосходно. На третий день пришли хорошие новости, и Хауэлл сломя голову поехал в гильдию. Алхимики показали ему готовый эликсир, сказав, что сам по себе он прост в приготовлении, и только неразборчивый почерк клятого Панагама мешал им в работе.

Первым добровольцем вызвался сам Хауэлл. Алхимики долго отговаривали, он же был непреклонен. В итоге, после получасовой подготовки, под наблюдением пяти авторитетных ученых, Хауэлл выпил из пузырька мутную жидкость.

— Я ничего не чувствую, — сказал он.

Алхимики заявили, что так сразу не подействует, и попросили подождать. Спустя полчаса они осмотрели подопытного. Хауэлл выпил четыре эликсира-индикатора, и ни один не дал положительного результата. Тогда у него взяли кровь и за час сварили самое надежное зелье-указатель. Оно тоже не выявило изменений в теле Хауэлла. Канцлер рассердился, в результате алхимики выслушали массу оскорблений и угроз. Хауэлл подробно рассказал им, насколько они бездарны, и что один Панагам стоит их всех вместе взятых. Канцлер отдал распоряжение привести зелье Белвела в рабочее состояние до праздников, которые начинались через два дня.

Вечером, накануне всекоролевского фестиваля, Хауэлл вновь появился на пороге гильдии. Ему был предоставлен новый образец. На этот раз канцлер не решился опробовать его на себе, потому подопытным объявили щуплого практиканта. Тот дрожащими руками принял хрустальный пузырек и, зажмурившись, выпил.

— Ничего не чувствую, — жалобно сказал он.

— Сразу и не подействует, — авторитетно сказал седовласый ученый.

Хауэлл приберег оскорбления для кульминации событий. Подождали час, потом другой, но с практикантом так ничего и не произошло. Его прогнали прочь, и тут канцлер уже не стал сдерживаться. Алхимики услышали в свой адрес много грубых выражений, и обещали все исправить сразу после праздников, то есть через пять дней. Хауэлл, взбесившись, заставил их работать без выходных, и поставил крайний срок для приготовления действующего эликсира на конец фестиваля.

Все королевство весело провело праздники, люди наряжались для маскарадов и гуляли по улицам. Дети и взрослые, мужчины и женщины — все отдыхали пять праздничных дней. Единственными, кто трудился в этом время, оказались алхимики королевской гильдии. Поминая лихим словом бессердечного канцлера, под конец фестиваля они предоставили завершенное зелье Белвела.

Хауэлл явился донельзя мрачный. Алхимики сдержанно поздоровались, и перед канцлером появился новый подопытный. Это был уборщик, выходящий через месяц на пенсию. Он очень испугался, но зелье отпил.

— Я что-то чувствую, — проговорил он, вращая глазами, — нет, показалось…

Алхимики смотрели на него как на последнюю надежду.

— Совсем ничего, — сказал он, разводя руками.

Проведя все необходимые эксперименты, применив к работнику четыре простых индикатора и один надежный, ученым пришлось признать, что снова чего-то не хватило. Хауэлл, хмурясь, сказал, что теперь пусть ищут другую работу, и покинул здание гильдии. Алхимики лишь усмехнулись ему вслед: они здесь уже долгие годы ничего не делают, но выгнать их сложнее, чем сдвинуть с места форт Бланкальер.

Фрэнсис ворвался в каюту Дина, торжественно напевая старинную пиратскую песню.

— Ты чего!? — демонолог испуганно вскочил с койки.

— Опять, опять! — Фрэнсис хохотал от души.

— Снова пытались?

— Да! Это так веселит!

Дин присел на койку и протер глаза, по каюте из стороны в сторону расхаживал Фрэнсис.

— А я говорил, что ничего у них не выйдет! Говорил же?

Дин растерянно кивнул:

— Не понимаю, почему тебя это так радует. И не могу взять в толк, отчего ты это чувствуешь?

— Мне трудно объяснить, — сказал Фрэнсис, — просто я ощущаю, когда Белвела пытаются призвать в другое место, хотя это столь же результативно, как пытаться соломинкой сдвинуть булыжник. А радуюсь я оттого, что мы провели вокруг пальца правительственных псов! Я же говорил тебе, что Белвел един.

— Странно, что так и оказалось, — проговорил Дин, — все считали, что Белвел многолик, что легко выйдет вселить его в сотни людей. Но знаешь, я сейчас беспокоюсь о другом… Лишь бы с Бонни, Яном и Панагамом все было хорошо.

— Панагам точно не пропадет. Ян хвалил свою лавку, а Бонни с ним. Все сложится вполне приемлемо, — ответил Фрэнсис.

— Мне б твою уверенность.

— Отбрось сомнения. Послушай, Дин, меня мучает один вопрос…

Дин прилег:

— Говори.

— Нельзя ли предотвратить, или хотя бы предугадать момент, когда демон вырвется снова? Не уверен, что переживу второй раз.

— Не знаю, — Дин потер бровь, — не могу сказать, исследование не завершено. Пришлось прервать изыскания, как видишь… Но ты и сам чувствуешь, что это зелье куда совершеннее прежнего, ты начал чувствовать демона, это говорит

о высшем уровне исполнения.

Они помолчали.

— А как насчет памяти Фаскола? — спросил Фрэнсис.

Дин повернулся на бок, лицом к стене.

— Пока не обустрою лабораторию, ничего делать не буду. Я профессионал, в конце концов.

— Я бы не стал торопить, но Грэм говорит, что кораблю нужен курс.

— Все сделаю, — буркнул Дин, — когда я тебя подводил?

— Никогда.

Глава 25. Курс на дьявольский остров

Прошло три дня. Фрэнсис, задумавшись, рассеяно наблюдал за Дином. В импровизированной судовой лаборатории витали десятки ароматов, едких, безвкусных, перетекающих друг в друга. В каюте царил полумрак. Дин корпел над колбой. В кипящую жидкость цвета сосновой смолы он насыпал с длинной ложки зеленоватый порошок, трижды отмеренный на крошечных весах. Зелье поменяло цвет на ядовито-желтый, а потом, будто передумало и вернулось в прежнее состояние.

— И последний штрих, — просопел Дин, слизывая с верхней губы капельки пота.

Алхимик со скрипом вытащил пробку из пузырька темного стекла, рукой поманил к носу запах, вдохнул. Оставшись довольным операцией, Дин чистой ложечкой на тонкой ножке достал щепотку порошка цвета ржавчины. Взгляд упал на весы, Дин коснулся их, но после передумал и сыпанул сразу в колбу. Повалил пар, жидкость застыла, превратившись в густую пасту белого цвета. По каюте разошелся запах сопревшего сена. Дин, закусив губу, разочарованно посмотрел на колбу.

— Проветрить, может? — растерянно спросил Фрэнсис.

— А, чтоб тебя! — выкрикнул Дин. Колба оказалась у него в руке, и спустя секунду вдребезги разбилась о палубу. Разлетелись осколки, пузырясь, растеклась белая паста.

Дин стиснул зубы, новая колба встала в штатив, под ней загорелась спиртовка. Сосредоточенный и злой, Дин твердой рукой сыпал ингредиенты, на этот раз тщательно взвешивая. Фрэнсис отрешенно смотрел на осколки и на пасту, которая все большим пятном расползалась по каюте.

— Это не опасно? — спросил он.

— Не мешай, — буркнул Дин.

— Ты посмотри: мне кажется, оно живое, и хочет меня сожрать.

— Приберись лучше, чем отвлекать меня!

— Сам разбил, а мне убирать.

Дин не ответил, потому как смешивал перетертые побеги белладонны вместе с порубленными листьями жимолости, что более месяца настаивались на спирту. Фрэнсис поглядывал на расползающееся пятно, но лень оказалась сильнее.

— Вот забавно будет, — проговорил Фрэнсис, — войдет сейчас кто-нибудь, посмотрит — а нас лужа съела. Все в панику, аврал, звонят в рынду. Собирают команду, а лужа взяла и уползла. Бегут туда, бегут сюда — пусто. И только два

изглоданных тела — капитана и демонолога — напоминают о трагедии. Роберта в слезы, Оливье допивает бочонок рома, Фаскол играет грустную мелодию, провожая нас в последний путь. Грэм, ясное дело, на пустяки не отвлекается, а начинает охоту на монстра. Пираты обследуют корабль дюйм за дюймом, но ничего — пусто. И вдруг — бабах! — обнаруживают течь. Это наша лужа прогрызла дно, чтобы потопить всех. Проявляя недюжинную силу и стойкость, команда заделывает брешь, но ужасное зло до сих пор где-то на корабле. Оно неуловимо и смертельно опасно. Вот наступает полночь, и людям надо спать. Грэм выставляет дозорных, и все ложатся в трюме, потому как вместе безопаснее. Только Фаскол смеется им в лицо и уходит спать в каюту. Наутро, когда все просыпаются, то видят, что дозорные мертвы, и бегут к Фасколу, но его обглоданное тело в неестественной позе застыло под койкой, а глаза выражают предельный ужас. В гневе пираты снова обыскивают корабль, заглядывают в каждую бочку, поднимают каждый канат, и все бестолку. Монстр не появляется, когда его ищут, и только когда кто-то отделяется от команды, то нападет и убивает несчастного. Тот страшно кричит, на вопли бегут люди, но уже поздно. Их встречает истерзанное тело, торчат белые кости, мясо свисает кусками. Так проходит день за днем, пираты не спят, многие сходят с ума. По одному, медленно и жестоко, чудовище убивает всех… А все потому, что один алхимик был слишком ленив и не захотел вытереть пятно.

— Как же ты меня достал, — пробубнил Дин. Ногой он выгнал из угла тряпку и бросил на пасту. Грязный кусок ткани поелозил из стороны в сторону, впитывая жидкость и собирая осколки стекла. Дин развернулся.

— Теперь все? — устало спросил он.

— Историю мне испортил, — пожаловался Фрэнсис, — загубил монстра в зародыше. А знаешь, что будет после того, как он уничтожил всю нашу команду?

— Заткнись, заткнись, Фрэнсис! — раздраженно проговорил Дин, — последний штрих…

Демонолог сыпанул в колбу порошок ржавый порошок, поднялся пар, зелье стало изумрудно-янтарным и засветилось изнутри, будто зажглась свеча.

— Получилось, — облегченно выдохнул Дин, и бессильно присел рядом с Фрэнсисом, — зови всех, готово.

Спустя четверть часа в лаборатории собрались Грэм, Фаскол, Дин, Роберта и сам капитан.

— Пей, — Дин подбадривающее покивал.

Фаскол покрутил головой, ища возможность сбежать, но все

пути были отрезаны.

— Ладно уж, изверги! Чем меня только не пытались убить, но я везучий, — сказал Фаскол и отважно опустошил колбу. — Ничего не чувствую.

Дин кивнул, и Грэм раскрыл атлас.

— Покажи нам остров, где зарыт клад капитана Райса.

Взгляд Фаскола вспышкой стал проницательным и тяжелым, парень резко перелистнул пару страниц, потом несколько назад. Пробормотал себе под нос что-то про вест-зюйд-вест, семь дней пути и четыре узла. Пальцы грубо схватились за лист, чуть не порвали, Фаскол судорожно нашел нужную страницу, глаза пробежались по ней, и он указал на островок посреди моря.

— Тут, — проговорил он не своим голосом и потерял чувства. Фрэнсис сдвинул его в сторону, и внимательно поглядел на карту.

— Что думаешь, Грэм?

— Вполне возможно. Только он говорил, что острова нет на карте. С другой стороны, атлас этот на редкость подробный.

— Значит, меняем курс?

— Нет, капитан, — проговорил Грэм, — туда не советую. Сам посмотри, как островок-то называется.

— Сколоперкос, — прочитал Фрэнсис.

— Остров дьявола, — вполголоса сказала Роберта. — Поговаривают, что там водятся драконы, мантикоры и химеры. Опаснейшее место!

— Глупости, — возразил Дин, — мантикоры вымерли лет триста назад. Существование химер и вовсе не было подтверждено. До сих пор не ясно, есть ли они на самом деле. Что касается драконов, то понятно, что на острове их быть не может. Они живут вдали от моря, обычно на болотах.

— Но люди говорят, — сказал Грэм, — даже рядом проплывать опасно. Драконы могут напасть с воздуха.

— Драконы не умеют летать, — снова возразил Дин, — у них нет крыльев, они живут в болотной тине, в трясинах, изредка встречаются речные драконы, они живут в иле. На море не бывает драконов.

— А как же морской змей? — удивилась Роберта.

— С драконами он не имеет ничего общего. До сих пор неизвестно, кто он — житель нашего мира или странник между измерениями. Существуют предположения, что это воплощение одного из верховных демонов, имя которого я не стану произносить вслух. Он настолько могущественен, что может беспрепятственно воплощаться в мире людей в образе этого чудовища.

— Не пугай нас своими страшилками, — сказал Фрэнсис, вчитываясь в название острова, — скажи лучше, что думаешь по поводу Сколоперкоса?

— Драконов там точно нет, мантикор и химер тем более. Но если ходят такие слухи, какая-то опасность все-таки присутствует. Но тогда неясно, почему команда капитана Райса без проблем высадилась, зарыла клад и уплыла. Либо Фаскол что-то перепутал, в чем я сомневаюсь, за эликсир могу поручиться, либо… не знаю что.

Роберта пнула Фаскола, тот очнулся, неразборчиво пробормотав что-то, встал на ноги.

— Я же говорил, меня ни один яд не берет, — сказал он, протирая глаза.

— Уверен, что плыть надо сюда? — Грэм ткнул пальцем на карту.

— Я не знаю, — промямлил Фаскол, — я туда показал? Того острова не было на карте.

— А если увидишь остров, то узнаешь? — спросил Фрэнсис.

— Узнаю? Да, должен. Ой, что-то я сегодня не в духе.

— Он не помрет? — спросила Роберта.

— Эликсир безопасен, — сказал Дин.

— Тогда берем курс на Скол… — Фрэнсис вновь обратился к атласу, — на Сколоперкос. Есть возражения?

— Есть, — нахмурился Грэм. — Судя по всему, это очень опасное место. Когда я был капитаном, обходил этот остров за десятки миль. Мы даже не уверены, есть там ли сокровища. Для чего рисковать?

— Тогда решим голосованием, — сказал Фрэнсис, — я за. Грэм?

— Против.

— Роберта?

— Против.

— Дин?

— Я за, — кивнул демонолог.

— Где Оливье!?

Позвали за Оливье.

— А меня не будете спрашивать!? — удивился Фаскол.

— Нет, пожалуй, — сказала Роберта.

Вошел Оливье, еле держась на ногах и размахивая бутылкой рома.

— Оливье, дружище, — начал Фрэнсис, — мы тут подумываем, а не отправиться ли нам на остров, кишащий страшными монстрами, но на котором ждут нас несметные богатства. Роберта и Грэм против, Дин и я хотели бы рискнуть.

Два на два. Ты как?

— Я!? — взревел Оливье, — да все чудища в мире разбегутся прочь, лишь завидев меня на горизонте! Я — гроза морей!

— Значит, решено, — кивнул Фрэнсис, — меняем курс!

Кругом мельтешили мухи. В глазах носились желтые, оранжевые, зеленые пятна. Нойль Элонь стоял, прислонившись к стене деревянного дома, по колено в крапиве. Мир кружился и плавал.

Главное — не хотелось убивать. Чувство, почти позабытое пиратом-наемником. Нойль бесцельно побрел по улице, пытаясь вспомнить что-то важное, и вдруг озарило — фальчион пропал. Круг замкнулся. Все вернулось к моменту, когда у Нойля еще не было меча.

Дома по левую руку закончились, значит, наемник уже на окраине. Центр города — оживленное место, а здесь царило безмолвие, и джунгли постепенно брали свое: растительность проникала в заброшенные дома, расползалась по гниющим стенам и обочинам дорог. Нойль больше не мог идти. Нет фальчиона — нет цели. Накатила страшная слабость, и наемник улегся прямо посреди дороги. Солнце назойливо светило в глаза, слепило даже сквозь закрытые веки. Нойль перевернулся, и тут, словно наваждение, показался алхимик. Один из тех, кто забрал фальчион. Наемник вскочил, но фигура уже скрылась за углом. Ноги не слушались, ломило кости. Сапоги шлепали по лужам, дыхание мгновенно сбилось, в голове застучали молотки.

— Стой! — крикнул Нойль Элонь, уже отчаявшись догнать алхимика.

Ян Ван Ремм остановился, обернулся уже на пересечении с другой улицей. Наемник, пыхтя, доковылял до перекрестка.

— Ты живой!? — в неподдельном изумлении воскликнул Ян Ван Ремм.

— Алхимик, — прохрипел Нойль, падая на колени, — где фальчион!? Отдай, или тебе конец!

Ян пристально изучал его:

— Да ты едва дышишь, — сказал он, — и что мне с тобой делать?

— Отдай фальчион, алхимик! — Нойль чуть ли не рыдал, — только об этом прошу!

Наемник закашлялся, куртка на боку была пропитана кровью, лицо покрылось потом.

— Отдай мой меч! — снова прохрипел Нойль, уже теряя сознание.

Стены, густо обмазанные глиной, толстые балки, смотрящие с потолка. Сквозь рваные занавески еще сочился свет закатного солнца. Нойль Элонь очнулся в старинном доме в теплой постели. Раны кто-то обработал и перевязал.

Наемник больше не мог терпеть спертый воздух, дрожа, присел на кровати. В комнату вошел лысый старик с кувшином воды.

— Пей.

Нойль судорожными глотками выпил все до последней капли.

— За тебя уплачено только до завтра, так что в твоих интересах выздороветь быстрее, — сказал старик, забирая кувшин.

— Что это за методы лечения? — откашлявшись, спросил Нойль.

— Неблагодарный…

— Кто заплатил?

— Знаменитый алхимик. Ян Ван Ремм.

Нойль попросил повторить имя, чтобы лучше запомнить.

Наутро следующего дня старик-лекарь прогнал Нойля. Тот, хромая, вышел на улицу. А спустя добрых два часа блуждания по городу ввалился в лавку Ян Ван Ремма. За прилавком стояла Бонни. Наемник присел на пол, в горле его пересохло и нестерпимо хотелось пить.

— Добрая девушка, прошу, пить!

Бонни замешкалась, но спустя минуту в руках наемника оказалось ведерко чистой ключевой воды.

— Вы бродяга? — спросила она.

— Я больше не хочу убивать. Что мне делать?..

— Кто вы? Уходите, пожалуйста.

— Нет, нет! Не прогоняй меня! — испугался Нойль, — мне некуда идти, фальчион украли. Ты знаешь вора? Его зовут Ян Ван Ремм.

Бонни попятилась, отошла за прилавок, но наемник не двигался, только пил взахлеб.

— Я так любил свой меч! Мы с ним были неразлучны. Он приказывал мне убивать, и я проливал кровь. Это было чудное, прекрасное время! А потом круг замкнулся. Фальчион украли, а я — да, да! — я стал бродягой, ты права, добрая девушка, все так. Мне теперь нужно вернуть его, ты понимаешь?

— Вы напугаете посетителей, уходите, прошу вас!

— Тут нет никого, — Нойль отставил пустое ведерко в сторону, — не прогоняй меня. Ты знаешь Яна Ван Ремма?

— Знаю.

Нойль сразу оживился:

— Правда?! Ты знаешь, где его найти?

Бонни помедлила.

— Говори же, говори! Где мне найти алхимика?

— А зачем он вам?

— У тебя такая короткая память! — упрекнул наемник, — я только что говорил, что он украл у меня меч.

— Такого не могло быть!

Хлопнула дверь, на пороге появился Ян Ван Ремм.

— Алхимик! — воскликнул Нойль.

— Ты уже здесь?! Клянусь всем несотворенным, я не видел никого более живучего!

— Отдай мой фальчион, алхимик! — прокряхтел Нойль, поднимаясь на четвереньки.

— Он пришел и требует какой-то меч, — испуганно сказала Бонни, — ты знаешь его?

— Знаю, — кивнул Ян, — он приходил убить нас.

Собрав волю в кулак, Нойль кое-как встал.

— Да, приходил, — сказал он, — что было, то было! Кто старое помянет, знаешь, как говорят?! Отдай меч. Отдай, или я распотрошу тебя!

Ян Ван Ремм молча прошел мимо, скрипнула половая доска. Нойль злобно наблюдал, как алхимик неторопливо вешает куртку на крючок.

— Я тебе жизнь спас, — напомнил Ян.

— Что было, то было. Кто старое помянет… Отдай меч!

— Нет у меня меча.

— Где он?

— У Фрэнсиса Эвери. Если тебе нужен проклятый меч, то иди и забери у него! — Ян принялся перебирать микстуры в шкафчике.

Нойль Элонь постоял с минуту, раздумывая.

— Спасибо за воду, — коротко сказал он и вышел. Хлопнула дверь.

— Правильно ли было отправлять его к Фрэнсису? Он кажется опасным.

— Они пираты, — ухмыльнулся Ян, — хочется им приключений, так пусть развлекаются. Впрочем, наемник надолго застрял в Порт-Стене. Без своего меча он никто… А у нас нет алмазной пыли?

— Есть, отчего же не быть.

Флейт шел легко, ветер играл в парусах, по верхней палубе

сновали матросы. Фрэнсис минутой ранее выступил перед ними с воодушевляющей речью о том, что они бросают вызов всем дьяволам в мире и плывут за сокровищами капитана Райса. В качестве доказательства он показал им Фаскола, который испуганно сжимал в руках дудочку и раскланивался перед пиратами. Фрэнсис прогнал его, и еще долго рассказывал во всех красках, какие невероятные богатства скоро им достанутся.

Шел день за днем. Фрэнсис проводил время, изучая возможности своей силы. Он стал отчетливее чувствовать демона внутри себя, чего не было в первый раз. Это было странное ощущение — будто ранен, но из раны течет вино с медом вместо крови. Иногда Белвел пытался что-то сказать Фрэнсису, но тот не мог понять услышанное, хотя и пытался. В тоже время капитан не хотел обращаться к Дину, пытаясь сам разобраться, кем он стал и на что способен.

Фаскол в это время дудел в своей каюте, чем страшно раздражал всех, и ходили слухи, что с ним еще в первые дни плаванья потолковали шестеро пиратов, угрожая выкинуть за борт. Фаскол отговорился тем, что он почетный гость Оливье Шарма и самого капитана, а еще судовой музыкант. На что ему ответили, что лучше слушать, как скребутся крысы, чем его свисты да хрипы. Фаскол сказал, что все дело в том, что он не до конца разучил песню, а как только будет готово, тогда уж им непременно понравится.

Грэм был самым занятым, он руководил всем плаваньем и, по сути, был капитаном. Команда начала задумываться, для чего же тогда на борту нужен Фрэнсис Эвери. Оливье пьянствовал и травил байки, рассказывая наивным невероятные истории из своей жизни, которые никогда не происходили на самом деле. С каждым днем слушателей становилось все меньше, что Оливье огорчало. Иногда он заходил поговорить к Фаскалу или Роберте. Но пиратке не нравилось, когда он был пьян, а трезвым он не был уже давно. Что касается Фаскола, то минус пребывания в его кампании состоял в том, что он выдувал из несчастного инструмента жуткие звуки, режущие слух и терзающие душу.

Роберта, несмотря на кажущуюся веселость, не до конца еще отошла от ранения и чудотворной операции, и много времени проводила в каюте, валяясь в полудреме. Ей ничего не хотелось и ничего не было нужно. Дин варил лечебные зелья, но помогали они плохо. Тогда демонолог вынес вердикт, что все пройдет само собой спустя пару недель, потому как организму нужно отдохнуть от потрясений. Роберте пришлось поверить ему, и она отсыпалась целыми днями, а ночью выходила на палубу, любуясь звездами и наслаждаясь шумом моря и скрипящими снастями.

Наступил пятнадцатый день путешествия. Флейт «Блаженный Липли-Син» шел по ветру, делая восемь узлов. Грэм был доволен кораблем. Как и ожидалось, судно было добротным и отлично подходило для пиратства. Судя по карте, пираты приближались к острову Сколоперкос, называемому в народе островом дьявола.

Стихия будто поддерживала маршрут, ветер наполнял паруса, а море было спокойным. За весь путь им не встретился ни один корабль, хотя пираты, особенно Оливье, с нетерпением ожидали дебютный абордаж новой команды.

Глава 26. Призрак капитана Райса

Над морем стояла непроглядная темень: тучи пеленой скрывали и луну, и звезды. Фрэнсис дремал в своей каюте. Не открывая глаз, он напряг слух, но сперва уловил запах: приторный, могильный. А потом каюту наполнил холод. Фрэнсис поежился, липкий пот выступил на лбу. Жуткое предчувствие накрыло с головой.

Раздался звук, словно бы удалось расслышать, как лопнула паутинка. Фрэнсис, вздрогнув, повернул голову. Перед ним стоял призрак в старомодном камзоле, утратившим цвет. Холодный мертвый свет лился с него, похожий на густой туман или мутную брагу, струился и уходил под палубу. В пустых глазницах то появлялись, то пропадали призрачные отблески белков и зрачков. На костях пальцев и кисти, выглядывающей сквозь рукава камзола, то прорастала, то таяла кожа. Губы, только что закрывавшие зубы, растворялись, равно как и язык.

Призрак приподнял треуголку в знак приветствия, и седые волосы разметались как от урагана.

— Я — капитан Райс, — сказал он необычайно глубоким голосом.

— Что тебе нужно, призрак? — собрав всю смелость, спросил Фрэнсис, осторожно поднимаясь с кровати.

— Мои сокровища! — в глазницах полыхнуло синим. — Ты их не получишь!

— Ты был пиратом… когда-то. Должен помнить, что морской разбойник не упустит добычу.

Капитан Райс зло рассмеялся:

— Ну а ты должен знать, что мертвец будет охранять свои сокровища до конца!

Едва он договорил последнее слово, каюту наполнил штормовой ветер. Фрэнсис вскочил, не отрывая взгляда от призрака, наслаждающегося своей силой. Ледяной, пронизывающий ветер, взявшийся из ниоткуда, подхватил Фрэнсиса и бросил в стену. Спиной он проломил крепкие доски, словно труху, с треском полетели щепки. Оглушенный, Фрэнсис ухнул в воду и пошел ко дну.

Сверху, снизу и со всех сторон темень, бездна, и не поймешь, куда плыть. Сердце молотило, толща воды сдавливала, глаза готовы были лопнуть. Погреб, что было сил. И вдруг будто взрыв — вынырнул, судорожно хватил ртом воздух.

Кругом темно: луна скрылась за тучей. И только вдали, едва заметный, маячит огонек с «Блаженного Липли-сина». А ноги уже

начало сводить от холода. Задрожал подбородок, потом затрясло все тело. Фрэнсис поплыл на свет, стужа вгрызалась будто голодный пес в мясную косточку.

Над головой возник капитан Райс, повис в воздухе, могильным мерцанием разгоняя тьму. Фрэнсис до скрежета стиснул зубы и погреб вперед, не обращая внимания на призрака, который парил над ним.

— Ты знаешь, что такое блуждающие огоньки? — спросил Райс через некоторое время. — Ты уверен, что плывешь к кораблю, а не в другую сторону?

Соленая вода вырывалась брызгами из-под рук, обливала лицо. Одежда казалась все тяжелее. Призрак облетел кругом, будто примеряясь, а потом нырнул. Костяная рука схватила за щиколотку и потянула ко дну. Сквозь толщу воды послышался страшный хохот, в котором воплотились стоны смертельно раненых и крики погребаемых заживо.

Стена воды давила все сильнее, воздух заканчивался. Призрак тащил вниз, а потом вдруг отпустил и предстал перед Фрэнсисом, с живым интересом смотря ему в глаза. Фрэнсис заметил это выражение, и вместо страха в его взгляде вспыхнула ярость. Он будто загорелся, изнутри рванула другая сущность: демон Белвел вырвался наружу. Перед глазами мелькнула шерсть, еще темнее бездны кругом. Взмах чудовищной лапы, и призрака отбросило в сторону. Вода, будто галька, ободрала его призрачную кожу, протерла камзол. Треуголка утонула в темноте. Мерцание от капитана Райса угасло, и мир будто перестал существовать, если не считать глотка воздуха, которого так не хватало. И снова Фрэнсиса что-то потянуло. Скорость была чудовищной, словно его привязали к кораблю, делающему двенадцать узлов. Фрэнсиса подбросило в воздух, он кувырнулся, не успев вздохнуть, и снова нырнул с головой. Из последних сил выгреб, задышал часто, откашливаясь, выплевывая соленую воду.

В отчаянии огляделся: огонек, кажется, стал еще дальше. Заскрипев зубами, поплыл к нему, но понял, что не дотянет. Холод набросился стаей лютых вепрей.

Послышался скрип весел, тревожные возгласы. Фрэнсис обернулся, тело уже не слушалось, и очередная волна захлестнула с головой. Он пошел ко дну. И вдруг кто-то схватил за шиворот, потянул вверх. На сей раз это была теплая рука живого человека. Фрэнсиса втащили в лодку, укрыли, и перед собой он увидел бледное лицо Дина.

Томление между бодрствованием и сном, колючая темень. Одеяло навалилось как полутонный пресс, подушка норовила

раздавить голову. Фрэнсису хотелось провалиться в забвение, но кто-то рыкнул над ухом, встряхнул как ватную куклу.

Фрэнсис вскочил, затравленно озираясь, но в каюте никого не было.

— Дин! Чертов демонолог, где ты?! — Фрэнсис выскочил в коридор и уже бежал по кораблю, спотыкаясь.

— Где Дин? Ради всего святого, я сейчас рехнусь! — кричал он, барабаня в дверь каюты.

Дин выглянул и нервно кивнул Фрэнсису, чтобы тот заходил. Плотно прикрыв дверь, Дин раздраженно заговорил:

— Послушай, какого черта происходит? Твой демон, Белвел, вчера явился ко мне и сказал, что ты тонешь. И еще приходил под утро, сказал, что заберет меня в Ад.

Фрэнсис, выслушав демонолога, вдруг почувствовал себя в безопасности, плюхнулся в кресло и расслабился. Он закрыл глаза, словно прислушиваясь:

— Белвел здесь. Говорит, чтобы я выпустил тебе кишки.

Дин попятился, спросил осторожно:

— С каких пор ты с ним говоришь?

— Недавно, Дин. Совсем недавно.

— Он хотел тебя утопить? Зачем тогда…

— Он спас меня… от призрака. Боится, страшно боится, что я погибну.

Дин в удивлении вскинул брови, а снаружи донеслись крики, и в каюту, шатаясь, влетел Фаскол, бледнее морской пены.

— Дин! Капитан Райс… покойный, — пролепетал он, — мертвее некуда… только что хотел моей крови!

— Что за нашествие? — пробормотал Дин.

— Ты демонолог, изгони его! — не унимался Фаскол.

— Белвел сказал, что днем у призрака Райса нет силы, — успокоил его Фрэнсис.

— Кто? — Фаскол перевел безумный взгляд на капитана, — кто этот Белвел?

— Наш корабельный демон.

Дин налил всем рома и, уточнил:

— Итак, с нами на корабле демон и призрак?

— Светится насквозь, — подтвердил Фаскол, дрожащими руками опрокинув стакан, на лицо его возвращалась краска, — хотел вырвать мне сердце. А демон не знаю…

— Белвел говорит, что сварил бы тебя заживо.

Фаскол съежился:

— Где он?..

— Намного ближе, чем ты думаешь, — ответил Фрэнсис. — Сегодня ночью призрак капитана Райс снова явится за мной…

или за тобой. Белвел спрашивает, знает ли мой демонолог экзорцизм?

— Самую малость, — Дин наморщил лоб.

Фрэнсис уставился в одну точку, и долго молчал.

— Молчит. Пропал демон. Теперь как раньше — ничего не слышу.

И снова минуты тишины, только натужно скрипит корабль. Фаскол шмыгал носом и ерзал на стуле.

— Как заснул, — Фрэнсис сжал кулак. — Но сила осталась.

Дин поднялся, подошел к книжному шкафу:

— Значит, экзорцизм, — задумчиво проговорил он.

Ближе к полуночи они вновь собрались втроем. В каюте горели десятки свеч, освещая каждый угол. Дин в который раз остервенело обводил мелом нарисованный на палубе круг.

Фрэнсис дремал, положив руку на эфес фальчиона, а Фаскол нервно озирался и вздрагивал от каждого шороха. До рассвета оставалось пару часов. Белвел безмолвствовал, как и прежде.

Дин разогнулся, и, смахнув со лба пот, уселся за стол. В потрепанной книге по демонологии была небольшая глава про экзорцизм, основанная скорее на домыслах, но это все, что удалось откопать.

Темнота содрогнулась, заплясал огонь на свечах, вызывая безумный танец теней, и опять все стихло.

Фаскол вскочил, шаря глазами по углам.

— Что это… — вымолвил он.

— Райс пришел, — сказал Дин, разжигая пучки сухой полыни. — Не выходи за круг.

Фрэнсис потянулся и зевнул.

— Призрак уже тут? — осведомился он, явно бравируя, и вытащил фальчион из ножен.

Тишина угнетала, ожидание становилось невыносимым, и невольно, не сговариваясь, все трое встали спина к спине. Однако призрак не появлялся.

В этот момент Роберта спала в своей каюте и конечно не заметила, как ее кинжал, острый словно бритва, вынырнул из ножен и взмыл в воздух. Он парил, вздрагивая, и остановился над ней. Словно паучьи ножки, костяные пальцы обхватили рукоять. Капитан Райс принял видимый облик, заливая помещение серебристым светом. Он замахнулся и опустил кинжал в грудь девушки, предвкушая, как лезвие разрежет кожу и вопьется в легкие, но тут заметил, что глаза у жертвы открыты, а в лицо ему смотрит ствол пистолета. Выстрел оглушил призрака, сталь

вылетела из руки. Райс потерял равновесие и влетел в стену, вместо плеча у него зияла пустота.

Роберта откинула пистолет, из дула которого вился пороховой дым, и хладнокровно взвела курок мушкета. Она вскинула оружие, и пуля прошила призрака насквозь, оставив громадную дыру в животе. Все его полупрозрачное тело задрожало и словно бы лопнуло, расплескалось как кисель. Голова размазалась по картине с живописным лесом, а туловище стекало на стене.

Райс беспомощно шевелил руками, совсем уж превращаясь во что-то бесформенное. Роберта нарочито неторопливо накинула на себя рубашку и принялась заряжать мушкет, бросая на Райса презрительные взгляды, один холоднее другого. Призрак вовсе не собирался ощутить на себе еще один такой выстрел, а может — еще один такой взгляд, и потому, собравшись с силой, провалился в подволок и покинул корабль.

На другой день собрался пиратский совет. Все еще ничего не понимающий Грэм переговаривался с Дином, а Роберта, нахмурившись, держала на коленях заряженный пистолет. Она была зла оттого, что ее не предупредили об опасности, и теперь Фрэнсис принимал на себя всю тяжесть ее испепеляющих взглядов, от которых успел сбежать Райс.

Вдруг капитан схватился за голову — оглушило как звоном колокола, а когда шум поутих, то расслышал шепот Белвела.

— Хочешь, чтобы твои люди остались живы?

— Команда — самое важное для меня, — вслух согласился Фрэнсис.

Пираты как один вопрошающе поглядели на него.

— Моя команда, — поправил Белвел. — Если хочешь сохранить людей, будешь слушаться меня. Вчера Райс не справился, но сегодня убьет кого-нибудь. Может, нескольких. Послезавтра — больше.

— Я — капитан, — твердо сказал Фрэнсис. На него уже смотрели как на полоумного.

— Ты тоже часть команды, — возразил демон, и словно бы хихикнул, — Абордажной команды Белвела.

Голос внутри продолжал шептать:

— Прежде всего смочите водой все запасы пороха. Призраку ничего не стоит выбить искру, и корабль взлетит на воздух. Повезло, что он не догадался до сих пор… Это тебе авансом — будешь слушаться, узнаешь, как совладать с Райсом.

Грэм что-то говорил, недовольство в глазах Роберты сменилось обеспокоенностью, даже Оливье оторвался от бутылки

и подозрительно смотрел на капитана.

— Весь порох намочить водой, — сказал Фрэнсис, набрав в грудь воздуха. — Выкинуть все зеркала. Держаться по трое. Быть начеку. Меняем курс на зюйд-зюйд вест. Дин — за мной, остальным — выполнять приказ.

Они вышли на верхнюю палубу. Фрэнсис устремил взгляд на горизонт, задумался. Дин терпеливо ожидал, когда капитан заговорит. По палубе уже забегали матросы, подгоняемые криками Грэма, рядом с ним была и Роберта.

— Похоже, — сказал, наконец, Фрэнсис, — придется сотрудничать с демоном.

— Сотрудничать? — пульсирующим звоном в голове отозвался Белвел. — Не сотрудничать, а подчиняться! — сказал он настойчиво.

— Почему мы сменили курс? — осведомился Дин.

Будто не услышав вопроса, Фрэнсис сказал:

— Мне нужна живая и мертвая вода…

— Где же я достану? — удивился Дин.

— И подготовь «контракт»… или что-то вроде того.

— Думаю, я понял.

Рулевой налег на штурвал, и корабль накренился.

— А ветер-то встречный, — заметил Фрэнсис.

— Так куда мы направляемся? Ты не сказал.

— Куда? — пробормотал Фрэнсис себе под нос, и ответил через пару секунд: — Белвел говорит, что ты слишком много спрашиваешь и пока ничего не делаешь. До заката нам нужна живая и мертвая вода.

Дин нахмурился, но промолчал.

Ветер усилился и флейт увеличил скорость, на западе небо заволокло тяжелыми грозовыми тучами, но впереди было безоблачно. С каждым часом Фрэнсис все более углублялся в себя, до него с трудом доходило, что ему говорят, взор помутнел. На обращения он реагировал со второго-третьего раза. Беспокойство брало верх над Дином, пока он готовил порученные Фрэнсисом зелья. Тянулся шестой час плаванья после смены курса.

— Он не в себе, — вбежав, затараторил Фаскол, — все смотрит в горизонт, его уже матросы боятся, стороной обходят.

— Спасибо, — кивнул Дин, — возвращайся на палубу и наблюдай дальше. Позови меня, если он перестанет себя контролировать.

— Почему я? — заныл Фаскол.

— Только мы знаем о демоне, — Дин оторвался от колбы, — ты ведь никому не рассказал?

— Нет, что ты…

— Прямо по курсу! — донесся крик вахтенного.

Фаскол и Дин бросились на верхнюю палубу.

— Корабль, прямо по курсу!

Фрэнсис и бровью не повел:

— Идем на сближение, — приказал он ледяным голосом. — Вывесить черный флаг!

Темное сукно затрепетало на ветру. Спустя полчаса на преследуемой бригантине заметили пиратский флаг и сменили курс по ветру. Но словно бы сам дьявол гнал вперед «Блаженного Липли-Сина», флейт стремительно сокращал расстояние, и уже через час не осталось никаких сомнений, что бригантине не уйти. На ней подняли белый флаг, показывая, что готовы сдаться.

— Разнести их в клочья! — кровожадно велел Фрэнсис, взор его пылал сатанинским огнем, — залп из всех орудий!

Сбоку появился канонир Филипп Красс, недовольный и мрачный:

— Капитан, ты велел испортить все запасы пороха. Он теперь будто каша, — Филипп вздохнул, — хоть ложкой ешь.

Фрэнсис с минуту будто не мог осознать сказанное, но после повернулся к канониру, и Дин увидел в глазах капитана столько ненависти и злобы, что немедленно встал между ними и, крепко ухватив Фрэнсиса за плечи, встряхнул.

— Демон! — Дин говорил Фрэнсису, но обращался не к нему, — прекрати это, или пожалеешь!

Фрэнсис играючи отбросил Дина и снова отвернулся, вперил взгляд в бригантину.

— На абордаж! — рявкнул он. — За Белвела!

Пираты недоуменно переглянулись, раздались отдельные неуверенные выкрики.

Дин поднялся на ноги и, соткав заклятие, обрушил его на Фрэнсиса. Тот вздрогнул и повалился на палубу. А демонолог присел к нему и что-то скороговоркой зашептал на ухо. Пираты не знали, что и делать.

— Готовится к абордажу! — рявкнул Грэм, поднимая чекан, — чего встали! Слышали приказ капитана! Все по местам!

Фрэнсис очнулся, ожесточенно стиснул виски.

— Спасибо, что вернул, — сказал он Дину, — проклятый Белвел. Теперь буду осторожнее! Не думал, что он так силен.

— Пока еще можно остановить абордаж, — сказал Дин, оглядываясь.

— Действуем по плану, — сказал Фрэнсис с прежним

демоническим упорством.

Дин настороженно заглянул ему в глаза.

— Это я, Фрэнсис Эвери, человек, который пройдет море от края до края, — он поднялся на мостик и вытащил из ножен фальчион. — Команда, на абордаж!

До Бригантины оставалось всего ничего, уже легко можно было различить снующих на ней матросов и солдат. Они убирали паруса, кто-то стоял на корме и размахивал белым флагом.

Флейт приблизился, корабли встали бок о бок. Полетели абордажные крючья и лихие выкрики. Зазвенела сталь. На Бригантине не приняли бой, а немедленно сдались, едва разбойники ступили на палубу.

Одним из последних на захваченное судно перебрался Фрэнсис. С каким-то безграничным нахальством к нему вышел кудрявый человек со слащавым лицом, на высоком лбу которого проступили капельки пота. Всем своим видом он показывал, что все еще хозяин на корабле.

— Лорд Брайндон, — надменно представился он. — Эта бригантина принадлежит мне, прошу немедленно извиниться и покинуть ее. В противном случае вас не ждет ничего хорошего, у меня огромное влияние и на материке, и на море.

Фрэнсис, похоже, не слушал, а рассматривал парусное вооружение.

— Сколько людей на корабле? — спросил он своим обычным тоном. Дин покосился на него и немного успокоился.

— Не твое дело, пират! — закипел лорд Брайндон, но видно было, что на языке у него вертятся куда более грубые слова. Он скривил губы, но сдержался.

Фрэнсис прошелся по палубе, потом обратился к пиратам:

— Обчистить трюм, экипаж взять пленными на «Блаженный Липли-Син». Кроме этого… лорда. Его привязать к мачте.

Брайндон выпучил глаза:

— Не посмеете! — вырвалось у него. — Солдаты, в бой! — истерично взвизгнул он.

— Не посылайте своих людей на верную смерть, — сказал Фрэнсис.

— В бой, в бой! — верещал Брайндон, кидая свирепые взгляды на солдат и матросов с бригантины, но никто не шелохнулся. — Скоты! Трусы! Сражайтесь за своего лорда!

Фрэнсис оценил, что ситуация под контролем и кивнул Грэму:

— Выполняй приказ. Корабли не расцепляй, очень скоро нам придется сюда вернуться.

С этими словами он взобрался на фальшборт и перепрыгнул

на палубу флейта.

Море предстало жидким огнем в лучах заходящего солнца. Словно крадучись, надвигалась темнота. По верхней палубе еще бегали и суетились, трюм гудел от голосов, но в капитанской каюте царил покой. Фрэнсис сидел неподвижно и прислушивался, боялся и вздохнуть. В царившем мраке капитана можно было принять за часть обстановки. Но вот он повел лопатками, и скованным движением откупорил колбу, которую все держал в руках.

— Он пришел, да? — на всякий случай спросил Фрэнсис шепотом.

— Да, — отозвалось в голове, — не подведи меня.

Фрэнсис вылил прозрачную жидкость в ладони и умыл ею глаза, приговаривая:

— Мертвая вода, позволь мне видеть то, чего не должно видеть.

Свет пропал, и Фрэнсис вскрикнул, решив, что ослеп, но постепенно зрение вернулось. Все стало каким-то другим. Сверкающие нити оплели каюту и то, что за ней. И в море под килем плавали рыбы и смотрели на Фрэнсиса белесыми глазами, а на дне лежали утопленники и глядели мертвыми взорами. А в углу сидел паук и тоже наблюдал. Над мачтами взвывал ветер, а в нем прятались духи с пустыми глазницами, но даже они умели видеть! Фрэнсис, пошатываясь, вышел из каюты. Трудно было привыкнуть к новому состоянию.

По спине будто прошлась метель — призрак был рядом. Фрэнсис аккуратно заглянул за угол и увидел капитана Райса, поправляющего манжеты. Он преспокойно сидел на бочке и едва ли не болтал ногами. Фрэнсис подкрался поближе и остановился в двух шагах. Райс поднял голову и вскочил как ошпаренный.

— Ты меня видишь?! — вскрикнул он.

— Вижу.

Райс попятился, выхватил саблю.

— Пусть с тобой заодно демон, но я из мира мертвых, меня уже не убить! — сказал он. — Я непобедим!

С этими словами он сделал выпад. Мелькнула сталь, но Фрэнсис успел отпрыгнуть и выхватить фальчион. Райс замахнулся и ударил сверху. Фрэнсис подставил свой клинок под удар, но призрачная сабля прошла сквозь сталь, словно там и не было ничего. Фрэнсис в последний момент уклонился, но лезвие полоснуло по предплечью, вспоров куртку. Потекла кровь. Капитан Райс сделал шаг назад и принял фехтовальную стойку.

Фрэнсис медленно подступал, не обращая внимания на боль.

Райс сделал выпад. Фальчион брякнул о палубу, а Фрэнсис голыми руками ухватил призрака за шею и встряхнул. Сабля упала рядом с фальчионом, а Райс безуспешно вырывался из мертвой хватки.

— Как!? — почти жалобно прохрипел он.

— Не люблю вытирать руки, — засмеялся Фрэнсис и, раскрутив призрака, шмякнул о балку. Райс разлетелся как желе, развалился на полу рядом с клинками.

Фрэнсис оставил призрака и двинулся по направлению к каюте Оливье. Не церемонясь, едва не вшиб дверь.

— Оливье, вставай! — приказал он, тряся старика за плечо.

Тот разлепил глаза, с трудом поднялся. Трусящейся рукой дотянулся до бутыли и хорошенько приложился.

— Капитан! — Оливье прочистил горло, — капитан, какой позор! Первый абордаж и никакой добычи. Несколько бесполезных пленных и пустые трюмы. Где схватка? Где опасность? Они сдались без боя!

— Будет тебе опасность, пошли.

Оливье выбрался из постели, сделал еще глоток живительного напитка.

— Оливье, ты нужен мне как судовой писарь. Бери бумагу, чернила — и за мной! Быстрее, а не то призрак улетит.

— Поймал нечистую силу? Так ему!

Капитан и Оливье вернулись к Райсу. Он уже собрался в целое тело и теперь жалобно скулил в углу. Фрэнсис вылил остатки магической воды на руки и ухватил призрака за шиворот. Оливье тревожно оглядывался, но не видел Райса, даже когда смотрел в упор.

— Сделайся видимым! — приказал Фрэнсис.

Едва в воздухе начали проявляться призрачные черты, Оливье вскрикнул и отшатнулся.

— За мной, — Фрэнсис потащил призрака, за ними на приличном расстоянии следовал Оливье. Они поднялись наверх и перелезли на бригантину лорда Брайндона. Тот дремал, привязанный к мачте, и не заметил их появления.

Они прошли в капитанскую каюту. Фрэнсис рывком посадил призрака на стул, словно полицейский инспектор мелкого хулигана. Райс свесил голову и угрюмо сидел в ожидании.

— Оливье, доставай бумаги!

Старик раскрыл сумку, стараясь не глядеть на покойного капитана Райса. Оливье разложил листы, очинил перо. Чернила слегка загустели и Оливье с трудом вывел пару слов для пробы.

— Пиши, — велел Фрэнсис не своим голосом, — «Контракт. Нижеподписавшийся призрак капитана Райса на веки вечные или

же до тех пор, пока не получит прощение, останется прикованным к судну, на котором была поставлена сия подпись и не сможет сделать с него и шагу ни в один из миров».

Призрак поднял глаза, полные ненависти.

— А вам все равно не получить мои сокровища, — сказал он. — Никогда.

— Подписывай, а не то я не размозжу тебе голову еще разок, — пригрозил Фрэнсис.

— Тобой завладеет демон, — пророчил Райс, — ни здесь, ни на том свете не будет тебе покоя!

— Подписывай.

Райс взял перо и черкнул ветвистую подпись.

Тишина.

— Готово? — настороженно спросил Оливье.

— Да, — спустя некоторое время ответил Фрэнсис, посовещавшись с демоном. — Теперь призрак нам не помешает.

Оливье свернул контракт и положил в сумку. Они с Фрэнсисом вышли, а Райс остался сидеть в тишине.

От их шагов проснулся Брайндон.

— Эй! Грязные пираты! Развяжите меня.

— Сделай как он хочет, — сказал Фрэнсис.

Оливье ослабил путы, и лорд сам кое-как высвободился. Он поглядел на Фрэнсиса с торжеством.

— Что!? Понял, с кем связался!?

— Да, пожалуй, — ответил Фрэнсис, — мы возвращаем корабль.

— Ха! Вы поплатитесь за то, что сделали. Жестоко поплатитесь! — пообещал он, растирая затекшие руки.

Фрэнсис пожал плечами:

— Может быть. Прощайте, лорд. Думаю, с новым капитаном этого судна скучать не придется.

Пираты перебрались на свой корабль и подняли команду. Абордажные крючья убрали, судна расцепились. Лорд Брайндон стоял у борта с видом полного превосходства и громко ругался. Он был всецело доволен исходом приключения, пока позади не повеяло тленом и могильным холодом. Брайндон на ватных ногах обернулся и увидел перед собой жуткое призрачное лицо. Лорд бросился к борту и что-то истошно вопил уплывающим пиратам, но Фрэнсис только отдал ему честь. Брайндон вновь повернулся к парящему в полуметре над палубой призраку.

Тот интеллигентно приподнял шляпу и представился:

— Капитан Райс. Начнем же собирать команду, разрази меня гром!

Вернувшись на корабль, Оливье приложился к бутылке, чтобы унять волнение, и больше от него никто ничего не добился. А Фрэнсис первым делом отыскал Дина.

— Призрак нас больше не потревожит, — сообщил он.

— А демон? — озабоченно спросил Дин, — демон потревожит?

Фрэнсис пожал плечами и направился прочь. Он закрылся в своей каюте и промыл глаза из второй колбы.

— Живая вода, позволь мне видеть лишь то, что должно!

Призрачные линии начали размываться и через минуту исчезли, сумрак других миров отступил, и все стало как раньше.

— Белвел! — вслух позвал Фрэнсис.

— Я всегда тут, — напомнил демон.

— Но не всегда отвечаешь.

— Ты избавился от призрака. Поблагодари своего хозяина!

— Иди к черту.

— Я и есть черт, — Белвел захихикал, а потом резко сменил тон, до лютого звериного рыка. — Не зарывайся, ничтожество! Червь!

Фрэнсиса бросило на пол, он судорожно зажал уши, чтобы не оглохнуть.

— Кайся, смертный! — громыхал Белвел. — Ты! Мой! Раб!

Демон словно бы метался по каюте, но когда Фрэнсис открыл глаза, никого не было. Фрэнсис тяжело дышал, но пересилил себя и встал в полный рост.

— Я хозяин в своем теле и разуме! — твердо сказал он. За спиной послышался раскатистый рык, и Фрэнсис приложил всю волю, что не побежать сломя голову. Он медленно развернулся, чтобы предстать лицом к лицу с Белвелом, но позади его не оказалось.

И тут удар в бок, Фрэнсис перевернулся через голову и рухнул. И тут же вскочил, озираясь.

— Акулу мне в глотку! — ругнулся он, — каким смелым ты стал! Не пора ли усмирить тебя?!

Снова толчок. На этот раз Фрэнсис устоял.

— Пошел прочь! — крикнул он. — Ты лишь мой слуга! Пленник внутри моего разума и тела!

Вместо ответа рокот звериной глотки. А потом нахлынуло жуткое невыносимое чувство, будто головой окунули в ведро с пауками. Сотни липких лапок, паутина в ушах, яд и слизь.

Фрэнсис не видел, куда бежал, не слышал, как истошно орал, и не даже не сразу почувствовал, когда все закончилось.

Он очнулся и увидел над собой Дина, который нашептывал над ним заговор.

— Дин, — простонал Фрэнсис, — убери из меня этого демона! Убери, убери!

— Изгнать? — удивился Дин. — Совсем?

Фрэнсис присел и огляделся. Они были в судовой лаборатории Дина.

— Нет… — с трудом ответил Фрэнсис, — совсем не надо. Мне нужна его сила, без нее я — никто. Тут уж ничего не поделаешь… Ты и сам знаешь. Сделай так, чтобы он больше не говорил со мной!

Дин мерил лабораторию шагами. Пять шагов влево, пять вправо, три прямо, три назад. Столы и колбы, колбы, колбы.

— На самом деле это все в твоей власти, — сказал Дин. — Ты был в безвыходном положении и умолял… Не смотри так… ты именно что умолял демона помочь. Кого теперь винить? Он помог, к слову сказать. Призрак бы всех нас перебил. А теперь перестань общаться с Белвелом. Даже если будет говорить что-то — не обращай внимания.

— И поможет? — недоверчиво спросил Фрэнсис.

Дин пожал плечами.

— Вот и узнаем.

— Если это от меня зависит, — сказал Фрэнсис, — тогда считай, что демон нам больше не помешает. Нет никакой абордажной команды Белвела!.. Собирай пиратский совет, — добавил он через секунду раздумья.

— Наш путь к сокровищам покойного капитана Райса был прерван досадным вторжением из потустороннего мира, — сказал Фрэнсис, когда совет собрался. — Завтра к закату мы войдем в гавань острова Лойно. Там мы высадим пленников (пусть идут с миром), и возьмем курс на Сколоперкос. Никакая нечисть не в силах изменить путь, выбранный капитаном Фрэнсисом Эвери!

Глава 27. Высадка на остров

Шел двадцать третий день путешествия. На горизонте, прямо по курсу, показался остров Сколоперкос. Позвали Фаскола, тот взял подзорную трубу и, хмурясь, посмотрел на землю. Об высокие скалистые берега бились волны, пенились и отступали. Голые камни первыми встречали мореплавателей, через сотню шагов располагалась граница леса, где стояли высокие деревья: пальмы, эвкалипты, кипарисы. В чаще царила темень, свет будто избегал этого места.

— Капитан Райс здесь высаживался? — спросил Грэм, покосившись на Фаскола.

— Точно — тут. Но тогда мы подошли к острову с другой стороны, там есть бухта, и берег песчаный.

Грэм отдал приказы, и спустя некоторое время корабль обошел остров с севера. Там действительно была отличная бухта и песок, который среди скал смотрелся странно, будто его кто-то специально насыпал. Расстояние от воды до леса было меньше, чем с другой стороны — шагов тридцать. Для высадки Фрэнсис взял десять добровольцев из матросов, а также свою бессменную команду — Роберту, Оливье, Грэма, Дина — и Фаскола. Они сели в шлюпку и поплыли. Фрэнсис спрыгнул у самого берега, вода оказалась по колено. Стоял ясный день, море с грохотом билось об острые камни. Роберте стало не по себе от одной мысли, что ее подхватит поток и понесет на скалы.

Фрэнсис первый вышел на песчаный берег, в одиночку затаскивая за собой лодку с людьми, чем сильно удивил матросов, которые до сих пор не видели его силу в деле. В руке капитан сжимал фальчион Нойля Элоня, с которым не расставался с самого побега из Порт-Стена. Фрэнсис чувствовал, что с мечом что-то не так, но не понимал, что именно. Ему казалось, будто фальчион — родственное ему создание. Лодка оставила борозду в песке, и волны оказались не в силах утянуть ее обратно в море. Вслед за Фрэнсисом выпрыгнула Роберта, для разминки проведя пару выпадов.

— Если передумаешь, можешь вернуться, — сказал Фрэнсис.

— Благодаря зельям Дина я в норме, — Роберта крутанула рапирой, доказывая правдивость своих слов.

К ним подошел Оливье, пристально всматриваясь в темный лес:

— Где тут чудища? — он пренебрежительно высморкался, — не видно что-то.

Из лодки вылезли Грэм и Дин, за ними все остальные.

Шумело море, заглушая все прочие звуки, говорить приходилось громко.

— Недобрый остров, — Грэм покачал головой, — деревья-то какие странные.

— Слушай мой приказ! — Фрэнсис перекрикивал волны, — держимся вместе, смотрим по сторонам. Могут быть ловушки, мертвецы, колдуны. Химеры и мантикоры. Драконов быть не должно. Обследуем остров, ищем клад. Капитан Райс провел тут всего ничего, значит, должны остаться следы. Глядите в оба!

Первым двинулся Фрэнсис, за ним все остальные. Перебрасываясь короткими предложениями и с опаской озираясь по сторонам, отряд подошел к лесу. Позади остался полумесяц песка, где играл прибой, справа и слева лежали камни, а впереди раскинулась темно-зеленая полоса деревьев. Отряд переступил границу леса, и попал будто в другой мир. Шум волн как отрезало, в нос ударил запах сырой земли, яркий свет сменился на полумрак. Все удивленно оглянулись, но обратно идти не хотелось, появилось желание остаться тут навсегда, слишком сладко протекало каждое мгновение, каждый вдох душистого воздуха.

— Наваждение, — Дин тряхнул головой и выкрикнул короткое, яростное заклинание.

Пираты очнулись, вздрогнули, будто обожглись.

— Сейчас последний шанс уйти отсюда, — серьезно проговорил колдун, — недоброе место.

Фрэнсис провел рукой по лицу, в ожидании на него смотрел отряд, и он сказал:

— Идем вперед, отступать некуда.

— Почему некуда? — удивился один из матросов.

— Нельзя идти назад, — сказал Фрэнсис, — однажды попятишься, и не останется сил двигаться дальше.

И он, не оборачиваясь, быстро зашагал. Отряд последовал за ним. Шли, переступая через лианы, крепко сжимая оружие. Роберта шла по правую руку от капитана, слушая каждый шорох. Она воспринимала всю обстановку сразу, целиком, готовясь отразить нападение с любой стороны. Если бы Дин прочел ее мысли в этот момент, то посоветовал бы не обольщаться, сам он ждал исключительно магической атаки. Вместо приветствия их накрыло сильное наваждение. Не будь с ними его, Дина, неизвестно, осталась бы команда в живых. Посередине с двумя пистолетами шел Оливье, облизывая губы. С каждым шагом вглубь леса деревья словно расступались, становилось просторнее.

Под ногами у Фрэнсиса скользнула змея и юркнула под

гнилую корягу. Отряд моментально ощетинился острыми клинками.

— Змея, — проговорил Фрэнсис, не оборачиваясь.

Снова пошли, но теперь осторожнее, чем прежде, внимательно осматривая территорию. А Дин, наоборот, шагал с полузакрытыми глазами, полагаясь на интуицию, стремясь уловить любую враждебную магию заранее, до того, как она навредит им. Он был уверен, что судьба отряда зависит исключительно от него.

Сверху послышалось шипение. Пираты как один подняли головы. На ветке раскидистого драконова дерева в трех метрах над землей висел клубок белых змей. С клыков капал яд. Пираты замерли на секунду, и тут же отступили в сторону, обошли дерево. Змеи с новой силой зашипели им вслед.

Шли молча, каждый испытывал неясный страх, чувствовал и ожидал появление чего-то ужасного.

Чем ближе пираты подходили к центру острова, тем реже становились деревья и плотнее почва, под ногами то и дело встречались камни, торчали валуны. Первым опасность почуял Дин, он резко остановился на месте.

— Стойте! — крикнул он, выйдя из полутранса.

Отряд остановился, пираты вопросительно посмотрели на демонолога.

— Там, в низине, — Дин указал рукой направо, — пока не видно, но верно говорю — оно там.

В ту же секунду оттуда донеслось долгое пронзительное шипение. Отряд безмолвно поднял оружие. Сперва показались черные непроницаемые глаза, потом пасть с двумя огромными клыками, раздвоенный язык, серая чешуя. Перед командой, извиваясь, появился огромный змей, длиной метров сорок и толщиной с грот-мачту на флейте. Чудовище ловко двигалось, огибая деревья и валуны. В дюжине метров от Фрэнсиса, стоящего во главе отряда, змей свернулся клубком и выпрямился над землей, поднявшись выше зеленых крон. Капитан сжал фальчион, от напряжения вздулись вены. Демонолог, глубоко вдохнул и начал заклинать. Змей прошипел по-человечески:

— Колдун, побереги силы, твоя магия не подействует.

Каждый звук, произносимый монстром, был невыносим для человеческого уха, становилось противно, будто ныли зубы. Дин замолчал, рассматривая змея.

— Вы пришли со злом, — прошипел тот, — я так давно не пробовал человечинки!

— Постой, змей, — громко сказал Фрэнсис, — мы вовсе не хотели причинять тебе зла, а всего лишь защищались.

— Я не нападал. Колдун готовил заклятие по мою душу. Это я должен защищаться.

— Приношу извинения за свою команду. Меня зовут Фрэнсис Эвери.

— А мое имя тебе знать ни к чему… Колдуну тем более.

— Чего же ты боишься? — спросил Фрэнсис. — Я лишь хочу познакомиться.

— Знаешь имя — можешь навредить, — свернувшись туже, прошипел змей.

— Тогда не говори. Но и не думай, что мы враги.

— Для чего, — резким движением змей очутился у самого лица Фрэнсиса, пасть чудовища могла с легкостью проглотить пирата за один укус, — для чего вы пришли сюда?

— Мы — пираты, и пришли за сокровищами.

Змей обполз отряд кругом, пираты напряглись, ожидая броска.

— Ненавижу пиратов, — признался монстр. — Хочу человеческого мяса. Все не в вашу пользу.

— Угрожая, подумай, хватит ли сил осуществить угрозу, — проговорил Фрэнсис.

— На всех хватит… одного рывка, — змей облизнулся.

Оливье вытер лоб, выставил вперед два пистолета. Роберта шепнула Фрэнсису на ухо:

— Не дразни его, попробуй договориться.

— Съешь нас — много не получишь, — сказал Фрэнсис. — А если поможешь, обретешь куда больше.

— Продолжай говорить, — прошипел змей, ползая кругами.

— Поможешь найти сокровища — и проси чего хочешь, — сказал Фрэнсис, — я исполню одно твое желание.

— Люди лживые, но вкусные. Я решил. Я съем вас.

Фрэнсис повернулся к отряду и быстро заговорил:

— Бегите к центру острова, я буду один сражаться. После встретимся.

— Идем! — быстро сориентировалась Роберта, выводя команду из оцепенения.

Пошли, но поздно — змей бросился на них. Чудовищным рывком с боку на монстра обрушился Фрэнсис, фальчион скользнул, разрезая плоть, хлынула ледяная синяя кровь. Дин выкрикнул заклятие, хвост у змея загорелся. Громкое шипение оглушило пиратов, сквозь него пробивался крик Фрэнсиса:

— Я сам! Пошли прочь!

Отряд рванул в сторону, только Дин замешкался на секунду, но его ухватил Грэм и поволок за собой. Змей поднял страшную пыль, пытаясь потушить хвост, а когда она осела, пираты

отбежали довольно далеко. Монстр скользнул за ними, но увидел перед собой Фрэнсиса, держащего фальчион параллельно к земле. Змей поднялся, навис над пиратом.

— Для чего остался один? — по чешуе струилась кровь.

— Они бы мне мешали, вот и все, — сказал Фрэнсис.

— Колдуна мог оставить. Хвост мне спалил. За это будет долго умирать.

— Его ты убил бы так же быстро, как и других.

— Я же сказал, он будет умирать долго, — напомнил змей.

— Нападай же, только берегись моего меча.

Змей стрелой кинулся на Фрэнсиса, мелькнул фальчион, яростно бросаясь в пасть монстру, тот среагировал вовремя и отпрянул. Юркнул вбок, отполз. Фрэнсису показалось, что меч атаковал сам, одержимый жаждой причинить боль живому существу, поглощенный желанием убить.

— Необычный меч, — прошипел змей, — подари мне, отпущу тебя с миром.

— Тебе какой прок? У тебя и рук-то нету, — недоверчиво проговорил Фрэнсис, разглядывая меч, но в тоже время не выпуская противника из виду.

— Извлеку демона наружу. Злой демон, очень сильный. Нечего ему в лезвии делать. Посажу в клыки, — голос змея задрожал от возбуждения, — подари мне!

— Убьешь меня, если останусь без оружия.

— Верно, — согласился змей, — глупо было предлагать. Защищайся!

За одно мгновение монстр преодолел расстояние в тридцать метров, выстрелил как из пушки. Фрэнсис осознал, что если теперь не уйдет от удара, то чудовище раздавит его, даже если и напорется на клинок. Длинным прыжком пират ушел в бок. Змей копьем вонзился в землю, Фрэнсиса сбило с ног, поднялась пыль, забиваясь в рот и уши. Кругом ничего не было видно, неясный силуэт мелькнул справа, капитан успел обернуться и нанести удар, змей скользнул по земле, атаковал, широко разинув пасть. Фрэнсис ударил, но лезвие лишь скользнуло по чешуе. Змей напрягся и бросился еще раз, меч снова скользнул ему по носу, не поранил. Фрэнсис ощутил, как фальчион задрожал в руках, требуя крови. Змей застыл перед пиратом, выжидая нужный момент, затрепетал раздвоенный язык. Фрэнсис замер. Рука напряглась, передавая силу клинку. Теперь стало совершенно ясно, что с Фрэнсисом заодно два демона: один внутри — Белвел, тот, что дает силу, и другой, заключенный в фальчионе, который жаждет только крови.

Змей бросился в атаку, демоны, схлестнувшись, ударили.

Фрэнсис был здесь будто лишним. Клинок глубоко вошел в пасть монстра, отлетел срубленный клык, забился в пыли срезанный язык. На рукав куртки обильно потек густой желтый яд, разъедая ткань. Через дыру он достиг кожи, обжигая, словно кипяток. Фрэнсис закричал от боли, но ничего поделать не мог — демоны продолжали бой. Следующим движением фальчион повернулся лезвием к небу и вышел насквозь через мозг твари. Змей забился в агонии, Фрэнсиса отшвырнуло в сторону, он закувыркался в пыли.

Спустя минуту жизнь окончательно покинула монстра. Фрэнсиса колотило, его тошнило, пот лился ручьями. От яда правая рука сгорела до костей. Под ногами валялся меч, лезвие целиком покрывала синяя кровь. Фрэнсис заскрежетал зубами, левой рукой схватил камень размером с ладонь и судорожно саданул себе по щеке. Новая боль слегка ослабила страдания от ожога. Фрэнсис завалился на спину и завыл, сердце кололо, будто собираясь разорваться. Понемногу боль становилась мягче, терпеть становилось проще. Пират поднялся на ноги, ухватил проклятый меч и побрел, продолжая скулить, как побитый пес, не видя дороги за пеленой выступивших слез. Позади него остался мертвый змей с серой чешуей.

Глава 28. Змеиный царь

Деревья расступились перед пиратами, рыхлая земля сменилась камнями, поросшими мхом. Отряд, то и дело оборачиваясь, двигался к центру острова. Впереди показались руины с потрескавшимися желтыми стенами, обвитыми лианами. В прошлом здесь стоял храм. Это легко было определить по низким толстым стенам, просторному дворику, который теперь густо зарос папоротником, и часовне в центре. Роберта, перебросившись парой слов с Грэмом, объявила, что отряд держит курс на руины. За спиной стих грохот битвы и пронзительное шипение гигантского змея, команда уже похоронила капитана, с опаской посматривая назад и ожидая момента, когда монстр настигнет их. Первого пирата, сказавшего это вслух, Дин резко оборвал, сказав, что Фрэнсис не погибнет.

Дошли до руин, осмотрелись: обычный храм, каких на материке сотни. Дин очистил табличку при входе, на которой пишется имя духа, почитаемого в данном месте. Первая надпись, высеченная в камне, была сбита, содрана, а поверх намалеванная другая. Дин побледнел.

— Какой это язык? — спросила Роберта, — что тут написано?

— Я не стану произносить вслух… это имя.

— Надпись выглядит свежей, — сказал Грэм, — какому духу посвящен храм?

— Демону, — поправил Дин, — это один из тех демонов, имя которых я не произношу, и вам не советую, одно брошенное слово может установить связь. Я не знаю, кто живет на острове, но чтобы поклоняться этому демону… недостаточно быть просто жестоким.

— А если капитан Райс спрятал сокровища внутри храма? — предположил Грэм, крепче сжимая чекан.

— Кто знает, — пожала плечами Роберта, — эй, Фаскол, капитан случаем не поклонялся верховным демонам?

— Мне почем знать, — негромко ответил тот, — страшный был человек. Если уж после смерти гуляет живее всех живых, то я ничему не удивлюсь.

— Заходим, — решил Грэм, и крикнул команде, — прикрывать тылы, смотреть в оба!

Миновали проем в стене, где некогда стояли ворота. Папоротник доходил до груди, кое-кому и до шеи. Во дворе стояла мертвая тишина. Солнце было в зените, припекало, словно в разгар лета. Пираты держались вместе, Грэм приказал не расходиться. Протоптав тропинку, они подошли к часовне.

Колокола не было, а стены крошились в песок. Под ногами в траве прошмыгнула змея. Слева юркнула другая, третья.

— К выходу! — крикнул Грэм.

Обернулись и увидели: у прохода, свернувшись, лежал змей, даже больше того, с которым сражался Фрэнсис, с красной чешуей коричневыми пятнами. Со скучающим видом он рассматривал людей. Позади пиратов, по стене сполз удав, толстый, но короткий, метров в двадцать. Он был черный и блестел на солнце. Под ногами у людей закопошились десятки обычных ядовитых змей. Пираты, сдерживая нарастающую панику, застыли на месте. По красному змею, извиваясь и шипя, проползло новое чудовище. Белая, не толще человеческой ноги, но очень длинная, напоминающая червя, скользила змеица. Она струилась, сворачивалась кольцами, а хвоста все не было видно. Обвившись вокруг красного змея, а частью свернувшись во дворе, она заговорила женским голосом:

— Люди, — прошипела она. — Я — царица. С вами желает говорить царь.

— Я буду говорить с ним, — прошептал Дин своим.

А двор уже кишел змеями разных расцветок. Земля и папоротники шевелились от сотен холодных тел. Они, нисколько не опасаясь, ползали прямо по сапогам, обвивались вокруг башмаков. Один змей поднялся по ноге Роберты. У пиратки бешено застучало сердце, она закрыла глаза, тяжело задышала. Змей сделал четыре оборота, не касаясь более земли, и двинулся выше. Белый, с полупрозрачной чешуей, полоз толщиной в руку, обвил талию Роберты, сильно сдавил грудь, девушка начала задыхаться. Он отпустил и скользнул выше. Холодная чешуя коснулась лица, полоз завернулся вокруг шеи. Девушке вновь стало трудно дышать, но двинуться она не смела, только глотала воздух, в глазах потемнело. Змей ослабил хватку, расположился на плечах. Хотя он и не казался большим, но весил немало и держать его было трудно.

— Люди глупые. Но вкусные, — прошипел полоз, расположившийся на Роберте.

— С тобой буду говорить я, — сказал Дин, — ты — царь?

— Я! — прошипел полоз, принюхиваясь языком.

— Мы пираты и пришли за сокровищами. Если позволишь, уйдем с миром.

— Раз… два… три… — вместо ответа змей принялся медленно считать, — четыре… пять… шесть…

Пираты застыли, обливаясь потом и сжимая оружие. Полоз произносил числа по порядку, и, наконец, закончил:

— Пятнадцать. Ровно пятнадцать человек. Четырнадцать я

съем.

— Одного отпустишь? — спросил Дин.

— Если поможет мне. Вы прибыли на корабле. Там еще много вкусных людей. Пятнадцатый приведет мне остальных и останется жив.

Пираты молчали.

— Своих не сдаем, — буркнул Грэм.

— Кто хочет жить? — прошипел полоз, — люди жаждут бытия, я знаю, меня не провести!

Испуганно оглянувшись, один из матросов, облизывая тонкие губы, проговорил:

— Я приведу людей, только отпусти меня! Отпусти, я все сделаю!

Грэм выхватил пистолет, в одно движение дуло коснулось виска предателя, грянул выстрел. Тело повалилось в траву, на него тут же наползли змеи.

— Человек, человек, что ты делаешь, — торопливо заговорил царь, — не убивай еду, я не люблю падаль.

— Это уже и была падаль, — скривив губы, сказал Грэм, наблюдая, как ноги его обвили два копошащихся клубка змей, а на штаны капал яд.

— Не делай так, не смей убивать заранее! — грозно прошипел полоз, — теперь вас четырнадцать, тринадцать умрут, один уйдет живым.

Люди молчали, только шипение тысяч змей наполняло храмовый дворик.

Голос подала царица:

— Решайтесь, люди. Вы вкусно пахните, я хочу есть.

Полоз сильнее сдавил шею Роберты, пасть его оказалась у нее перед лицом, белые изогнутые клыки были абсолютно сухими.

«Не ядовитый», — подумала пиратка.

— Может, ты? Приведешь других? — зашипел полоз прямо на ухо, отчего по телу пробежала дрожь.

— Я… — Роберта осеклась.

— Хочешь жить? — спросил змей.

От шипения зачесалось внутри уха, руки покрылись мурашками.

— Хочу.

— Приведи людей с корабля.

Роберта собрала волю в кулак, и, глядя в пасть змею, слишком тихо сказала:

— Нет… — облизала губы и проговорила громче: — нет!

— Странные люди, — прошипела змеица, — их точно можно есть?

— Что с вами не так? — удивился полоз, — вы не боитесь смерти?

— Есть вещи важнее, — хмуро проговорил Грэм.

— Что может быть важнее? — зашипел царь, высунув язык.

— Ты и сам знаешь, — сказал Дин.

Змей задумался, пережимая Роберте горло. Девушка захрипела, глотая воздух.

— Кроме жизни можно отнять что угодно, — заговорил полоз, ослабив хватку, — но если отнять жизнь — теряется все и сразу, и ни в чем нет смысла.

— Я видел написанное на табличке у входа, — сказал Дин, — я знаю, кому вы поклоняетесь.

— Думаешь, загробная жизнь важнее этой? Глупо!

— В таком случае, зачем вы поклоняетесь демону?

— Мы — не люди, мы никому не поклоняемся.

— Глупый человек, — зло прошипела царица, — тот демон — наша цель!

— Я удивлен, — усмехнулся Дин, рассматривая кишащую гадами почву под ногами, — вы ничего не знаете о демоне, но хотите поймать его.

— Колдун. Я чувствую в тебе колдуна. Говори, что знаешь, — сказал, шевеля хвостом, царь-полоз.

— Заключим сделку. Я научу тебя угождать демону, чье имя написано на табличке, а ты, взамен, отпустишь нас.

— Один уже мертв, — заметил полоз.

— Этого можешь забрать, — проворчал Грэм.

— Он предлагает нам падаль, — с ненавистью прошипела змеица.

Под ногами копошились тысячи гадов, а два гиганта — красный и черный — задремали по обе стороны от пиратов. Солнце затянуло облаками, подул прохладный ветерок. Роберта в исступлении боролась с желанием выхватить кинжал и всадить в полоза.

— Говори, что знаешь, — зашипел он.

— Демон, имя его я произносить не стану, он один из верховных слуг второго иерарха преисподней. Если хочешь совет — откажись от затеи подчинить его. Если выйдет призвать, он в первую же секунду отправит остров на морское дно и вернется в свой мир. Людские демонологи и не помышляют работать с такой силой.

— Люди — ничтожества, — змеица сделала еще три оборота вокруг красного исполина и положила на него голову.

— Если не откажетесь от призвания, — продолжил Дин, — приносите ему жертвы. На это потребуется много времени. Месяц,

два, а может быть, и год. Как только связь установится, можно переходить ко второму этапу.

— Отчего замолчал, колдун? — царь поднял голову, — я слушаю.

— Отпустишь всех, и я помогу.

— Если я отпущу — ты уйдешь.

— Я останусь.

Ветер усилился, набежали тучи, потемнело, папоротник закачался почти до земли.

— Тебя оставлю в живых — остальные умрут, — решил полоз.

Дин хрипло рассмеялся. В глазах появился недобрый свет, губы растянулись в злой усмешке. Он теперь походил на Фрэнсиса, когда над ним брал верх Белвел.

— Ты ничтожен, — сказал Дин, — тебе и сотни лет не хватит на подготовку ритуала. Демон такого уровня раздавит тебя в первую секунду контакта. Ты сойдешь с ума, ощутив его могущество. Твой удел — ловить бесов ниже десятой ступени, вроде тех, что заключены у тебя в клыках. Мне противны твои амбиции, жалкое существо. Ты живешь лишь затем, что бы пресмыкаться передо мной. Сползи на землю — там твое место, у моих ног!

Волосы Дина поднялись к небу, будто он висел вниз головой. Голос с каждым словом становился все более злым и мерзким. Демонолог громко рассмеялся, могущество рвалось наружу.

— Ты чувствуешь, змей? Мне только щелкнуть пальцами — и все сгорите заживо.

— Проклятый колдун, — сжавшись, прошипел полоз, — что в тебя вселилось?

Дин хохотал, не останавливаясь. Оливье испуганно смотрел на него, даже змеи страшили меньше.

— Дин, ты в себе!? — промямлил он.

— Заткнись, — прорычал Дин, голос изменился, стал низким, глухим и раскатистым, — я всех убью, все превращу в пыль. Спалю дотла, что горит. Никого не пощажу. Этот ничтожный мир раздражает меня. Кто вы такие, чтобы думать о порабощении господина моего господина, двадцать седьмого раба Второго Иерарха Преисподней? С какой стати мы должны терпеть назойливых существ этой поганой реальности?

— Дин, очнись! — вскрикнула Роберта, позабыв на мгновение о полозе у себя на плечах.

— Убьем его! — прошипели змеица, — кто в него вселился!? Демон, назовись!

— Гаальш, — прорычал он устами Дина, — явился в мир людей, следуя слепой воли этого человека.

— Ловим его, — решился полоз.

Демон рассмеялся, эхо отразилось от стен. Проснулся красный монстр, с него соскользнула змеица, все прочие гады в папоротнике расползлись по сторонам, словно ушла прибойная волна. Поднял голову и черный удав. Полоз спустился с плеч Роберты, яростно прошипев:

— В сторону, люди, не мешайте!

Красный змей в одно короткое мгновение оказался у Дина, сбив с ног стоящих на пути пиратов, и плотно обвил его единым движением по самые плечи.

— Не убей колдуна! — испугался полоз.

Пираты отбежали, прижались к осыпающейся стене храма, подальше от битвы. Грэм ухватился за чекан, но Оливье дерганым движением остановил его.

На Дина бросилась змеица, тонкие клыки впились в шею. Роберта вскрикнула. Тело демонолога бессильно обвисло в объятиях монстра, помутнели глаза, умер взгляд, сменившись желтым бельмом, двумя ручейками потекли кровавые слезы.

— Забирайте демона, — с паникой в голосе прошипела змеица, — времени нет!

— Кто берет!? — нервно спросил полоз.

Вокруг, изнывая от ожидания, ползал черный удав.

— Забирай, — разрешил царь.

Черный монстр только и ждал этого, он моментально приблизился к Дину, и клыки легли в раны, оставленные змеицей. Будто вампир, он отпил яд вместе с демоном и каплей человеческой крови. Дина заколотило крупной дрожью, красный змей бросил его на землю, а сам отполз ко входу, где свернулся и затих, более не проявляя интереса к происходящему. А черный удав ликовал. Сильно извиваясь, он скользил по дворику и громко шипел. Отныне могущественный демон обрел пристанище у него в клыках, даже у царя и царицы в зубах сидели бесы куда слабее. Грэм подбежал к Дину, лежащему без сознания, и поволок к остальным пиратам, что столпились у стены.

— Люди, — прошипел полоз, — вы еще тут? Вот так день сегодня! Вот так удача!

Роберта перехватила рапиру, Оливье поднял пистолеты. Пираты приготовились принять последний бой.

Перед глазами мельтешило, из раны капала кровь, оставляя следы на камнях. Фрэнсис, пыхтя, нетвердым шагом двигался к низине, откуда выполз гигантский змей. Демон внутри пирата вновь заговорил с ним: подсказал дорогу, шепнул на ухо, что идти нужно туда и никуда иначе. Фрэнсис обернул куртку вокруг

обожженной руки, другой сжимал фальчион. Шатаясь, брел вперед, взглядом скользя по земле. Боль немного отступала. Оставив позади труп серого змея, Фрэнсис сошел с холма, спустился в низину. Воздух стал прохладнее, на потную спину накинулся пронизывающий ветер. Пирату показалось, что он вошел в могильник. У подножия холма виднелся вход в нору, широкий и темный. Белвел шепнул, что идти нужно именно туда, так сладко проговорил, что не подчиниться было невозможно. Фрэнсис подошел к дыре, в ноздри ударил запах гнили. Левая рука крепче сжала эфес, пират шагнул во тьму. Нога раздавила что-то мягкое, зашевелились черви. Фрэнсис медленно продвигался на ощупь, высота прохода была достаточной, чтобы идти в полный рост. Смрад ослабил боль от ожога. Рана зачесалась, Фрэнсис почувствовал, как она затягивается — это работал Белвел.

Впереди показался свет. Ведя ладонью по земляному своду, Фрэнсис с наслаждением пачкал пальцы. Он поднял голову — сверху, сквозь переплетение вьющихся листьев, пробивался тусклый лучик солнца. В неясном свете показались очертания узкой пещеры и четырех кованых сундуков, землю устилали обглоданные кости — звериные, птичьи и человеческие. Сапогом откинув останки, Фрэнсис присел на колени. Фальчион лег рядом. С замиранием сердца Фрэнсис поднял первую крышку. Сундук доверху был набит золотыми монетами, пират взял одну и попробовал на зуб. Металл оказался настоящим, Фрэнсис с дикой ухмылкой перешел к другому сундуку. Прыгнула крышка, взору пирата предстали россыпи драгоценных камней в оправах и без них: рубины, изумруды, сапфиры и топазы. В третьем сундуке оказались золотые предметы: порванные и помятые тарелки, сломанные часы, подсвечники, слитки, цепочки, столовые приборы. У Фрэнсиса определенно улучшилось настроение. Он бросился к последнему сундуку, жадно поднял крышку и ахнул. Со дна и до самого верху навалены были амулеты, талисманы, кольца, браслеты, обереги, подвески и тотемы.

— Уверен? — пробормотал Фрэнсис, спрашивая демона внутри себя. Пальцы пробежались по артефакту в виде змеи, проглотившей кинжал и в три кольца обвившей рукоять. Пират прислушался к демону, тот неистово шептал, надрывался, призывая брать именно этот предмет и более никакой. Фрэнсис послушался и сжал статуэтку в ладони. По телу сразу разлилось тепло, стало отчетливо ясно, что в артефакте сосредоточено великое могущество. Шаг в темноту — лучик света умер за спиной. Фрэнсис, ничего не опасаясь, выбежал из норы, оставив позади смрад и сокровища капитана Райса. Сомнений не было,

совпадение с рассказом Фаскола казалось абсолютным. Оставалось непонятно одно: каким образом пиратам Райса удалось обойти гигантского змея? Впрочем, Фрэнсис начинал догадываться.

— Тысяча чертей! — выругался он, резко остановившись, и бросился обратно в нору. Фальчион так и остался лежать у сундука. И хотя из-за проклятого меча капитан чуть было не лишился руки, без него он наверняка бы попрощался с жизнью, даже не смотря на силу Белвела. Фрэнсис вновь скрылся во тьме у подножия холма.

Глава 29. Статуэтка

Толстый черный удав нетерпеливо ползал вокруг пиратского отряда, прижавшегося к стене храма. У проема спал красный исполин, постепенно во двор храма сползались змеи поменьше, царские слуги. Полоз, в отличие от большинства гадов, питал нездоровую любовь к высоте — он забрался на верхушку часовни и там свернулся, задумчиво греясь на солнце.

— Убьем их! — жадно прошипела царица.

— Я думаю, отпустим, — меланхолично произнес красный гигант.

Змеица промолчала: мнение гиганта считалось сакральным и обсуждению не подлежало. Другое дело, что никто с ним особо не считался, совсем как с церковными заветами.

— Убьем же их! — теперь змеица обратилась к полозу.

— Я на сегодня устал, — жалобно прошипел тот.

— А я голодна!

Пираты приводили в чувства Дина, он лежал без сознания, но Оливье нащупал пульс и сказал, что демонолог жив. Грэм мрачно разглядывал монстров. Коротко бросил:

— Готовьтесь к бою. Цельтесь в глаза.

Пираты, переборов страх, подняли оружие. К ним вновь сползались сотни змей.

— Передай мелочи, что я буду убивать их, ежели подползут слишком близко, — крикнул Грэм полозу.

— Видишь! — прошипела царица, — они собираются убивать наших родичей!

— Ладно, — сказал полоз, нежась под солнцем, — ты сразись с ними.

Черный удав резко обернулся, уточняя, ему ли было сказано. Царь легонько кивнул. С пронзительным шипением змей стрелой бросился на пиратов. Один матрос умер мгновенно, переломанный пополам, двоих швырнуло в стороны, остальные успели уйти с линии удара. Блеснула сталь, в плоть монстра с размаха вонзился чекан Грэма, порвав чешую, хлынула синяя кровь. Змей заверещал, толстым хвостом с впечатляющей скоростью ударил по Грэму, тот успел защититься, подставив рукоять, но это не помогло, пират отлетел к стене, сильно ударился и замер. Сбоку вылетела рапира бледной как смерть Роберты, острие угодило в рану от чекана. Тут же раздалось два выстрела и торжествующий вопль Оливье. Матросы бросились на змея, размахивая саблями, только Фаскол растерянно стоял, опустив руки.

Удав изогнулся и ударил всем телом. Пиратов раскидало по сторонам. Змеи в папоротнике пронзительно шипели, но не нападали. Черный удав бросился на ближайшего матроса, и, надвое перекусив, тут же выплюнул. Рванул к следующему, широко раскрыв пасть. Люди в ужасе бросились бежать, но их окружили сотни змей. Пираты прижались к стене. Удав юркнул с другой стороны, окружив пленников, но пока не нападал.

— Он немой, — объяснил полоз, — но хочет сказать, что вы будете умирать мучительно и по одному.

Удав протяжно, но негромко зашипел, показывая, что все до единого слова — правда. С клыков его брызнул яд, несколько капель попало на людей. Фаскол вскрикнул, судорожно стирая с руки смертоносную жидкость. По руке сразу пошла сыпь, как от крапивы, только в десятки раз сильнее. Волдыри лопались на глазах, Фаскол, не отдавая себе отчета, рванул в бок, прямо на змей, извивающихся в траве. Роберта ухватила его за шиворот, Фаскол потерял равновесие, она рванула и отбросила его обратно к стене. Он упал рядом с Грэмом и прижался к стене, с ужасом смотря на пораженную кожу.

Черный удав метнулся вперед, люди отпрянули, и только один матрос, стоявший в авангарде, остался на растерзание. Монстр схватил его пастью, поднял в воздух. Пират пронзительно кричал, пытался отбиться. Удав кинул его прямо в клубок змей, которые тут же набросились на тело. С яростным шипением они вонзили клыки, пуская в кровь смертельный яд, человек кричал, поглощенный предельным ужасом, неуклюже стремился укрыться, выбраться из клубка. Но змеи обвили его и кусали, другие отползали и бросались вновь. На казнь ушла минута, крик затих. Гады немедленно приступили к трапезе, разрывая мясо на куски.

— Людоеды, — выдохнул Оливье, потирая голову и пытаясь прийти в себя после удара о землю.

— Один, — посчитал царь, — смотрите, люди, и вы умрете так же! Все умрут!

Вокруг ползала змеица, извиваясь от удовольствия, которое ей доставлял вид разрываемого на куски человека.

— Все умрут! — повторила она с наслаждением, — следующего я съем сама!

Черный удав повернулся к ней, показывая, что все понял. Его мутные глаза снова посмотрели на людей, выбирая следующую жертву. Пираты стиснули оружие, ожидая броска. Удав скользнул по земле и очутился справа от них, раскрылась страшная пасть, и очередной матрос, неловко взмахнув оружием, оказался в ловушке, проткнутый двумя острейшими клыками. По венам

заструился яд.

С наветренной стороны раздался выстрел. Удав выплюнул жертву, инстинктивно обернувшись на громкий звук. На стене, неподалеку от красного гиганта, сидел Фрэнсис. Пистолет лег на камень, капитан неспешно поднялся на ноги. Правая рука, обмотанная курткой, бессильно свисала, в левой лежал фальчион, испачканный в синей засохшей крови.

— Кто посмел атаковать мою команду!? — крикнул Фрэнсис.

— Капитан! — вырвалось у пиратов.

Красный змей с интересом поднял голову, черный напрягся в ожидании.

— Ты убил братца!? — в ужасе зашипела царица, когда взгляд ее упал на синюю кровь, капающую с лезвия, — человек!?

Фрэнсис молча показал фальчион.

— Не прощу за это! — от вопля змеицы у пиратов заложило уши.

— А я считаю, так ему и надо, — сказал красный исполин.

Царица, словно выстрел, бросилась вперед, но хвост остался на земле. Левая рука капитана молниеносно рванула вверх, фальчион скользнул по воздуху. В мгновение оценив силу и скорость человека, царица остановила бросок, в страхе отползла, громко шипя, как будто это могло напугать Фрэнсиса.

— Глупый человек, — поднял голову полоз, — один уже поделился с нами демоном, может, и ты поделишься?

Фрэнсис тревожно глянул на потрепанную команду: лежащего без сознания Дина, Грэма, сидящего в неестественной позе у стены, четырех убитых матросов, растерянного Фаскола с обожженной рукой.

— Я забираю людей и ухожу, — мрачно проговорил капитан.

Толстый удав с нетерпением скручивался кольцами, ожидания от полоза разрешения на атаку, ему хотелось испробовать в бою новую силу в клыках.

— Я думаю, беды не выйдет, если отпустим их, — проговорил красный монстр.

— Убьем его, убьем! — дрожащим голосом произнесла царица, — вместе нападем, окружим все разом!

— Команда, как ваш боевой дух? — строго спросил Фрэнсис, — сейчас все уберемся отсюда, подождите немного!

— Ты мне не нравишься, человек, — признался полоз.

— Ты мне тоже, но мы можем подружиться. Учти, что это твой последний шанс на прощение.

— Перестань, — устало отозвался царь-полоз.

Фрэнсис спрятал глаза и прошептал себе под нос:

— Замолчи, я все понял. Не мешай мне, проклятый демон!

— Убьем же его, — заныла царица.

— Все, пробил последний час, — торжественно произнес Фрэнсис и вынул из-за пазухи артефакт, что взял с собой. Гордо поднял над головой…

Но ничего не произошло. Фрэнсис прикусил нижнюю губу, оглядывая храмовый дворик, рука со статуэткой опустилась.

— Ты шутишь надо мной, Белвел!? — гневно прошептал он в сторону.

Змеица рванула в атаку, но передумала, неуклюже остановилась, сворачиваясь кольцами.

— Роберта! — рявкнул Фрэнсис.

Пиратка испуганно посмотрела на него.

— Дин живой!?

— Да, — возглас вышел слабым, но Фрэнсис расслышал.

— Лови! — он швырнул артефакт. Статуэтка пролетела весь двор, а Роберта умудрилась поймать ее, — пусть Дин сделает, что бы она заработала!

Царица жалобно зашипела, с мольбой глядя на полоза.

— Убьем всех, — сдался он.

Удав радостно бросился на матросов, но путь ему преградил Оливье, направляя пистолет прямо в пасть.

— Ты знаешь, кто я!? — гаркнул он. — Я — гроза всех морей!

Удав замер на секунду, удивляясь странным словам, но тут же бросился вперед. Оливье спустил курок, грянул выстрел. Змей захлопнул пасть, пуля сорвала кусок чешуи с носа. Сильный удар сбил Оливье с ног. Тем временем к Фрэнсису, извиваясь, двигался полоз, снизу к броску готовилась царица, а у проема проснулся гигант и медленно заползал на стену.

— Дин! Дин! Очнись! — Роберта трясла его за рукав, била по щекам, тормошила за плечи, — очнись же! Дело плохо!

Демонолог приоткрыл веки, наблюдая, как очередной матрос за спиной Роберты лишается жизни в пасти ликующего черного удава.

— Дин, держи! — она вложила ему в ладонь статуэтку.

Демонолог ошарашено посмотрел на нее.

— Простой, но мощный артефакт. Назначение не понятно, — проговорил он.

— Он не работает!

— Просто… выдохся.

— Сделай быстрее что-нибудь, хоть что-нибудь!

Дин положил на статуэтку другую ладонь, закрыл глаза. Роберта испуганно смотрела на него, демонолог с трудом встал и поднял артефакт высоко над головой.

Заструился неяркий свет. В первородном ужасе застыли

тысячи змей, стихло непрекращающееся шипение, и вернулось с утроенной силой спустя мгновение. Удав рванул прочь, в один рывок перемахнул через стену, полчище змей рассыпалось во все стороны, лишь бы подальше от статуэтки, которая пугала их больше огня. Страшно вереща, с невероятной скоростью уползла царица, за ней рванул полоз, из виду скрылся и красный гигант, но совсем уж лениво по сравнению с остальными. Последним территорию храма покинул хвост змеицы, и воцарилась мертвая тишина. Дин упал на колени, а Фрэнсис облегченно выдохнул и прилег прямо на стене, положив руки под голову, и уставился в небо.

Нарушать блаженную тишину не хотелось, пираты молча вынесли мертвых и раненых за пределы храма и сами покинули разрушенные стены. К ним спрыгнул Фрэнсис, ободряюще кивнул. Пятерых убитых похоронили тут же, шагах в тридцати от руин. Умерших на суше следует предавать земле. Тело без жизни не должно осквернять воздух, не должно гореть в огне, пираты верили в это. Забросав песком и камнями последнюю могилу, отряд двинулся на корабль. Шли медленно — приходилось тащить раненых. Войдя в лес, присели отдохнуть в тени пышных крон.

— Растолкуй, что случилось, — первым тишину нарушил Фрэнсис, обращаясь к Дину.

— Сам все видел, — нехотя проговорил тот.

К Грэму возвращалось сознание. Сквозь пелену воспоминаний и туманных мыслей пробивался рассудок, будто цветок из-под снега. Сначала вернулась боль, вслед за ней — понимание, что жизнь еще не покинула тело. Грэм открыл глаза: Роберта в печальной задумчивости смотрела в сторону. Квартмейстер прислушался, что говорит Дин.

— Капитан Райс, сам того не осознавая, находился под защитой амулета. Эффект все видели — любым змеям нестерпимо находится сколько-нибудь близко к нему, они теряют разум, остается только страх перед статуэткой. Очень древний артефакт, могущество колдунов прошлого впечатляет. Вместе с тем, он довольно примитивен и требует постоянной подпитки. Команде Райса просто повезло, что он был заряжен. Они высадились на остров и не заметили ни одной змеи, посчитали остров необитаемым. Сложили сокровища и уплыли. К тому моменту, как появились мы, артефакт выдохся. А всего-то и надо было подтолкнуть камень с горы — дальше сам покатится. Я говорю о том, что сделал. Запустить артефакт в магическое движение было очень просто, хотя ранее я не держал в руках

подобные вещи. Интересно узнать, кто из мастеров прошлого его создал, и какая в том была необходимость.

— Вот оно как бывает, — протянул Фрэнсис, запустив пальцы в сырую лесную почву. — Ну, конец привалу! Подъем!

Пираты снова двинулись сквозь заросли, которые становились гуще, это означало, что скоро будет выход на каменистый берег. Спустя полчаса ходьбы отряд вышел к воде, но оказалось, что они дали чуть на запад, и оказались в миле от места высадки. Под шум волн пошли вдоль берега, ступая по камням. С корабля их уже заметили, и к острову направилась шлюпка.

Глава 30. Проклятые сокровища

Спустя некоторое время Фрэнсис Эвери с отрядом ступили на борт «Блаженного Липли-сина». Команде, остававшейся на флейте, приказали готовиться к высадке за сокровищами. Раненым морякам, как умел, помог судовой врач, бывший кок. Первым делом он перемотал Грэма и выдал порцию рома. Следом доктор взялся за Фрэнсиса. Тот размотал куртку, насквозь пропитанную кровью, и виду команды предстала обгоревшая от яда кожа и глубокая рана, неестественно затянувшаяся по бокам. Врач дрожащими пальцами удалил комки грязи. Принесли воды, промыли рану. На изувеченную руку легла чистая повязка, Фрэнсис с невозмутимым видом поднялся на ноги.

Следом настала очередь Оливье. Врач замотал ему голову и отпустил, но гроза морей не хотел заканчивать осмотр, не получив бутылку рома. Взяв свою порцию, он удалился. Роберта и Дин отказались от помощи, и настала очередь прочих пиратов. Хотя никто не был сильно ранен, доктор осмотрел всех и только после этого с чистой совестью отправился пьянствовать.

На воду опустили шлюпку. Отобрав десять добровольцев, Фрэнсис взял с собой Дина, который не расставался со статуэткой, Роберту и Оливье. Не обращая внимания на уговоры остаться на корабле и отдохнуть, Фрэнсис возглавил отряд, и лодка отчалила. Весла шлепали по воде, Роберта с тревогой смотрела на берег.

— Не бойся, — шепнул Дин, увидев выражение ее лица.

Она вздрогнула, отвела взгляд от острова.

— Я задумалась.

— Верно, не говори глупости, — поддержал ее Оливье, — теперь уж бояться нечего. К тому же, пока в лодке нахожусь я, она не потонет. Это я к тому сказал, что со мной не пропадешь!

— Ты как змеиная статуэтка? — улыбнулся Фрэнсис, у ног его лежал фальчион.

— Все правильно, я талисман пиратской команды!

— Фрэнсис, я раньше не замечал этот меч, — сменил тему Дин, — но теперь вижу, что в нем что-то скрыто.

Капитану не хотелось говорить об этом, потому он коротко бросил:

— Демон в нем сидит, потом обсудим.

Дин покачал головой. Лодка приближалась к берегу.

— Бояться нечего, — сказал демонолог, обернувшись к отряду, — пока со мной этот артефакт, змеи не посмеют к нам приблизиться даже на пушечный выстрел. Капитан Райс оставил

его на острове, не разгадав значения, и все равно остался жив, хотя отошел на приличное расстояние.

Нос лодки застрял в песке, отряд сошел на берег. Преодолели расстояние до леса, и очутились под защитой раскидистых крон. В воздухе кружились насекомые, по земле сновали жуки и муравьи. Преодолели чащу, почва становилось все каменистее. Вышли к низине.

— Мне кажется, будто сейчас все повторится, — сказала Роберта, — вот-вот выползет змей.

— Так это здесь было? — спросил один из матросов с ружьем на плече, которого не взяли в первую вылазку.

— Именно здесь, — подтвердила Роберта.

— Да неужто змеюка может быть такой большой? — шепелявя, проговорил другой.

— Сами увидите, — сказал Фрэнсис, — вон там я его убил.

Прошли вперед, оставили позади деревья. Пираты оказались перед трупом гигантского серого змея. Земля вокруг его головы пропиталась кровью, стала рыхлой как после дождя.

— Надо сказать коку, состряпает чего, — в шутку предложил Фрэнсис.

— Не надо, — серьезно сказал Дин.

— Думаешь, ядовитый?

— Просто не надо.

Осторожно обошли тело, будто змей еще может кинуться на них, спустились в низину, к подножию холма. Загорелись факелы, и пираты вошли в нору. Поворот-другой, и они очутились в маленькой пещере, тесной даже для двоих. Четыре сундука стояли все на тех же местах. По указу Фрэнсиса два матроса расчистили один сундук от костей и подняли. На месте, где он стоял, зашевелились десятки червей, закапываясь в землю. Ко дну пристал здоровенный комок грязи. Удар сапога, и он слетел. Матросы вынесли сундук из пещеры. Подошли еще двое, подняли груз и вышли.

Уже на воздухе, когда вытащили все сундуки, Фрэнсис разрешил поднять крышки, и пираты безумно захохотали, жадными глазами разглядывая богатства. Дин сосредоточенно рассматривал целую гору артефактов. Осторожно коснулся талисмана из тусклого металла на длинной цепочке, легонько сжал в ладони оберег — вельветовый мешочек, грубо зашитый толстыми нитками. На груде магических предметов, лежало тонкое золотое колечко, щедро украшенное изумрудами. Дин положил его на ладонь.

— Фрэнсис!

Капитан оторвался от бус из жемчуга.

— Я знаю, что сейчас не время делить добычу, — сказал Дин, — но мне нужно это кольцо!

Фрэнсис, подумав, отмахнулся от него:

— Бери…

Дин, кивнув, положил колечко в карман и склонился над артефактами:

— Много сломанных вещей и подделок. Но есть интересные, есть пара непонятных. Горю от нетерпения изучить их.

Фрэнсис свистнул.

— Команда! В путь!

Время от времени останавливаясь для отдыха, спустя три четверти часа, пираты принесли сундуки к лодке. Она прилично осела от массы сокровищ, но плыть могла. Фрэнсис приказал перевезти добычу на корабль и возвращаться. Сам он вместе с Робертой, Дином и Оливье остался на берегу.

Под солнцем Оливье сморило от рома, и он улегся тут же, на песке, сказав разбудить его, когда придет время отправиться в путь. Дин отошел в сторону и рассматривал кольцо.

Море было спокойным, лодку столкнули в воду, матросы взялись за весла и погребли. Разговор пиратов стих вдали, его заглушил тихий прибой и храп Оливье. Фрэнсис тоже развалился на песке, рядом присела Роберта, взгляд ее гулял по горизонту, а ветерок играл в волосах.

— Что тебя тревожит? — закрыв глаза, спросил Фрэнсис.

— Зачем мы все это делаем? — тихо проговорила Роберта, обхватив руками колени.

— Не понимаю.

— Зачем нам пиратство?

Фрэнсис открыл глаза:

— Как это — зачем? Ты, между прочим, задолго до меня держала в страхе моряков, грабила торговые суда.

— И что мне это принесло? Ничего хорошего!

— Отступать некуда, сестричка, — проговорил Фрэнсис, — забыла?

Роберта долго молчала, потом, откинув волосы назад, сказала:

— Я клятву не нарушу. Только… зачем это!?

— Быть вольным, рисковать жизнью, искать сокровища, жить разбоем, спускать награбленное в притонах, не признавать никакой власти над собой и закончить путь на виселице под крики толпы… Зачем это? Каждый сам решает. Только теперь уж поздно, я взял с тебя клятву, потому ты пойдешь за мной, пока не достигнем цели.

Роберта не сдвинулась с места, не пошевелилась, будто и не

слушала.

— Зачем это нужно? — снова проговорила она, — что изменится, если твоим именем станут пугать детей? К чему тебе слава?

— Не знаю. Но теперь уж не отступлюсь, и вас четверых доведу до конца. Вместе мы покорим море от края от края, даже король будет с нами считаться.

— Ты беспечен. Пусть сегодня мы остались живы, так неизвестно, что будет завтра.

— Я думаю, все пройдет по плану, — улыбнулся Фрэнсис.

Роберта встала и прошлась к воде. Черпнула ладонью соленой воды, задумалась.

— У тебя и плана то нет, — сказал она, обернувшись, — ты дрейфуешь по волнам и скоро пойдешь ко дну. И нас за собой утянешь. Вот в чем правда.

Фрэнсис присел, печально улыбнулся.

— Не пророчь неудачи. К чему говоришь это?

Роберта поджала губы:

— Теперь я вижу, что нет ничего хорошего в пиратстве.

— Нет, — согласился Фрэнсис, — это судьба.

Проснулся Оливье, шершавой рукой смахнул с лица прилипший песок. Отплевавшись, нащупал бутылку и глотнул.

— Я вот что скажу, внучка. Столько лет я жил напрасно, а теперь — нет. Может, и не правильно теперь, но не напрасно. Уж поверь мне, это многого стоит. Или взять Дина, он ведь мог бы сделать карьеру в королевской академии. Ан нет, все бросил и видишь где сейчас и с кем. Не лучшая компания! Думаешь, просто так? Не печалься, внучка, не время сейчас. Все радуются победе, найденным сокровищам, а ты странные вещи толкуешь. Первый помощник должен поддерживать капитана, даже я — писарь, дипломат и бывший канонир — понимаю это, а ты — нет.

Роберта переводила взгляд то на улыбающегося Фрэнсиса, то на сумрачного Оливье.

— Простите, — сказала она, — не знаю, зачем было говорить.

Фрэнсис снова прилег на песок:

— Забудь, Роберта. А ты, Оливье, хорошо сказал, как надо.

Гроза морей хлебнул из бутыли и, набрав воздуха, гаркнул:

— Так точно, капитан!

Роберта улыбнулась и присела к ним:

— Скорее бы деньги потратить. После таких потрясений предлагаю хорошенько отдохнуть.

Минут через десять к берегу подошла лодка, пираты высадились, и отряд снова углубился в джунгли. У Фрэнсиса было предположение, что в норе спрятаны были не все сокровища

капитана Райса. Фаскол точно не мог сказать, сколько было сундуков, потому капитан сделал вывод, что может быть больше четырех, и команда отправилась искать следы других тайников.

Пошли по новому маршруту, не к центру острова, а взяли восточнее. Пролезали сквозь мангровые заросли, шагали среди папоротника, что доходил до самого носа, продирались через сплетения лиан. Лес бушевал зеленью, сотни насекомых, противно жужжа, вились вокруг пиратов, норовя сесть прямо на лицо.

Спустя час движения по непроходимым джунглям моряки устали так сильно, будто шли несколько дней без передыху. Но следов клада не было. И тут здоровенный малый с ружьем за спиной, Барт, громко свистнул. Все обернулись, а он указал на вход в пещеру, едва заметный среди листвы.

— Чую золото, капитан, — сказал Барт.

Чтобы пролезть внутрь, пришлось пригнуться. Разожгли факелы. На четвереньках шли добрых две минуты, после чего очутились в просторной пещере, где встали в полный рост. Тут было сухо и темно. Среди белых камней, опутанные паутиной, стояли двенадцать кованых сундуков. Фрэнсис подошел к одному и поднял крышку. Старинные золотые монеты, ныне такие не выпускают, были насыпаны даже с горкой. Фрэнсис открыл еще один сундук, он оказался доверху набит драгоценностями. А рядом, в углу пещеры стояла статуя некой богини с отбитыми руками и головой, густо покрытая запекшейся кровью.

— А вот и остальные сокровища капитана Райса! — крикнул капитан. Отражаясь от стен, пещеру потрясли радостные вопли команды.

Фрэнсис потянулся, чтобы взять горсть монет, но его остановил Дин, схватив за руку.

— Стой! — сказал он с бешеными глазами, — они прокляты! Все двенадцать сундуков!

Радостные возгласы оборвались, пираты недоуменно посмотрели на Дина.

— Змеи тут проводили свои ритуалы! Вызывали демонов. Я не представляю, как они научились так ловко пленять бесов и забирать силу. Среди людей никто не умеет вселять демонов в отдельные части тела. А змеи легко вживляли в клыки, так, чтобы полностью контролировать. Здесь они проводили обряды, долгие годы общались с преисподней. Приносили жертвы! Я чувствую, сокровища насытились темным сиянием злого места, каждая монетка теперь проклята, все двенадцать сундуков! Одно касание — и мы обречены! — Дин встал спиной к сундукам, будто закрывая их, и продолжил, — змеи хотели призвать одного из

иерархов преисподней. Если представить на минуту, что у них это вышло, даже подумать страшно, что могло случиться! Он бы вырвался и начал разрушать все на пути! А в мире демонов покачнулась бы иерархия и началась война, что отразилось бы и на нашем мире, потому что мы — часть единой Вселенной.

Барт смачно сплюнул и с ружьем на плече подошел к сундукам. Дин в недоумении посмотрел на него:

— Я сказал: к золоту нельзя прикасаться!

Барт скинул крышку сундука, одностволку положил рядом.

— Ублюдок, ты глухой!? — Дин схватил пирата за плечи, но тот легко скинул колдуна, отбросил в сторону, тот шмякнулся о камни.

— Мимо сокровищ не прохожу, — сказал Барт.

Дин тяжело поднялся. Шатаясь, выхватил из-за пояса Роберты пистолет.

— Коснись хоть монетки, и я тебе башку снесу, недоумок! — крикнул колдун, приставив дуло к затылку Барта. Тот замер. Пираты молчали. Фрэнсис аккуратно опустил руку Дина с пистолетом, Барт ухмыльнулся, но вдруг почувствовал, что его обхватили стальные руки капитана, и через мгновение он оказался впечатанным в стену. Барт не устоял на ногах и рухнул, яростным взглядом ища ружье.

— Никто не тронет сокровища, — сказал Фрэнсис, и в наступившей тишине его слова прозвучали громче крика, — кто вздумает ослушаться — умрет на месте. Барт, ты слышишь?

— Конечно, капитан, — ярость в глазах Барта сменилась обычным для него равнодушным, чуть насмешливым выражением, — нет, так нет. Еще награбим.

— Теперь покидаем пещеру, — властно сказал Фрэнсис, — я выйду последним.

Пираты один за другим вылезли наружу. Прошла минута, потом другая, а Фрэнсис все не появлялся. Дин занервничал, заходил кругами, Барт уселся на землю.

— Где же капитан? — рассеяно спросил Оливье, огорченно смотря в пустую фляжку.

Спустя еще минуту Роберта не выдержала. Оставив рапиру, пиратка налегке полезла в пещеру.

Стояла непроглядная темень. Роберта только слышала странные приглушенные звуки. Торопливо разожгла факел. Он затрещал — пламя осветило стены белой породы. Все двенадцать сундуков были открыты. Рядом с ними на коленях стоял Фрэнсис с фальчионом в руках.

— Эй! — позвала Роберта, — ты что делаешь?

Она подошла ближе и увидела жуткое выражение на лице

капитана, судорожно бегающие глаза. Он обливался потом, вены вздулись от страшного напряжения.

— Позови Дина, — сквозь зубы прошипел он.

— Ты чего, Фрэнсис!?

Мелькнула сталь. Роберта даже не заметила, когда он успел повернуться, отшатнулась только, увидев, что смертоносное лезвие срубило ей волосы на челке. Пиратка споткнулась и упала. Фрэнсис сделал шаг к ней, высоко над головой поднял меч. Лицо капитана перекосило, клинок полетел вниз, прямо на Роберту, она выстрелила, грохот заполнил пещеру. Пиратка вскочила на ноги, чудом оставшись в живых — лезвие фальчиона вспороло левый рукав куртки, лишь чуть оцарапав плечо. А пуля, выпущенная Робертой, попала Фрэнсису в грудь. Капитан дрожащими от усилия руками сдерживал мощь, рвущуюся из фальчиона, а выстрела словно и не заметил. В пещеру влетел Дин, за ним другие пираты.

— Все назад! — крикнул колдун, — все наружу!

Роберта прижалась к стене, испуганно наблюдая за Фрэнсисом. А тот в один прыжок очутился перед Дином и сделал молниеносный выпад мечом. Роберте почудилось, что фальчион проткнул колдуна насквозь. Но Дин в последний момент шепнул заклинание, и Фрэнсиса швырнуло к потолку. Еще не успев приземлиться, он перегруппировался, а едва ноги коснулись каменного пола, снова бросился на Дина. Тот произнес магическую формулу, но сумел лишь отклонить лезвие. Фрэнсис всем весом навалился на колдуна и сбил с ног. Дин повторил заклятие в третий раз, и Фрэнсиса сбило с ног, он повалился и, хрипя, покатился по камням. Фальчион отлетел в сторону. Колдун выплюнул кровь, прокашлялся:

— Роберта, скорее! Дело в мече!

Пиратка бросилась к лежащему среди камней фальчиону, но тот вдруг дернулся. Роберта испуганно остановилась в двух шагах. Сзади на четвереньки поднялся Фрэнсис:

— Не подходи к нему, — слабо сказал он.

Фальчион подпрыгнул сам по себе и лезвием полоснул воздух. Роберта едва успела отпрыгнуть, понимая, что чуть не лишилась ног. Меч побрякивал об камни, понемногу продвигаясь к Фрэнсису.

— Проклятый фальчион, — сказал он, тяжело дыша, — Дин, убей его!

— Убить меч? — проговорил тот, поднимаясь на ноги, — ты в своем уме?!

Роберта вжалась в стену, Фрэнсис, насколько хватило сил, отполз подальше, а Дин шумно дышал, оставаясь на месте.

Фальчион то замирал, то подпрыгивал, вертясь вокруг своей оси.

— Ты касался золота? — спросил Дин, снова сплюнув кровь.

— Нет, — сказал Фрэнсис, не отрывая взгляда от фальчиона, — но демон внутри меча касался, он взбесился, когда почуял силу проклятых сокровищ. И особенно — вон той статуи.

Роберта посмотрела на осквернённую скульптуру, разбитую и облитую кровью. Фальчион вдруг рванул прямо на Роберту. Она вскрикнула, прыгнула вбок.

— Дин!

Но колдуна уже не надо было просить, он выпрямился, выставил руку вперед, между скрюченных пальцев родилась молния, метнулась к своду пещеры, порождая невыносимый грохот, и угодила прямо в меч. Запахло горелой шерстью. Пираты, не сговариваясь, бросились вон. Едва они очутились на свежем воздухе, как повалились в траву, тяжело дыша. Ошеломленная команда обступила их.

— Что там было? — спросил Барт.

— Мой фальчион свихнулся, — ответил Фрэнсис, снимая рубаху и осматривая рану на груди, — и не жалко было в меня стрелять?

— Это тебе стоит извиниться, чуть не убил меня! — воскликнула Роберта, поднимаясь.

— Еле сдержал меч, — признался Фрэнсис, — уже приготовился срубить тебе голову.

— Приготовился, значит?..

— Опасно играть с нечистой силой, — подал голос Дин. — Теперь понятно, почему Райс остался призраком… не на тот остров заплыл!

— Все, конец привалу, — сказал Фрэнсис, — продолжаем путь!

Со стороны моря, еле слышимый в стрекотании насекомых, раздался далекий гул.

— Гром? — пираты прислушались.

— Пушечный залп, — определил один из матросов, — капитан, зуб даю, из пушек палят!

— Возвращаемся, — приказал Фрэнсис.

Глава 31. Старые враги

Солнце клонилось к горизонту. Последние косые лучи ласкали сушу и море. Пиратский отряд прорвался сквозь джунгли и оказался на скалистом берегу.

— Берем на восток? — предложила Роберта.

Фрэнсис молча кивнул и пошел, отряд двинулся за ним. Приходилось сначала идти по мелкой гальке, потом лезть по огромным валунам, скалам, слово расколотым булавой. Но и такой путь пираты восприняли с облегчением, вспоминая непроходимые джунгли. В воздухе вились кровососущие насекомые, и только постоянное движение спасало от них. Фрэнсис все это время думал только о фальчионе, и, наконец, спросил:

— Чей был меч?

— Наемника, который приходил убить нас, — ответил Дин, — я слышал о нем, зовут Нойль Элонь.

— А я его знаю, — сказал Оливье, — пил с ним в Порт-Стене.

— И кто он? Что за дьявол?

— По мне, так обыкновенный парень, только думает о себе слишком много.

— Нойль Элонь — единственный в мире пират-наемник, — сказала Роберта, — говорят, настоящий безумец, оставляет после себя реки крови.

— И это не удивительно! — воскликнул Фрэнсис, — фальчион требует убийств! Если бы во мне не было другого демона, он давным-давно завладел моим разумом! Теперь пускай лежит в этой дьявольской пещере, главное, от меня подальше.

Спустя полчаса отряд обогнул остров, очутившись в двух милях от места высадки. Пираты увидели пугающую картину. У флейта «Блаженный Липли-син», в двух-трех кабельтовых, стояло семь военных кораблей. Еще один располагался к нему борт к борту. На пиратском корабле был сорван черный флаг с черепом и костями, вместо него бессильно свисал брейд-вымпел королевского канцлера. Фрэнсис взял у одного из пиратов подзорную трубу, нетерпеливо посмотрел: на борту флейта хозяйничали военные.

— Кто лучше всех стреляет? — спросил капитан, повернувшись к отряду.

Сплюнув, вперед вышел Барт.

— Вот что, приятель, — Фрэнсис положил ему руку на плечо, — напугай вояк как следует. Пускай высаживаются за нами.

Малый ухмыльнулся, ружье привычно соскользнуло с плеча. Он закрыл левый глаз, прицелился.

— Зачем? — спросила Роберта, так тихо, что бы никто, кроме Фрэнсиса, не услышал.

— Предложи что получше, — проворчал тот.

Грянул выстрел. Фрэнсис схватился за подзорную трубу: сквозь мутные линзы он увидел, как на палубе упал военный.

— Правительственные крысы, — процедил Оливье.

— Точное попадание, — сказал Фрэнсис.

Стрелок сел в позу лотоса, неспешно, но ловко перезаряжая одностволку.

— Еще бы не точное, — ответил он спустя минуту, будто только услышал.

На борту воцарилась паника, а на берегу Барт неспешно пожевал губы, будто старик, сплюнул. Ружье дулом уставилось на флейт. Грянул выстрел, пуля скользнула над водой, на палубе кто-то упал. Раздались ответные выстрелы по пиратам, дали залп из пушек.

— Теперь — уходим, — скомандовал Фрэнсис.

Пираты отступили под защиту леса. С флейта прекратилась стрельба, через минуту на воду спустили две шлюпки. Оливье наблюдал, как и на других кораблях готовятся к высадке.

— Подпустим поближе, — сказал Фрэнсис стрелку, который снова подсыпал пороха и вставлял пулю, нагло улыбаясь.

Лодки приближались. Гребли по свистку. Роберте стало немного совестно за то, как ее команда давеча управлялась с веслами: половина хлестала ром, остальные кричали, голосили, а капитан не обращал на это внимание, и она, как старший помощник, потакала безобразию.

Барт выстрелил — один из гребцов безжизненно повалился на бортик, с лодок донеслись крики.

Щелкнул курок, вылетела очередная пуля, разорвала череп следующей жертве. Лодки подошли к берегу, десятки сапог зашлепали по воде.

— Отступаем! — приказал Фрэнсис.

Пираты рванули в лес, свист ветра в ушах заглушил гомон солдат на берегу.

— Сколько их там!? — на бегу выкрикнул Оливье.

— Человек сорок! И еще будет, уже спускают шлюпки! — крикнула в ответ Роберта.

Неслись сквозь джунгли, топтали папоротник, перепрыгивали через лианы. Позади всех легко бежал Барт с ружьем наперевес. Выскочили прямо у змеиной норы в низине, где лежали сокровища.

— К храму! — рявкнул Фрэнсис, взбегая на холм.

За ним, не оборачиваясь, неслась Роберта, единственным ее ориентиром была спина капитана. Впереди показались развалины. Скоро пираты подбежали к ним. Тяжело дыша, вошли во дворик. Фрэнсис без промедления взобрался на стену, за ним вскарабкался Барт.

— Дело пропащее, — сказал он, улыбаясь.

— Чему ухмыляешься? — поинтересовался Фрэнсис.

— Люблю добрую заварушку, — ответил тот, — с тобой, я вижу, скучно не бывает.

— Не боишься виселицы?

— Неа, — еще шире оскалился Барт, — два раза-то не повесят, в этом я уверен.

Фрэнсис поднял подзорную трубу: кругом один лес, и никаких признаков солдат.

Пуля, вылетев из-за густой листвы, просвистела в воздухе и угодила капитану прямо в грудь. Он пошатнулся и упал со стены. Тяжело плюхнулся, как мешок с песком. Пираты испуганно уставились на него, подбежала Роберта.

— Нормально все, — проговорил он, поднимаясь, — ну, чего пялитесь? Я прочнее стали. Зазевался, вот и упал.

Фрэнсис снова залез на стену, на него с ухмылкой смотрел Барт.

— Сам-то не боишься тут сидеть? — спросил капитан, вновь поднимая подзорную трубу.

— Неа, — Барт сплюнул, — два раза-то не пристрелят, а один раз не страшно.

Из-за деревьев показались солдаты, вооруженные длинными мушкетами со штыками. Барт вскинул ружье, грянул выстрел, пороховой дымок потянулся кверху. Один из солдат рухнул, будто споткнулся. В ответ на них обрушился шквальный огонь. Пули рвали старую стену, по ней побежали длинные трещины, песком посыпались камни.

— Прячемся, — Фрэнсис спрыгнул во дворик, рядом с ним, спустя мгновение, оказался и Барт. Он приземлился мягко, словно кошка, и, не медля, принялся перезаряжать одностволку. Отгремело еще два залпа, после чего наступило затишье. Фрэнсис выглянул: солдаты залегли вокруг храма.

— Оливье.

— Да, капитан?

— Как дипломат, поговори с ними.

— Есть!

Оливье снял рубаху, некогда белую, и помахал ею над стеной, как можно выше, подавая тем самым сигнал о временном

перемирии. Одежка вновь очутилась на теле, Оливье застегнулся и вскарабкался на стену.

— Судовой дипломат Фрэнсиса Эвери предлагает переговоры от имени команды!

Спустя минуту из укрытия высунулся солдат и выкрикнул, что вскоре прибудут ответственные лица, а пока что никто не сдвинется с места.

— Капитан Фрэнсис Эвери свободен в выборе курса! — грозно сказал Оливье и спрыгнул со стены.

— Отлично, — похвалил его Фрэнсис, — ты проявляешь талант!

Оливье присел:

— Переговоры плохо влияют на мое самочувствие, — пожаловался он.

— Следить за передвижением противника! — отдал приказ Фрэнсис, — атаку ожидать в любой момент!

— Правительственные крысы, — подтвердил Оливье.

Трюм «Блаженного Липли-сина» был полон солдатами Его Величества, а также ранеными и побитыми пиратами, закованными в кандалы. Грэм, опустив голову, ругался в полголоса.

— Блэксмит! — стоящий рядом солдат сапогом ударил его по лицу.

Пират выплюнул два выбитых зуба, но солдату показалось этого мало, и он врезал еще раз. Грэм потерял сознание, темная пелена поглотила его. Смутные образы мельтешили в голове, то кровавые, то мрачные. Вспомнилась тюрьма Бланкальер, всплыл образ Роберты с обезображенным лицом. Потом почудилось, будто тонет, проваливается в ледяную воду.

Грэм очунулся, закованный в кандалы. Оглянулся: связанная команда угрюмо сидела и молчала, у входа стояли два надсмотрщика.

К пленникам спустились Хауэлл и Дайтоб, в окружении солдат и офицеров. Найдя глазами Грэма, канцлер первым делом двинулся к нему.

— Вот и встретились, — сказал канцлер.

— Не имею чести, — процедил Грэм.

— Король отдал приказ поймать всех сбежавших из Бланкальера. И казнить.

— Без суда?

— Можем договориться. Будешь сотрудничать — будет и суд. Только все равно казним.

— С вами приятно иметь дело, сэр, — сказал Грэм. — Однако

позвольте послать вас к черту.

Пираты хищно заулыбались. Хауэлл переменился в лице, но в этот момент в трюм спустился солдат, и, подойдя к канцлеру, что-то шепнул. Тот внимательно выслушал.

— Вот и все, Блэксмит! — воскликнул он, кивнув и отослав солдата, — Эвери в ловушке, осталось только схватить его! Теперь прошу извинить: мне и сэру Дайтобу следует высадиться на острове и лично принять капитуляцию Эвери!

— Капитан не сдастся! — крикнул один из пиратов.

Его поддержали и остальные, дико ревя и выкрикивая оскорбления Короне и всем правительственным псам.

— Заткнулись! — рявкнул Дайтоб.

Солдаты бросились на связанных пиратов, избивая их, заставляя замолчать.

— Скоро я вернусь сюда с Эвери! — пообещал Хауэлл.

— Удачи не желаю, хотя она вам понадобится! — сказал Грэм, — Фрэнсиса так просто не возьмешь.

Хауэлл только усмехнулся и вышел. Вслед за ним пленников покинул Дайтоб и сопровождающие их офицеры.

К солдатам, окружившим руины, где укрывались пираты, постепенно присоединялись все новые отряды, укрепляя осаду. Спустя час появились и командующие: Хауэлл и Дайтоб. Они отдали приказы, перестроили позиции, наглухо обложив храм со всех сторон. Следуя традиции, в качестве парламентера выступил сам канцлер. Он храбро подошел к стенам, хотя и слышал, как за ними наглый голос предлагает накормить его свинцом. Вскоре перед Хауэллом появился Оливье, гордо встав в полный рост, а, учитывая высоту стены, канцлер почувствовал себя тараканом. Редко когда ему приходилось разговаривать с кем-то снизу вверх, обычно к нему относятся почтительнее.

— Я требую разговора с капитаном, — сказал он, нахмурившись.

Из-за стены до слуха канцлера донесся обрывок фразы: «… давайте пристрелю его, гадюку подколодную! Чего церемониться!»

Хауэлл поперхнулся в кулак, откашлялся и Оливье.

— Наконец-то я вас нашел, — сказал канцлер, собравшись с мыслями, — и теперь уж все до одного можете готовиться к виселице.

— Я слышал подобные речи и в прошлый раз, в форте Бланкальер, а тогда у нас не было даже корабля.

Хауэлл побледнел, тяжело запыхтел.

— Грязный трюк, — выдавил он.

Оливье рассмеялся:

— Вы сумасброд, сэр, признайте это.

— Оливье Шарм, вас уже ничто не спасет, это я гарантирую, а вот кое-кто из ваших может и выживет. Передайте команде, что мне нужно всего два человека, и мы просто обязаны договориться. Я имею в виду Дина Лайлойда и Фрэнсиса Эвери. Буду краток, господин дипломат: выдайте мне их, и я смягчу приговор всей команде. Пожизненная каторга вместо виселицы, подумайте хорошенько!

— Весьма благодарен за предложение, — кивнул Оливье. — Позвольте обсудить его с командой, — и спрыгнул со стены. Оказавшись во дворике, он присел, тяжело задышал, у него задрожали колени.

— Ужас какой-то, — промолвил он, — Фрэнсис, поговори сам. Не люблю работать на публику.

— У тебя замечательно получается, — подбодрила дипломата Роберта.

— План такой, — вмешался Барт, — я отстрелю канцлеру голову, а дальше будь что будет!

— Отдохни пока, — буркнул Фрэнсис, в ответ стрелок только пожал плечами.

Роберта осторожно выглянула из-за проема в стене: солдаты лежали по укрытиям, а Хауэлл томился под лучами заходящего солнца. Вдалеке, среди деревьев, она заметила движение.

— Глядите! — воскликнула она, — к ним идем подкрепление!

Спустя пару минут к Дайтобу подошло два офицера, сообщивших о прибытии своих отрядов.

— Вот что, Оливье. Скажи им, что нас тут десять тысяч! Или двадцать! — предложил Фрэнсис.

— Второй раз… не получится, — слабо проговорил тот.

Но спустя десять минут вышел к Хауэллу, высокомерно задрав подбородок и держа воистину королевскую осанку.

— Заждались, сэр канцлер? — осведомился он.

— Ближе к делу.

Оливье откашлялся:

— Предлагаю оставить решение вопроса до утра, нынче рано темнеет.

Несмотря на сгущавшиеся сумерки, пели птицы, воздух переливался ароматами тропических цветов, ветерок легонько дул в лицо. В такие моменты жить хочется как никогда. «Жизнь прекрасна!» — воскликнул бы любой на острове, если бы не надо было решать проблемы: солдатам — слушать приказы начальства, рискуя жизнью в борьбе с разбойниками, Хауэллу и Дайтобу — думать, как бы не упустить добычу, а пиратам — спасать свои

шкуры.

— Я отказываюсь, сэр Оливье Шарм, — сказал канцлер, — мне нужен только ваш капитан. Выдайте его. В противном случае я прикажу начинать штурм немедленно.

— Погодите минутку, — сказал Оливье и спрыгнул.

Хауэлл приготовился к долгому ожиданию, но почти сразу же на стене появился сам капитан.

— Мое имя — Фрэнсис Эвери, — сказал он, — рад возможности познакомиться лично. Скажу честно, наслышан о вас.

— Знали бы вы, насколько я рад встрече. Давно, право, давно мечтал об этом. И еще более хотел бы посмотреть, как вы болтаетесь на виселице.

— Ваши мечты мне не по душе, — сказал Фрэнсис, — а я надеялся, что мы договоримся.

— Отчего же нет? — удивился Хауэлл, — сдавайтесь добровольно, и я облегчу участь всей команде. Кроме Дина Лайлойда, разумеется.

— Он-то чем вас не устроил?

— Пиратство, разбой, диверсии, научные исследования не в пользу Короны. И главное — незаконное использование эликсира Белвела.

— Я вижу, осведомлены вы достаточно.

— Разумеется, Эвери. Так вы решились: сдаетесь или мне начинать штурм?

— Начинайте, пожалуй. Только послушайте вот что: вам не достать ни меня, ни мою команду.

С этими словами Фрэнсис спрыгнул со стены и скрылся из виду.

Хауэлл отбежал в укрытие и приказал атаковать. Дали протяжный ружейный залп, солдаты пошли в наступление. Волной они сорвались с мест и подбежали к стенам, безо всяких препятствий очутились у проема, храмовый дворик принял их.

Солдаты растерянно остановились. Сквозь толпу протиснулся Дайтоб, за ним Хауэлл. Они недоуменно подошли к часовне в центре. Тут не было ни одного пирата.

— Где они!? — рявкнул Дайтоб.

— Не имею представления, сэр, — растерянно ответил один из солдат.

Глава 32. Пираты в ловушке

Вояки в недоумении опустили оружие. Во дворе их находилось около пятидесяти, а за стенами, по периметру храма, еще более сотни. Уйти пираты никуда не могли — атака шла со всех сторон.

— Чего вы переживаете, сэр? — спокойно проговорил солдат с расстегнутым на две пуговицы мундиром, — под часовней они спрятались, и всего-то. В яме для жертвоприношений.

По приказу Дайтоба солдаты сдвинули хрупкую плиту, которая крошилась у них под пальцами. В прямоугольной яме метра два глубиной, как соленая рыбка в бочке, с глупыми лицами стояли пираты. Солдаты ощетинились на них десятками мушкетов. Дайтоб облегченно вздохнул:

— Думал, опять упустили.

— Попались! — потер ладоши Хауэлл, — как долго я ждал! Что скажешь Эвери, сами в могилу легли, нам только закопать!?

Довольный собой, канцлер рассмеялся. Фрэнсис с каменным лицом, протолкался поближе к Хауэллу, макушка капитана была ниже солдатских сапог. Фрэнсис поднял руку, крепко сжимающую змеиную статуэтку и с силой приложил ее об землю, прямо перед башмаками канцлера. Артефакт разбился вдребезги, Хауэлл, испугавшись, отпрыгнул.

Спустя мгновение издалека донеслось протяжное шипение, которое можно было перепутать с шумом водопада. Солдаты в недоумении прислушались, отвлеклись. Воспользовавшись замешательством, Фрэнсис ухватил плиту и надвинул обратно. Пираты погрузились в полную тьму.

С поверхности донеслись первые крики и вопли. На солдат волной накатывала орда змей. Маленькие, они ловко ползли в траве, мелькали среди камней. Гады кидались на моряков, вонзая ядовитые клыки. Солдаты палили из мушкетов, пытались насадить змей на штыки. В жуткой панике началась давка, моряки мешались друг другу, падали на землю, а сотни змей впрыскивали яд в человеческие тела. Пираты, скрытые под землей, с содроганием слушали жуткие вопли над головой, и только Барт противно улыбался.

Из леса выползли четыре гигантских змеи: красный исполин, черный удав, белая царица и белый полоз. Они в неистовстве бросились на людей. Душили, рвали на части, ломали хребты и пускали яд по венам. Солдаты, оставшиеся в живых, самые крепкие и опытные, заняли глухую оборону.

Красный монстр заполз на стену, пронзительно зашипел. При

виде огромного чудовища моряков окатило волной первородного ужаса. В едином порыве они вскинули мушкеты. На змея обрушился шквал огня. Чешуя, что прочнее камня, с легкостью выдержала пули, и змей лениво сполз во дворик. Солдаты попятились, но позади, у входа, появился черный удав. Чудовища бросились с двух сторон, сминая людей. Это был не бой, а безжалостное уничтожение. Кровь полилась по камням, заструилась по плите над головами пиратов. Столько предсмертных воплей, полных ужаса, они не слышали никогда. Даже массовые казни и беспощадные абордажи не шли ни в какое сравнение.

Наконец, крики затихли. Фрэнсис аккуратно приподнял плиту, поднялся на цыпочки: кровь смешалась с грязью, на земле лежали десятки мертвых тел. А в углу, прижавшись к стене, стояло девять человек: Дайтоб, Хауэлл и семь солдат. Вокруг них, как тигры в клетке, из стороны в сторону бесшумно скользили змеи. Бледный Дайтоб сжимал в руках осколки артефакта, в котором еще оставалась сила. Фрэнсис шикнул на пиратов, приказал не издавать ни звука.

— Проклятое чудовище, — процедил сквозь зубы Дайтоб, вынимая свободной рукой из ножен прямой обоюдоострый меч. За ним сгрудились солдаты и сэр Хауэлл, дрожащими пальцами он сжимал кортик, инкрустированный рубинами. Полоз оглушительно зашипел.

— Жалкие, ничтожные людишки! — поддержала его царица.

— Самые обыкновенные, — возразил красный исполин, заползая на широкую стену. Там он свернулся кольцами, хвост остался на земле, а голова отвернулась от происходящей сцены. Понемногу темнело.

— Наслаждайтесь последними мгновениями, — прошипела змеица.

Дайтоб неистово сжимал разбитую статуэтку, мелкие осколки резали пальцы, по белым костяшкам побежали тонкие струйки крови.

— Злой амулет потухнет, — продолжила она, извиваясь от нетерпения.

— Пока у нас есть время, — прошипел полоз, нюхая языком последние капельки магии, исходящие от амулета, — хочу поблагодарить, что привели нам столько еды.

— Отпусти нас, тварь! — вскрикнул Хауэлл, — я канцлер Его Величества! У берега стоят восемь военных кораблей, скоро сюда высадятся войска и уничтожат вас!

— Еда придет сама? — уточнила царица.

Из щели от поднятой плиты до слуха пиратов донеслось

чавканье сотен глоток, звуки рвущегося мяса.

— Людоеды, — ахнула Роберта.

— Тихо, — шикнул Фрэнсис, — они забыли про нас!

Змеи впивались в людей, рвали плоть, проползали в рот и глаза, словно черви прогрызали тело насквозь. Жуткий пир не останавливался ни на мгновение.

— Я слышал, что змеи, когда наедятся, ползать не могут целый месяц, — прошептал Оливье.

— Ногами будем давить, — рассмеялся Барт.

— Заткнись! — со страшным взглядом шепнул ему Фрэнсис.

Чавканье сливалось в один непрекращающийся звук, похожий на треск костра.

— Скоро… — Дайтоб совладал с голосом, — придет подкрепление. Убирайтесь, пока не поздно!

— Еще немного, — взвизгнула от нетерпения змеица.

— Последние капли, — согласился полоз.

— А мне кажется, в безделушке осталось немало магии, — сказал красный змей.

Солдаты стояли бледные как снег, целились из мушкетов.

— Смотрите, как испугались, — проговорил Барт.

— Да тише ты! — воскликнула Роберта.

— Заткнитесь! — в ярости шепнул Фрэнсис, обернувшись.

Плита проскрежетала по фундаменту часовни. Змеица уловила этот короткий и слабый звук, резко обернулась, высунула раздвоенный язык. Пираты застыли, Фрэнсис осторожно опустил плиту, и выдохнул. Царица поползла на звук, головой скользя по земле.

Хауэлл глубоко вдохнул и закричал:

— Там пираты! Под плитой! Убейте их!

Полоз подался вперед, оказался у самого артефакта. Дайтоб сжал его еще сильнее, выставил руку вперед.

— Проверь, — прошипел царь.

Черный удав радостно рванул с места, а змеица уже ползала вокруг плиты. Пираты стояли в темноте, настороженно прислушиваясь.

— Там они, там! — не унимался Хауэлл.

Оливье прощался с жизнью, шептал молитвы. Роберта закрыла глаза. Двинулась плита. Наверху уже наступили сумерки, тусклый свет упал на тринадцать пиратов. Показалась огромная черная голова. Взлетела сабля — Фрэнсис стрелой выпрыгнул на поверхность. Змей отпрянул, хвост сделал полукруг и обрушился на капитана. Тот кувыркнулся, упал на мертвых солдат. Из ямы повыскакивали пираты, раздались выстрелы, крики. Сабля полоснула воздух, капитан скользнул сбоку, удав среагировал и

юркнул в сторону, но оказался недостаточно быстрым. Лезвие вошло в плоть, хлынула кровь, два куска черного змея, разрубленного точно пополам, забились в пыли.

Царица укусила одного из матросов, впрыснув яд, человек захрипел, ртом пошла пена. Грянул выстрел — это Барт, ухмыляясь, спустил курок. Пуля прорвала чешую царицы, но зашла не глубоко, лишь слегка ранив. Пираты набросились на змеицу, размахивая шпагами и саблями. В разуме ее поселилась паника, она юркнула в сторону, огибая трупы, рванула прочь. Но длинное тело сыграло с ней не добрую шутку — пираты изрубили хвост, с превеликим усилием кроша затвердевшую кожу. Наперерез бросился Фрэнсис, ногой наступил на змеицу, переломив позвоночник, сабля замелькала в воздухе, нарезая куски. И спустя пару секунд дух змеицы покинул бренную оболочку. В этот момент на Фрэнсиса набросился полоз. Капитан не успел среагировать, не смог ударить. Царь обмотал его в три обхвата: грудь, шею, и руку, сжимающую саблю. Клинок звякнул о камни, залитые кровью. Полоз напряг все мышцы, сдавил мертвой хваткой. Он ожидал мгновенно переломать все ребра, острые обломки которых порвали бы легкие, думал, что треснет шея и позвоночник. Но Фрэнсис, хотя и в полуобмороке, но держался. Подбежали пираты, острыми клинками пронзая змея. Тот надавил еще сильнее, надеясь перед смертью утащить человека на тот свет. Взметнулись сабли, ударила рапира Роберты, перерубая мышцы, змей ослабил хватку, и Фрэнсис порвал его на куски, точно веревку, скинул с себя. Капитан упал, тяжело и часто задышал, из носа заструилась кровь.

Со стены на них угрюмо глядел красный гигант. Фрэнсис, превозмогая слабость, встал на ноги. За ним сгрудилась команда. Капитан заговорил, после каждого слова делая по два-три вдоха и выдоха:

— Чего… не… атакуешь?

— Еды предостаточно, мне и за год не съесть. Нет причин убивать вас, — мерно прошипел он, — но если хотите, то нападайте. Правда, я вам не по зубам, слабоваты будете.

— Тогда… расходимся… с миром, — выговорил капитан.

— Это были твои слова, — сказал змей.

Фрэнсис уставился на Дайтоба, все еще сжимающего разбитый артефакт, на Хауэлла, полуживого от страха, и семерых солдат, у которых было только одно желание — убраться отсюда живыми.

— Ну что, господин канцлер? — Фрэнсис совладал с дыханием.

— Атакуйте их, — слабо проговорил тот.

Солдаты и с места не сдвинулись.

— Разоружить! — приказал Фрэнсис.

Вперед вышла Роберта, видя по глазам солдат, что они сдадутся без боя. За ней двинулся Барт, положив ружье на плечо, а после тронулись с места и остальные пираты. Он приказали врагу бросить оружие. Хауэлл первым откинул кортик, клинок клацнул о камень. Дайтоб бессильно опустил руки, но пальцы, стискивающие статуэтку, так и не ослабили хватку, кисть была в липкой крови. Пираты забрали оружие, обшарили солдат.

— Сэр Хауэлл, у меня к вам вопрос, — проговорил Фрэнсис.

Тот испуганно посмотрел ему в глаза, тут же отведя взгляд.

— Вы хотите жить? — спросил капитан.

— Д-да, — запнулся канцлер.

— А вы, сэр? — кивнул он Дайтобу.

— Хочу, — промолвил тот.

— Тогда у меня к вам предложение, — сказал Фрэнсис, — я меняю ваши жизни и жизни ваших солдат на свободу моей команды. Мы уходим в море, а ваши корабли пропускают нас. Как вы смотрите на это, господа?

— Что… скажете, сэр Дайтоб? — шепнул Хауэлл.

— На меня ответственность скидываете? — выдавил тот.

— Просто… спрашиваю.

— Я согласен.

— Надеемся на благородство капитана Эвери, — промямлил Хауэлл.

Барт усмехнулся, подбирая с земли мушкет. На него меланхолично смотрел красный змей. Пират подмигнул ему и рассмеялся, разглядывая змей-людоедов, наевшихся человечины и теперь мирно заснувших тут же, у изглоданных трупов.

— Вот и славно, — сказал Фрэнсис. — Команда, готовимся к дороге! А вы, господа, пойдете впереди. Я вижу, что змеи наелись и не в силах пошевелиться, но все равно не стану рисковать своими людьми. Если же вас укусят, значит — такова судьба. Ну, пошевеливайтесь!

— Правительственные крысы! — добавил Оливье.

Глава 33. Возвращение на флейт

Пираты и пленники с опаской миновали сытых змей и вошли в лес. Спустя час перед ними раскинулось море. Берег был пуст, и только шлюпки портили пейзаж нетронутой природы. Люди сели в них, пираты накрепко примотали руки солдат к веслам, предупредив, что за любой лишний звук будут убивать. Лодки отчалили, пленники гребли предельно осторожно, чувствуя на глотках прикосновения острой стали, но в то же время ощущая громадное облегчение оттого, что покинули проклятый Сколоперкос.

Шлюпки приблизились к флейту «Блаженный Липли-Син». Когда они достигли корпуса судна, первым выпрыгнул Фрэнсис, не дожидаясь никого, зацепился за якорную цепь и полез. Наверху раздались крики, в воду полетели дозорные, и спустя минуту Фрэнсис сбросил пиратам шторм-трап. Они резво вскарабкались по веревочной лестнице, а на борту, при слабом свете фонарей, их встретили солдаты и матросы, а так же Фрэнсис, в одиночку раскидывающий их по сторонам. Пираты бросились в бой, на корабле забили в рынду, поднимая тревогу. На верхнюю палубу вываливали все новые солдаты, да и на других кораблях дали команду аврал.

Барт остался в лодке сторожить пленников.

— Хочешь золота? — спросил у него Хауэлл, тщетно пытаясь совладать с путами на руках.

— Неа, — усмехнулся тот.

— Чего ты хочешь? Я дам тебе все, только отпусти! — воскликнул канцлер, — у меня большая власть, я могу сделать патент на неприкосновенность!

Барт только рассмеялся.

— Я бы тебя давно убил, — сказал он, плюнув на дно лодки, — если б не капитан.

Хауэлл замолчал и более не смел ничего говорить.

На палубе продолжался бой. Солдаты Короны отступали перед лютой силой капитана пиратов, меч которого уже окрасился кровью. Фрэнсис резко остановился перед очередным солдатом, тот с криком отбросил оружие и попятился назад.

— Сдавайтесь, и останетесь живы! — рявкнул Фрэнсис.

— Сложить оружие! — не своим голосом выкрикнул Дайтоб, появившийся на палубе, к затылку его Барт приставил ружье. В тусклом свете моряки узнали командующего. Рядом, склонив голову, застыл Хауэлл.

— Это приказ контр-адмирала! — крикнул Дайтоб, — я

объявляю капитуляцию!

Солдаты с некоторым облегчением побросали оружие.

— Связать всех! — крикнул Фрэнсис, — кто старший на корабле!?

— Каперанг Даниэль Блан, — сбивчиво проговорил моряк, сделав шаг вперед.

Фрэнсис подошел к нему вплотную:

— Всю команду — на верхнюю палубу! Капитуляцию примет мой первый помощник — Роберта Блэксмит. А для начала проводи меня к пленникам.

Даниэль Блан кивнул, Фрэнсис показал ему взглядом идти вперед, и каперанг неуверенно двинулся с места. Спустя минуту они вошли в трюм, где сидели закованные в кандалы пираты. Увидев капитана, они подняли ликующий галдеж.

— Каперанг, позвольте ваш кортик, — проговорил Фрэнсис. Даниэль Блан передал оружие. Фрэнсис разрубил ближайшую веревку.

— Теперь, в кратчайшие сроки, я жду полной капитуляции личного состава.

Даниэль Блан поспешно вышел, поймав на себе недобрые взгляды связанных пиратов.

— Все живы? — спросил Фрэнсис, разрезая веревки и ломая кандалы. Первые освобожденные пираты разминали затекшее тело и помогали остальным. Рухнули кандалы с рук и ног Грэма, но подняться он все равно не сумел, слишком тяжелы были раны, полученные в бою. Фрэнсис свистнул пиратам, и Грэма отнесли в каюту, остальные поднялись на верхнюю палубу.

Там сидели связанными три десятка солдат и матросов, включая пленников с острова. Перед ними ходили ликующие пираты. Фрэнсис осмотрелся: в бухте, окружая флейт, стояло восемь кораблей Дайтоба. Действовать надо было быстро. Дав предупредительный сигнал, с «Блаженного Липли-сина» спустили шлюпку, и она направилась к флагманскому кораблю Семнадцатой флотилии.

В шлюпке сидели Фрэнсис, Оливье, Даниэль Блан и еще восемь пиратов. Едва они подошли к величественному линкору, который казался настоящим гигантом по сравнению с флейтом, им сбросили веревочный трап.

— Вы капитан корабля? — ступив на палубу, спросил Фрэнсис у тучного широкоплечего военного.

— Вы не ошиблись. Сэр Дайтоб возложил на меня обязанности капитана до его возвращения, однако, прошу, поторопитесь. Я дам только минуту на то, чтобы убедить меня не повесить вас и ваших людей на рее.

— Если с нами что-то случится, сэр Дайтоб и сэр Хауэлл, равно как и все солдаты, находящиеся теперь на «Блаженном Липли-сине», будут убиты. Понимаю, что слова пирата не так много весят в приличном обществе, поэтому прошу вас прочесть письмо, написанное контр-адмиралом Дайтобом, — с этими словами Фрэнсис протянул конверт капитану линкора.

Тот развернул бумагу, быстро прочитал дважды, потом подозвал несколько офицеров, они хмурились и сопели, но кивком подтвердили, что бумага подписана Дайтобом.

— Разрешите обратиться, — прокашлявшись, проговорил Даниэль Блан, после того, как Оливье ткнул его в бок. Капитан линкора только теперь его заметил, осмотрел с ног до головы.

— Так ли то, что Дайтоб и Хауэлл в плену? — спросил он, — они живы и приказывают пиратов отпустить в обмен на их жизни?

— Да, сэр, — отвечал Даниэль Блан, — на тот момент, когда я садился в шлюпку, все было именно так. Контр-адмирал Дайтоб приказал вам передать следующее сообщение: «Любой, кто будет препятствовать пиратскому флейту покинуть бухту — лишится погон».

Капитан линкора смерил каперанга взглядом, а после обратился к Фрэнсису:

— Будь моя воля, вы бы уже болтались на рее, — сказал он.

— Нам повезло, что не на все ваша воля.

— Именно что повезло, господин пират. Прошу более не осквернять палубу королевского линкора свои присутствием, возвращайтесь на флейт, мы вас пропустим.

— Благодарю, сэр, теперь позволю себе откланяться.

Когда пираты и Даниэль Блан спустились в шлюпку, уже стемнело и на кораблях стали зажигаться огни.

Вернувшись невредимым на «Блаженный Липли-Син», Фрэнсис похвалил себя, что не взял с собой на флагманский линкор Хауэлла или Дайтоба. Он решил, что один из них наверняка сдал бы второго ради уничтожения опасных пиратов.

Пока приказ передавался по кораблям Семнадцатой флотилии, Фрэнсис пригласил для разговора Дина, Хауэлла и Дайтоба. Пребывая в хорошем расположении духа, он расщедрился и плеснул пленникам коньяк.

— Все равно я тебя достану, — заявил Хауэлл, расслабившись.

— Договоришься у меня, — хмыкнул Фрэнсис, — выброшу за борт.

— Выбросишь — и пойдешь за мной на дно. Флейт не выдержит и десятка залпов!

— Скажи, канцлер, неужели все ради эликсира? — спросил Дин, по-варварски хлебнув коньяк прямо из горла.

— Так и было, — кивнул тот.

— Но теперь ты понял, что зря тратил время?

— Как это — зря? — спросил Хауэлл.

— Рассказать им? — Дин посмотрел на Фрэнсиса.

Тот пожал плечами:

— Уже неважно.

Дин повернулся к пленникам:

— Ваши алхимики пытались создать эликсир по нашим записям, верно? — спросил он.

Хауэлл молча кивнул.

— Но ничего не вышло, так?

Канцлер снова кивнул.

— Белвел един, вот и ответ! Эликсир не перевернет мир, он ничем не лучше и не хуже десятка других, разве что опаснее. В один момент времени он может наделить силой только одного человека. Им нельзя управлять и даже спрогнозировать время пребывания в человеке. Так что, господа, зря старались!

— Вовсе и не зря, — возразил Хауэлл, — я и сэр Дайтоб немало продвинулись по службе. Нам впору и поблагодарить вас.

— Не знаю, как у вас там дела делаются, но в плане эликсира можете не ломать голову, — сказал Дин, — не оправдал он ожиданий.

— А я, признаюсь, доволен, что нас выслеживали такие остолопы, — проговорил Фрэнсис.

— Попрошу без оскорблений, — выдавил Дайтоб.

— Могли поймать нас еще у Бланкальера, — сказал Фрэнсис, пропустив его слова мимо ушей, — почему не прочесали город, не подняли каждый камушек?

— Прочесали, — виновато сказал Хауэлл, — не знаю, где вы укрылись!

Фрэнсис покачал головой:

— Вы там бездельем занимаетесь, у себя в правительстве, — сказал он, — вот потому пиратство и процветает!

— Не мы виноваты, что кому-то взбрело в голову грабить мирных жителей! — не выдержал Дайтоб.

— Спокойнее, пожалуйста, — утихомирил его канцлер.

— Пусть мы преступники, но вы преступники не меньше нашего! — вспылил Фрэнсис, — народ передал вам власть судить и карать, а вы только и занимаетесь, что плетете интриги и делите влияние.

— Не успокаивайте свою совесть! — воскликнул Дайтоб, — мы не делаем ничего плохого!

— Ха! Почему Дина отправили в Бланкальер!? Меня почему посадили на корабль смертников? Даже суд не провели!

— Прекрати, Фрэнсис, — нахмурился Дин. — Каждый живет, как совесть позволяет, и мы уж точно не лучше.

Фрэнсис отобрал у Дина бутылку коньяка и сделал три больших глотка.

— Закончили разговор, — сказал он, — идем наверх, пора поднимать паруса. Что скажете, господа, пропустят флейт ваши подчиненные?

— Не сомневайтесь.

Поднялись на верхнюю палубу. Капитан линкора уже доложил об открытом коридоре. Фрэнсис пригляделся: судя по огням, корабли немного изменили положение. На линкоре подняли паруса, он взял севернее и отошел ближе к острову, открывая путь.

— Первый помощник! — крикнул Фрэнсис, огляделся, — где Роберта!?

Она появилась спустя минуту.

— Принимаешь командование над судном! — сказал он.

— Поднять паруса! — рявкнула она вместо ответа, голосом, которого Фрэнсис от нее никак не ожидал. Времена, проведенные на корабле Грэма, видимо, не прошли даром.

Спустя полчаса пиратский флейт покинул бухту и пошел по ветру, курсом на юго-запад. Огни военных кораблей остались позади, едва различимые во тьме. По небу бежали тучи и закрывали луну. Пленников развязали и по приказу капитана принялись выкидывать за борт, другие прыгали сами.

— Больше, наверное, не встретимся, — сказал Фрэнсис.

— Это как судьба повернется, — отозвался Хауэлл, — приятно было иметь с вами дело.

С этими словами он прыгнул в море, за ним, коротко кивнув, нырнул Дайтоб, а после и каперанг Даниэль Блан. Пираты подали факелами знак, что пленники свободны, и от ближайшего корабля отошли две шлюпки.

Преследования не было. Флейт пошел по волнам, стремительно удаляясь от острова.

Глава 34. Демон под черным флагом

На рассвете пираты приступили к дележу добычи. Дин первым делом выбрал из сундука с артефактами предметы, необходимые для судовой лаборатории. Это оказалось всего несколько колечек, амулетов и оберегов. Остальную массу свалили в одну кучу с другими богатствами. Пираты подходили по одному, и Грэм выдавал им поровну: два слитка золота либо эквивалент в монетах, горсть драгоценностей и украшений, и горсть ценностей вроде сломанных часов или столовых приборов. Это были огромные деньги, и если кто-то из пиратов задумает вернуться к спокойной жизни, средств хватит на долгие годы.

Закончив дележ, капитан собрал соратников в каюте. Перемотанный Грэм хлестал ром. К пьянке присоединился и Оливье.

— Дальше что делаем? — спросил Фрэнсис.

— Тебе решать, — пожал плечами Дин.

— Предлагаю поскорее промотать добычу, — сказала Роберта, — а иначе, зачем было рисковать?

— Поворачивать в Порт-Стен? — поинтересовался Грэм, размахивая бутылкой. Оливье, опустошив свою, выхватил у него, хлебнул.

— К черту все! — гаркнул он, — дайте хоть день отдыха! День без забот!

— И то правда, — проговорил Фрэнсис, — можно слегка расслабиться. Первый шаг сделан, и мы продолжаем плаванье! А пока — предлагаю напиться.

— Можешь не предлагать, — отозвался Оливье.

— Мы уже, — поддержал Грэм.

— Когда успели? — удивился Фрэнсис, раскупоривая бутылку. — Выпьем за то, чтобы море было к нам благосклонно! И попутного нам ветра!

Спустя неделю после событий на Сколоперкосе.

Дин прошел в просторную капитанскую каюту, где помимо Фрэнсиса сидело еще четыре пирата, и все как один смаковали сигары. Помещение заволокло дымом, в котором терялись цвета, искажались формы. Свечи на столе едва можно было рассмотреть сквозь пелену, будто завесу тумана.

— Проветрить, может? — неуверенно спросил Дин.

— Нет, нет. Проходи, угощайся, — Фрэнсис выпустил в потолок струю дыма, — отменные сигары, еще в Порт-Стене купил.

— Нет уж, обойдусь.

— А зря, — негромко сказал один из пиратов.

Спустя минут десять потушили последнюю сигару и вышли — все, кроме Дина и Фрэнсиса.

— Когда это ты начал курить? — спросил колдун.

— Не обращай внимания, я только по праздникам.

— Сегодня праздник?

Фрэнсис не ответил, а вместо того долго ходил из стороны в сторону, гоняя стену дыма. Дин молча ждал, пока тот заговорит.

— Тебе не интересно, откуда я взял змеиную статуэтку? — остановившись, спросил капитан.

— Я ждал, пока сам расскажешь, — пожал плечами Дин.

— Теперь я готов, — Фрэнсис налил стакан вина, но, подумав, пить не стал. — Мне нужно выпустить Белвела на свободу.

Дин приподнял брови.

— Зачем? — осторожно спросил он.

— Мы с ним договорились. Белвел указал мне на статуэтку. Без него я, конечно, не догадался бы.

Дин выпил залпом стакан вина, что Фрэнсис отставил в сторону.

— А за капитана Райса что ты ему обещал?

— За призрака мы квиты, ведь он хотел завладеть моим разумом… Потом, когда мы плыли к Сколоперкосу, все дни, иногда целыми ночами — он угрожал мне и пророчил все мыслимые беды. Но когда я бился с первым змеем, оба демона сражались за меня — и тот, что в мече, и Белвел. Потом, когда я был при смерти от ядовитого ожога, я стал очень хорошо слышать его голос. Белвел сказал, что поможет мне, а взамен я выпущу его на волю. Он сделал все, как обещал, теперь пора бы расплатиться и мне.

Колдун долго молчал, обдумывая сказанное.

— Во-первых, ты снова станешь слаб, — сказал он.

— И я того хочу.

Дин снова удивленно приподнял брови.

— Когда мы только встретились с Робертой, — начал Фрэнсис, — она сказала, что эта сила не моя. Тогда я не видел разницы, а теперь понимаю, что ни к чему не приду таким путем. Я думал, что сила демона поможет мне возвыситься, но она только искушает. И рано или поздно я оступлюсь… уже оступился, когда отнял эликсир у Панагама. А сколько раз в гордыне я подвергал команду смертельному риску? Пусть теперь демон убирается в преисподнюю — а мы начнем все заново, только теперь по-настоящему.

— Во-вторых, — проговорил Дин, — я не знаю, как обернуть ритуал вспять.

— Белвел мне рассказал. Выверни наизнанку обряд висельника, а демон силен, дальше он сам вырвется.

Дин глубоко вздохнул, зажмурился. Странные звуки заполнили каюту, отражаясь от стен. А потом разом все утихло — как взорвалось. Фрэнсиса отбросило в сторону, он перелетел через стол. Дин открыл глаза.

— Что это? — прокряхтел Фрэнсис, вставая и отряхиваясь.

— Я обернул ритуал висельника, сам просил.

Фрэнсис оглядел себя, пощупал руки, лицо.

— Так быстро? Но…не вижу разницы.

Дин вздрогнул, отпрыгнул в сторону, зазвенели пустые бутылки, разбросанные на полу.

— Чего ты? — спросил Фрэнсис, не понимая, что происходит, а потом увидел: дым колыхнулся, расступаясь перед невидимой фигурой, принимая ее очертания. Белвел стоял на расстоянии руки от Фрэнсиса. Угадывалась его огромная голова с витыми рогами, мощное косматое туловище, уродливые ноги с копытами. Демон оказался на две головы выше пирата.

— Ты — человек слова, — прорычал Белвел. От голоса нечистого леденела кровь, становилось дурно. Стена дыма качнулась: демон повернулся к Дину, и тот почувствовал, что еле держится на ногах от слабости.

— Дважды заточил меня.

— Вот это мощь, — проговорил Дин, тяжело дыша.

— Заберу с собой. Вечно буду мучать за твои грехи.

Фрэнсис перевел дух и выкрикнул:

— Уходи, демон, теперь ты свободен! Больше мы не станем призывать тебя!

Из нутра невидимого монстра донесся нарастающий рокот, демон заговорил, и на этот раз голос был нестерпимо страшен:

— Молись за свою душу, колдун!

Вязкие очертания сорвались с места — Белвел ринулся к Дину, тот, уже теряя сознание, выкрикнул заклинание: каюту потряс раскат грома. Фрэнсис свалился без чувств, а спустя мгновение в ноздри ударил едкий запах серы.

Фрэнсис поднялся на дрожащих ногах, рука уперлась о стол, который скрипнул под тяжестью капитана.

— Дин, я свободен, — сказал Фрэнсис, отдышавшись, — я снова слаб и снова немощен. Теперь, наконец, я смогу стать великим пиратом. Эй, Дин, ты слышишь?

Без движения Дин валялся лицом в луже крови. Фрэнсис перевернул его, приподнял за плечи.

— Очнись, друг.

Дин с трудом разлепил глаза:

— Думал, мне конец.

Фрэнсис посмотрел на порванную куртку и глубокую рану на груди колдуна.

— Сердце стучит, — сказал Дин, — значит, все нормально.

Хауэлл и Дайтоб, признав, что упустили гнусных пиратов, вернулись на материк и отправились во дворец монарха Теадора Третьего. Хауэлл был красноречив и рассыпался в комплиментах, Дайтоб говорил сдержанно и перед окончанием аудиенции просил об отставке. Король принял прошение, и уже спустя неделю Дайтоб оставил службу и отправился на заслуженных отдых, славя богов за то, что не попал на каторгу. Хауэлл, напротив, был полон энергии, и даже просил повышения. Король отверг просьбу, сказав, что не доволен его деятельностью, но намекнул, что вскоре гнев сменится на милость. Дело об эликсире Белвела и Фрэнсисе Эвери было закрыто, хотя сам капитан на этот раз попал в список пиратов, за чьи головы назначена награда.

В первый же выдавшийся выходной Хауэлл приехал в гости к Дайтобу, в его роскошное поместье на берегу моря. Командор, не смотря ни на что, был рад увидеть Хауэлла, и даже советовал тому быстрее выходить на пенсию. Канцлер сказал, что рано ему еще, но с удовольствием провел в тишине и покое несколько дней.

После случая в Порт-Стене Панагам пропал бесследно. Поначалу королевские алхимики обрадовались, но скоро осознали свою наивность. Оказалось, что кроме Панагама трудиться было некому. Королевские проекты, все до одного, застопорились, финансирование гильдии обрезали. Пришлось и жить поскромнее, и пытаться работать, от чего они отвыкли за годы безделья.

Говорят, Панагама видели садящимся на корабль, который отправлялся к острову чернокнижников, страшному месту, где и королевский флот — редкий гость, и пираты заплывают разве что из-за страшной нужды. На бумагах остров находится во власти Короны, но на самом деле там царит власть колдунов, алхимиков и демонологов, практикующих черную магию и ритуалы древних эпох.

Ян Ван Ремм в памятную ночь нападения агентов Дайтоба беспрепятственно добрался до лавки, на которую никто и не думал нападать. Тем не менее, впервые за все время проживания в Порт-Стене, он нанял телохранителя. Бонни Ван Ремм

продолжала помогать отцу с лавкой, но после знакомства с пиратами ее все больше манило море, все сильнее привлекал безграничный простор и соленые брызги в лицо.

Пираты Фрэнсиса продолжали разбой, но в народе пошли разговоры, что они изрядно измельчали. После бойни на Сколоперкосе, о которой спустя самое короткое время узнал весь мир, пираты Эвери грабили исключительно небольшие торговые суда, обходя за десятки миль военные корабли, не возили контрабанду, и больше не появлялись ни в Порт-Стене, ни на материке, перебиваясь кое-чем и кое-где. Люди поговаривали, что прошли золотые дни Фрэнсиса Эвери, на что сам капитан лишь усмехался. Флейт продолжал бороздить моря, появляясь то там, то здесь. Фрэнсис довольствовался самой небольшой добычей и не обращал внимания на разговоры за спиной. В конце концов, какое ему было до них дело?